ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Земля с высоты 250.000 метров

Снимки Германа Титова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 37 (1786)

10 СЕНТЯБРЯ 1961

39-й год издания

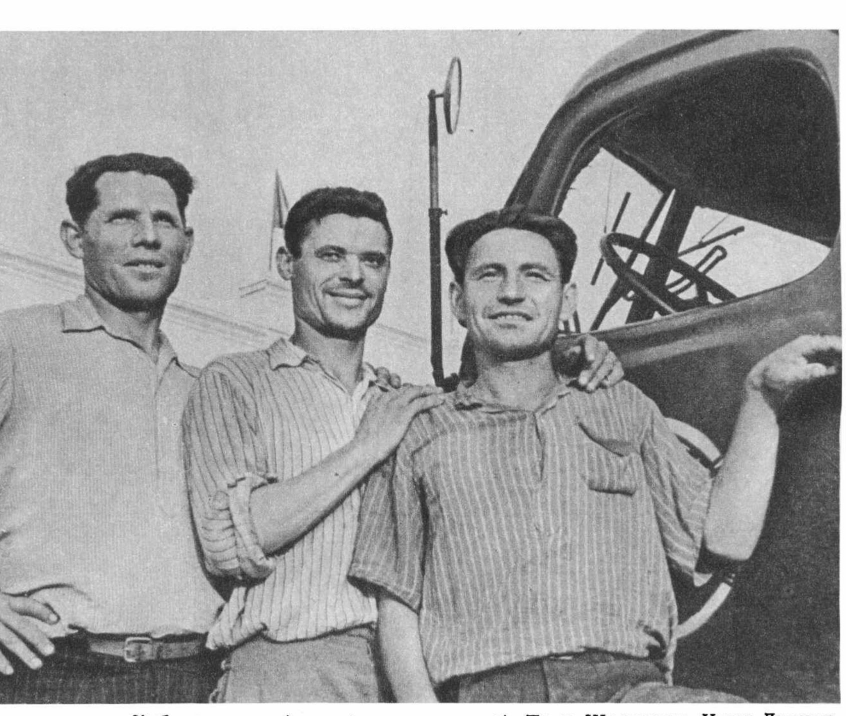
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

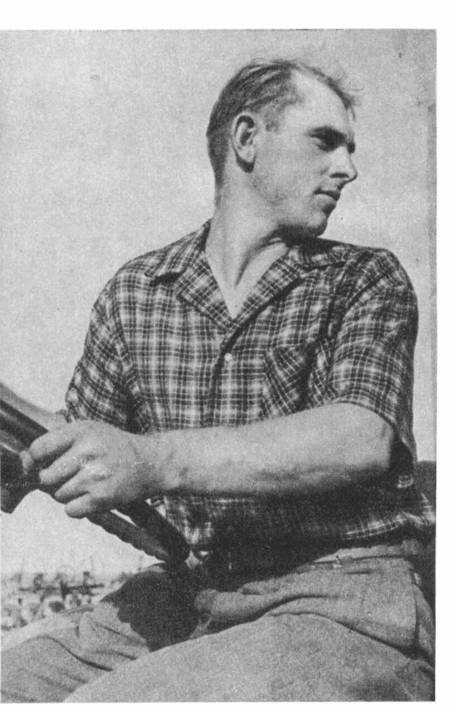
Андрей Шевченко (слева) и Иван Курин.

Иван Голубенко.

Кубанские шоферы (слева направо): Петр Шестаков, Иван Дьяченко и Владимир Украинцев.

Егор Каплунов.

ГЕРОИ ЖАТВЫ

В. Я. Нарыкин.

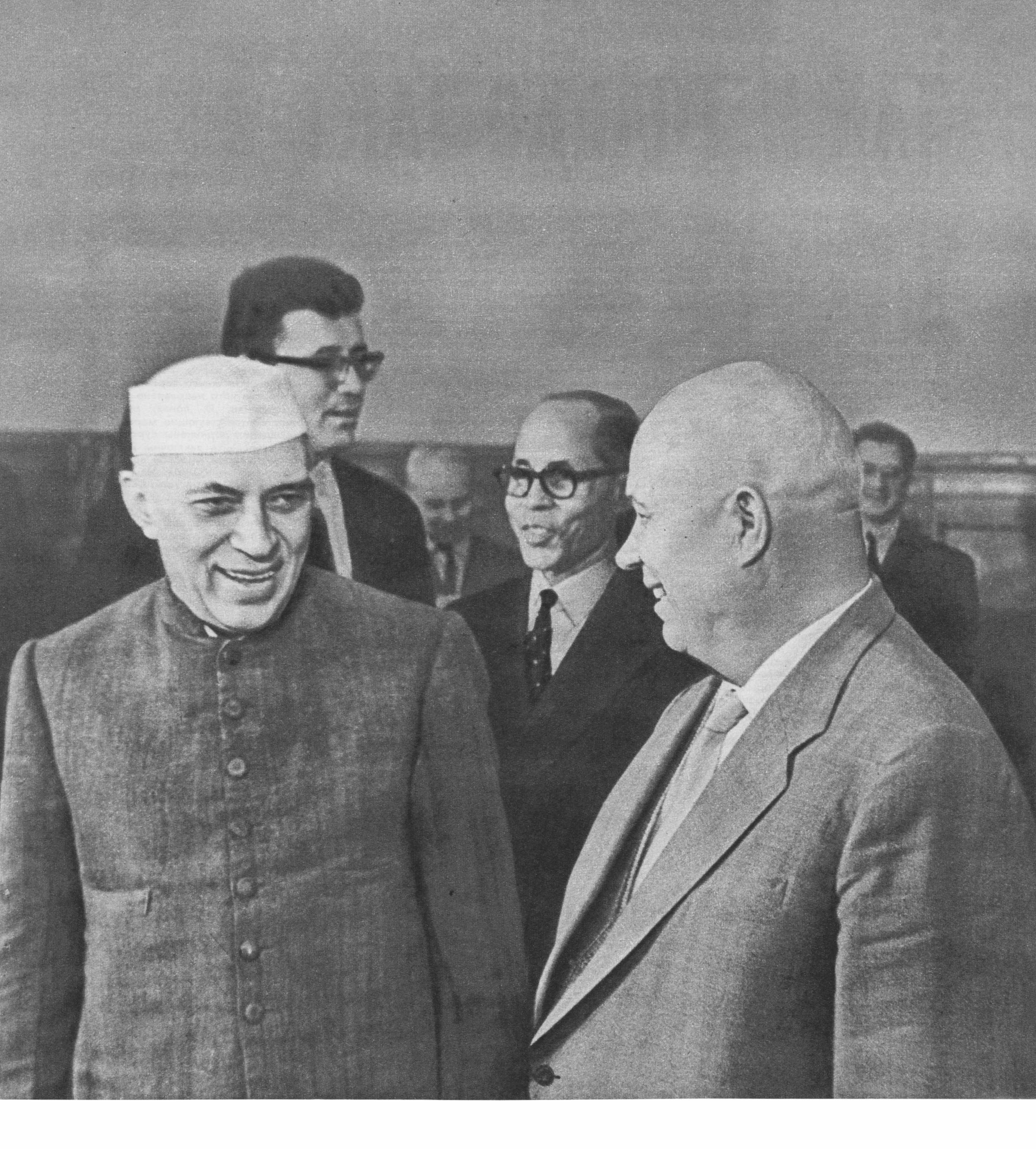
Александр Глебов.

Добрые вести продолжают поступать с полей. Хлеб идет! Урожай хороший! Посмотрите на наши фотографии. Это герои уборки. Познакомьтесь с ними.

Шоферы Выселковского автохозяйства на Кубани будто говорят: «Все нормально. Зерно не останется в поле». Комбайнер из колхоза «Победа», Кантемировского района, Воронежской области, В. Я. Нарыкин сосредоточен и спокоен: за кормой его степного корабля уже осталось 200 гектаров. Улыбаются со своего капитанского мостика Андрей Шевченко и Иван Курин: «Хлеба-то нынче у нас какие!» «У нас» — это в Сталинской области. Иван Голубенко из колхоза имени М. И. Калинина, Обуховского района на Киевщине, окидывает взглядом дело рук своих. Но окинуть одним взглядом не удается — убрано 312 гектаров зерновых, намолочен 6 741 центнер. Молодому комбайнеру колхоза «Родина», Глубокинского района, Ростовской области, Александру Глебову сделать это еще труднее: он подобрал валки с площади 400 гектаров и намолотил больше 9 тысяч центнеров зерна. А вот еще один герой жатвы: тракторист совхоза «Россошинский», Сталинградской области, Егор Каплунов, смотрит, как там дела у комбайнеров. Хорошо, отлично идут дела!

Фото И. Акуленко, Б. Вдовенко, С. Гендельмана, А. Жеребцова, А. Зенина, Н. Козловского.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ В МОСКВЕ

В Москву 6 сентября по приглашению Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева прибыл Премьер-Министр Индии Джавахарлал Неру. На Внуковском аэродроме столицы высокого гостя из Индии встречали Н. С. Хрущев и другие советские руководители. В тот же день Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял Дж. Неру в Кремле.

Фото М. Савина.

ТАК И ТОЛЬКО ТАК!

СССР: БДИТЕЛЬНОСТЬ, СПОКОЙСТВИЕ, УВЕРЕННОСТЬ

М. АЛЕКСЕЕВ

Им хотелось, чтоб мы были слабыми. Им всегда этого хотелось. Выдавая желаемое за сущее, империалисты какой уж раз жестоко обманывают себя. Им казалось, что родившееся в семнадцатом году дитя настолько слабо и беззащитно, что его без особого труда можно проглотить. Не вышло однако ж! Четырнадцать государств, объединенных общей лютой ненавистью к новорожденному, не смогли задушить его.

Столь предметный урок мог бы пойти на пользу. Но то ли потому, что злоба мутит разум, то ли потому, что постоянный наш призыв к разоружению и, стало быть, к миру был истолкован как признак слабости Советского государства, только империалисты вновь решили «попытать счастья». Для этого они вскормили в гнилом чреве своем самое отвратительное, что только могло быть на свете,— фашизм, вооруженный архисовременной боевой техникой и дикарской, пещерной, человеконенавистнической идеологией. Ставка, однако, была не совсем удачной для американо-английских и французских «умиротворителей»: почувствовав у себя достаточно упругие бицепсы, германский фашизм обрушил сокрушительный удар прежде всего на своих благодетелей и упователей, и только потом уже обратил алчный, бешеный взор свой в сторону нашего социалистического Отечества.

Чем все это кончилось, народы знают и помнят: у народов долгая и цепкая память. Жаль только, что нет ее у некоторых правителей. Один из них мог бы, например, вспомнить, как в молитвенном восторге ступал на землю Сталинграда, неся дар своего народа народу—победителю и спасителю всей цивилизации, созданной веками. Другой бы вспомнил, что в том же Сталинграде лежит меч — дар короля Великобритании, и что не случайна неувядающая с годами дружба между городом над Волгой и маленьким Ковентри. Третьему бы в самую пору вспомнить, что, пролив море своей крови в борьбе с германским фашизмом и сокрушив его наконец, мы без промедления поспешили на восток, чтобы ускорить погибель другого страшного агрессора — японского милитаризма,— и тем сохранили многие жизни для далекой Америки.

Казалось, более убедительно, чем сделали это мы, нельзя продемонстрировать и свою мощь и верность союзническому долгу!

Можно понять империалистов, что им пришлось не по вкусу рождение целого социалистического мира в результате второй мировой войны. Но в том вины нашей нет: мы не раз предупреждали международных разбойников на этот счет.

И что же?

Старое повторяется сызнова.

Вновь долларовый ливень хлынул на землю, где только что и, думалось, на веки вечные был похоронен фашизм, которому наша несчастная планета «обязана» многими-многими миллионами человеческих жертв и неслыханными бедствиями, при воспоминании о которых стынет кровь в жилах.

Видя такое, мы взывали: «Опомнитесь, что вы делаете?!» Мы очень часто и очень долго, с редким терпением взываем к разуму тех, кто столь трагически быстро забыл кровавые уроки гитлеризма. Но, как бы издеваясь над совестью, западные правители продолжали возрождать и вооружать Германию Аденауэра, несмотря на то, что в голосе и в повадках этого старца все явственнее стали слышаться знакомые истерические нотки покойного фюрера и видеться его надменная осанка.

Мир еще не вздохнул полной грудью после недавнего кошмара, а уже слышит опять очень знакомый и очень памятный слитный гром кованых сапожищ по булыжным мостовым немецких, французских и английских городов. Аденауэр оказался гораздо хитрее и ловчее Гитлера: он вторгся во Францию и Англию без единого выстрела. Гордый Альбион на поверку оказался не столь уж гордым!

Моя Родина, народ мой слишком много видели, слишком много пережили, чтобы не понять, против кого направлено столь трогательное единение. И, поняв, естественно, принимают соответствующие меры. При этом наши суждения подчинены суровой логике. Мы говорим: давайте заключим мир, покончим с остатками второй мировой войны, пусть люди живут спокойно в мире. Нам отвечают отказом. Но ежели вы не хотите мира, то чего же вы хотите?..

Советское правительство, наша партия сделали правильные выводы из сложившейся обстановки, приняв решение — скажем прямо, нелегкое решение!—о возобновлении ядерных испытаний. Теперь те, кто принудил нас сделать это, льют крокодиловы слезы. Но едва ли они кого-нибудь обманут: жены, матери, дети пролили очень много настоящих, горючих человеческих слез, оплакивая своих родимых, павших в бою с фашизмом, и кого-кого, а ихто не обманешь крокодиловыми, лицемерными слезами! Народы знают, что Советский Союз никогда первым не начнет войны и коль скоро он принимает меры к повышению своей оборонной мощи, то это только на пользу и во имя мира во всем мире.

Так и только так!

ЗАПАД: ЛИХОРАДКА ВОЕННЫХ ПРИГОТОВЛЕНИЙ

«Силезия» — это слово написано на плакатах, под сенью которых атомный канцлер Аденауэр произносит очередную поджигательскую речь. Его слушатели — реваншисты разных поколений. Старые — из гитлеровских недобитков, унесших ноги из-под Сталинграда. Молодые — из числа юнцов, не нюхавших пороха, но подготовленных заботами боннского рейха к тому, чтобы стать пушечным мясом новой мировой бойни.

Силезия — это лишь одно из многих территориальных притязаний Западной Германии. «Требуем границ 1937 года!» — надрывается Бонн. Карты и атласы, выходящие в западногерманских издательствах, не признают исторических изменений, внесенных жизнью. О польских, чехословацких, советских землях картографы ФРГ пишут: «Находящиеся под временным иностранным управлением».

Боннские реваншисты хотели бы принести на эти земли свой порядок, свои законы. Для этого вооружается американскими ракетами бундесвер. Для этого забирается в танк воинственный баварец Франц Иозеф Штраус, готовый хоть завтра отправиться изведанным маршрутом «нах Остен».

Вирус военного психоза, свирепствующий в Бонне, распространился и на другие столицы Запада. Штабы НАТО лихорадит. На картах появляются новые и новые стрелы наступательных операций, в сейфах военных ведомств — новые и новые ассигнования для подготовки агрессии.

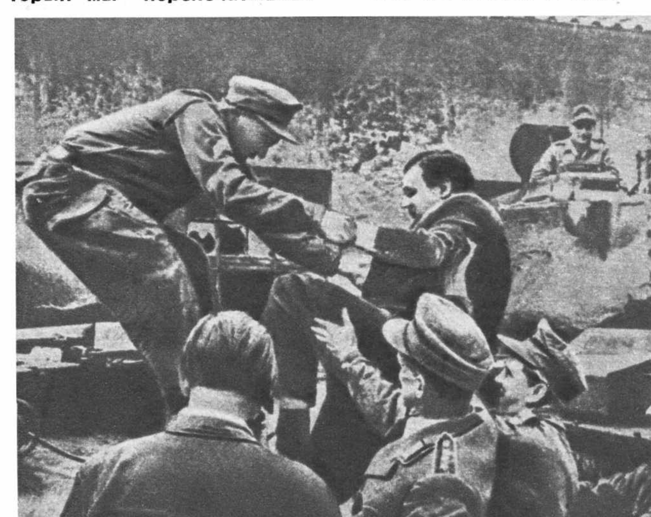
Взгляните на снимок, который мы перепечатываем

← Реваншисты требуют «жизненного пространства».

Мальбруки из Фонтенбло.

Штраус рвется в бой.

Порох держим сухим!

В день, когда вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О временной отсрочке увольнения в запас солдат, матросов, сержантов и старшин, выслуживших сроки действительной военной службы», наши корреспонденты побывали в N-ской танковой части. В одной из Ленинских комнат над бумагой склонились старший сержант Геннадий Мороз и рядовой Евгений Асафов (на снимке справа) — они писали домой. Журналисты попросили у Евгения Асафова разрешения отвезти это письмо к родным в небольшой волжский городок Наволоки и опубликовать его в журнале.

Мы публикуем сегодня письмо солдата домой, а также с разрешения Натальи Сергеевны Асафовой ее ответ сыну.

Ивановская область, гор. Наволоки,
улица Советская, 10, кв. 6,
АСАФОВОЙ НАТАЛЬЕ СЕРГЕЕВНЕ.

Здравствуйте, дорогие мои родители, Наталья Сергеевна и Николай Зиновьевич, сестренки Валя, Таня и маленький Сашок! С огромным приветом к Вам Ваш сын и брат Женя.

Спешу сообщить, что письмо от Вас получил, за что большое спасибо. Ну что сказать о себе? Жив, здоров, чувствую себя хорошо. По службе у меня все в порядке. Вы, наверное, спросите, когда же я приеду домой, когда меня ждать. Должен Вас огорчить. Вы, конечно, уже знаете из газет, какая напряженная обстановка сложилась. Империалисты усиливают военные приготовления, и наше правительство признало необходимым временно отсрочить увольнение в запас воинов, выслуживших сроки. У нас все танкисты так поняли это решение: именно потому, что нам всем очень хочется жить в мире, без всяких войн, нельзя безучастно наблюдать, как готовятся на Западе к новой войне. Когда зверь начинает рычать, его нужно приструнить, чтобы не расходился. Я знаю, дорогие мои, что Вы согласитесь с нами, солдатами. Порох мы держим сухим, а если потребуется, дадим сокрушительный отпор любому агрессору.

День танкиста наша часть отмечает нынче по-особому — собрали 50 тонн металлолома. Металл этот пойдет на тракторную колонну для подшефного целинного совхоза. Некоторые ребята мечтают сами на этих тракторах поработать. Думаю, что они своего дождутся. Ведь мир все же восторжествует!

А как Вы живете? Что у Вас нового? Ходите ли по грибы? Напишите обо всем поподробнее. Как бы мне хотелось увидеть все самому! Привет Женьке Гренадерову и всем моим родным и знакомым. Крепко целую всех. Пишите. Жду.

Женя.

31. VIII—61.

АСАФОВУ ЕВГЕНИЮ НИКОЛАЕВИЧУ.

Сынок, родной мой!

Конечно, погрустили мы с отцом над твоим последним письмом. Отец вспомнил своих четырех братьев, положивших головы в прошлой войне, а я — о твоей мечте стать врачом. Да, не перевелись еще людоеды, которые мешают другим спокойно, мирно жить и трудиться. Они рассчитывают строить свое благополучие на слезах и крови простых людей. Вот почему я, как и остальные матери, одобряю решения партии и правительства. И об отсрочке и насчет ядерных испытаний. Я знаю, что наше правительство примет все меры, чтобы наши дети и внуки не узнали горя и несчастий войны.

А тебе мое материнское спасибо, что правильно понимаешь свой долг перед Родиной, и благословение. Служи честно, служи, пока этого требует дело мира. А мы будем тебя ждать.

Новостей у нас особых нет. Отец трудится все там же, в ткацкой. Было у них в коммунистической бригаде собрание. Решили, если понадобится для обороны, перейти снова на восьмичасовой.

В клубе открылась выставка цветов и плодов. Очень красиво. Яблоки, арбузы, даже виноград. Тыкву один школьник килограммов на двадцать представил. Все наши — наволоцкие — вырастили. Я смотрела и думала, сколько хорошего может сделать на земле человек, если не мешать его мирному труду.

Грибов нынче много. Валюшка и Танюшка снабжают нас и белыми, и серыми, и красными.

Женя Гренадеров все слесарит. Как раз сегодня забежал. Говорит, что хотя отслужил свое, но воинскую специальность не забыл и снова готов сесть, как и ты, в танк. Собирался с девчатами на воскресник — в яслях, что на горе, территорию убирать.

На комбинате и в насосной тебя ждут. Нынче полтораста человек народу на учебу ушло, в институты да техникумы. Так что в людях опять нехватка.

Твой племяш сидит рядом со мной и тоже сочиняет тебе письмо.

Вот вроде и все. Желаю тебе здоровья и большого успеха в службе.

Остаюсь твоя мама. Обнимаем тебя все.

3. IX—61.

...Твой племяш сидит рядом со мной и тоже сочиняет тебе письмо...

Отец трудится все там же, в ткацкой.

Фото А. Гостева и М. Савина.

из английского журнала «Сфир». Он сделан в штаб-квартире НАТО в Фонтенбло. Военный, «поражающий Русь на карте»,— западногерманский бригадный генерал Куссеров. Он излагает группе офицеров американских, английских и французских военно-воздушных сил принципы боевых действий авиации в будущей войне. Есть что послушать: за плечами боннского генерала — развалины Ковентри и Роттердама, авторитет ковровых бомбежек, жертвой которых становилось мирное население городов и сел...

В крестовом походе против коммунизма, против великого социалистического содружества государств атлантические стратеги готовы на любые средства. В Форт Брэгг, в американском штате Северная Каролина, обучаются люди, которых Пентагон намерен использовать в тылах социалистических стран. Курсанты зазубривают фразы на славянских языках. Их учат войне из-за угла, войне исподтишка, учат диверсиям, поджогам, убийствам.

Гонка вооружений, безудержные военные приготовления — это столбовая дорога политики Запада. Она ведет к войне.

В этих условиях задача миролюбивых сил — поставить преграду силам войны. Советский Союз принял меры, чтобы укрепить безопасность наших границ, границ всего социалистического лагеря.

И горе тому, кто посягнет на мирную жизнь народов, строящих свое счастье!

Здесь готовят диверсантов.

Ракеты бундесвера нацелены на Восток.

В Белграде состоялась конференция неприсоединившихся государств. В столице Югославии были представлены 25 стран разных континентов. Конференция обсуждала актуальные международные проблемы. На ней прозвучали здравые голоса, призывающие к миру и укреплению национальной независимости. Конференция явилась суровым судом над колониализмом.

Глава Советского правительства Н. С. Хрущев направил председателю конференции телеграмму, в которой пожелал конференции успеха в ее работе во имя великого дела сохранения мира на земле.

На снимке: в зале заседаний конференции неприсоединившихся государств.

ЕЩЕ ОДИН ШАГ К КО

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ГИГАНТ НА ВОЛГЕ

Мало кто помнит даже на самой Сталинградской ГЭС тот далекий октябрьский день пятидесятого года, когда над Волгой заалел вымпел земснаряда «Волжский». Он вошел в Ахтубу и начал расчистку места для строительства новой пристани. Так начался «Сталинградгидрострой».

Огромную работу проделали за эти годы гидростроевцы. Вот одно лишь сравнение. При сооружении Сталинградской ГЭС перемещено 166 миллионов кубометров земли! Чтобы перевезти такую массу грунта, понадобилось бы 126 тысяч товарных составов. Они вытянулись бы в длину на 93 тысячи километров, два раза опоясав Землю по экватору!

И вот величайшая в мире гидроэлектростанция построена!

Мерно гудят ее турбины в 700-метровом машинном зале, впервые в практике гидростроительства смонтированном целиком из сборного железобетона. Четко работает телемеханика дальнего действия — дежурный объединенного диспетчерского управления Европейской энергосистемы в Москве с удовлетворением отмечает «сообщения» приборов из города Волжского:

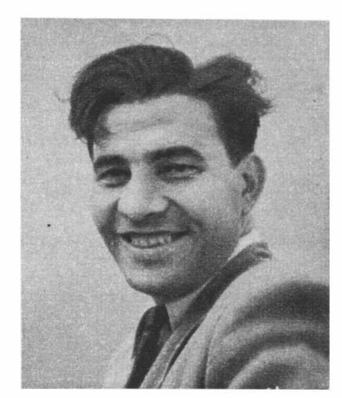
— Все в порядке!

А над сооружениями ГЭС—шлюзами, монтажной площадкой — один за другим поднимаются трепетные алые флажки.

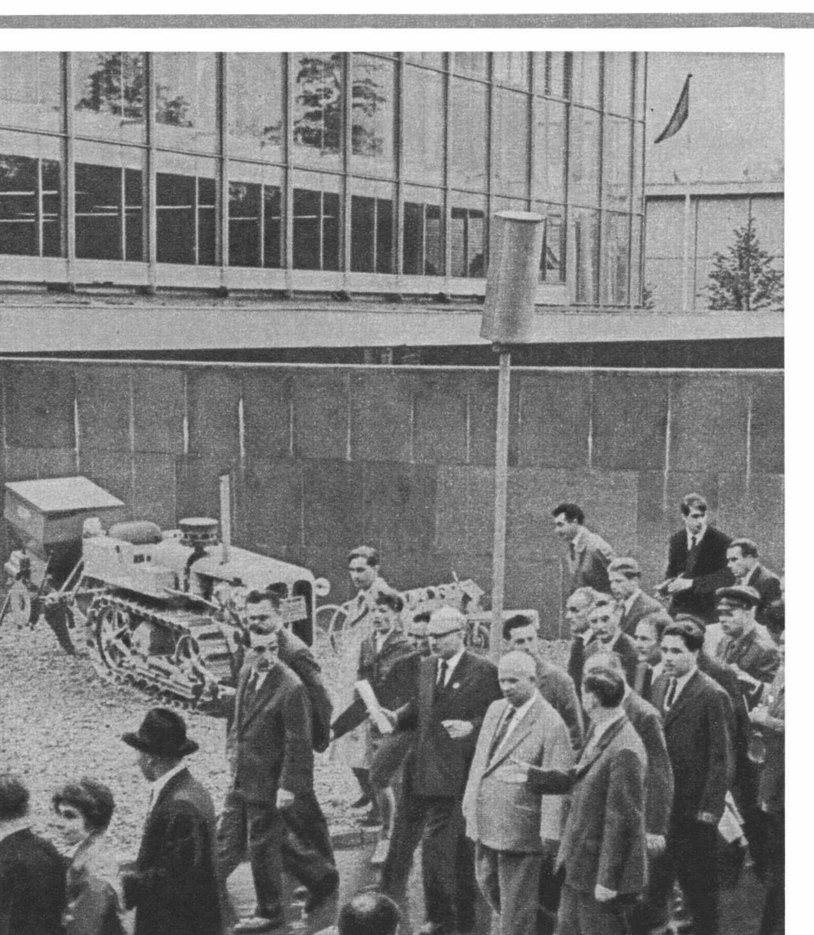
Это вымпелы готовности. Они означают: «Объект к приему правительственной комиссией готов!»

Фото А. Гостева.

Вот они, герои волжской стройки (слева направо): крановщик В. Ключенков, начальник участка

4 сентября советские руководители посетили Французскую национальную выставку в Москве. Товарищи Н. Г. Игнатов, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Н. Руднев провели на выставке около трех часов, знакомясь с ее экспонатами. Товарищ Н. С. Хрущев отметил, что выставка будет способствовать дальнейшему развитию экономического и торгового сотрудничества между Советским Союзом и Францией, улучшению торговых отношений.

← Фото Дм. Бальтерманца.

А. И. Микоян отвечает на приветствия студентов.
Фото А. Стужина (ТАСС).

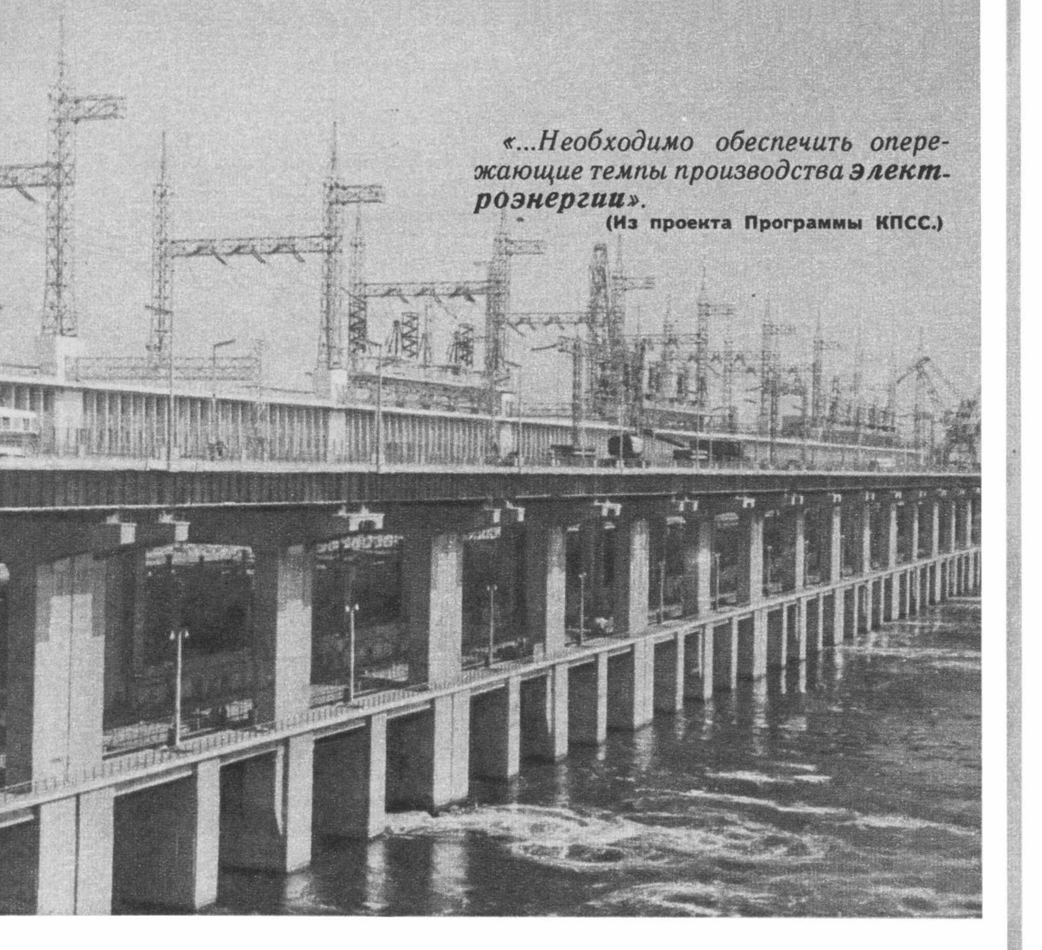
На японской земле

У Советского Союза много друзей в Японии. Это убедительно подтвердилось во время пребывания на японской земле первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна.

В лице А. И. Микояна японский народ приветствовал посланца миролюбивой Советской страны, которая стремится жить в мире и дружбе со своим восточным соседом.

Так встречали студенты Токийского университета советского гостя.

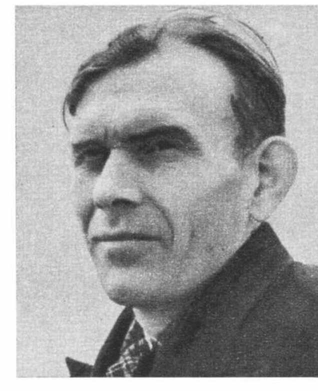

«...Необходимо обеспечить опережающие темпы производства ***электроэнергии****».*

(Из проекта Программы КПСС.)

...ММУНИЗМУ!

Н. Кафтайлов, инженер Е. Красотченко, бригадир монтажников Г. Игнатенко, руководитель комплексной бригады И. Деменко.

У НЕМЕЦКИХ ДРУЗЕЙ

«Единство» — так называется сельскохозяйственный производственный кооператив в Магдебурге — Нойштадте, где побывал советский космонавт Герман Титов во время своей поездки по ГДР.

Единство — это слово лучше всего выражает сейчас настроения народа Германской Демократической Республики, сплотившегося, чтобы дать отпор провокаторам новой войны.

Н а с н и м к е: встреча советского космонавта Г. С. Титова в кооперативе «Единство».

В Париже начала работу Советская выставка. Выставку открыл глава советской правительственной делегации министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев. На открытии присутствовал министр промышленности и торговли Франции Ж. Жаннене. На снимке: Н. С. Патоличев и Ж. Жаннене (в центре) осматривают выставку.

Фото специального корреспондента ТАСС С. Преображенского.

1 сентября скончался почетный председатель Национального Комитета Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки, выдающийся деятель американского и международного рабочего и коммунистического движения, неутомимый борец за мир, демократию и социализм товарищ Уильям З. Фостер.

Память о славном сыне американского народа будет всегда жить в сердцах коммунистов, всех, кто стремится к лучшему будущему человечества.

Колонный зал Дома союзов. В почетном карауле у гроба Уильяма З. ФОСТЕРА товарищи Блас РОКА, Л. И. БРЕЖНЕВ, Н. С. ХРУЩЕВ, А. Н. КОСЫГИН, М. А. СУСЛОВ, Н. М. ШВЕРНИК.

Четыре колеса, два коня. Сколько лет этой старой подводе? Но старая подвода везет новый груз. Книги едут на поля. Сегодня без них не обойтись труженикам земли. Особенно юным. Назифу Кятову и Розу Тутову ждут в бригаде.

СЕРДЦА ОТКРЫТЫ СВЕ

Обратите внимание на герб самоходного комбайна. Это герб григориполисской ученической бригады. За штурвалом комбайна школьник. Комбайнер-учитель — рядом. Он рядом сегодня, а завтра — полная самостоятельность!..

Быт... Это значит, надо сварить обед и постирать бельишко.

В ауле Хабез теперь не часто встретишь коня. Тут больше стальных коней. Но в горном краю без коня пропадешь. Тем более, если ты санитарка, как Мария Озрокова, и твоя помощь может понадобиться далеко в поле.

Ю. ЯКОВЛЕВ

Фото М. НАЧИНКИНА.

Я рассматриваю фотографии, и в памяти оживают недавние встречи с замечательными ребятами Ставрополья. Это члены школьных ученических бригад. Они умеют водить трактор и выращивать новые сорта кукурузы, растить уток и работать на молочной ферме. Они могут починить комбайн и увлекаются музыкой, они колдуют на своих опытных участках и пишут стихи. Трудовые навыки и духовное богатство! Именно на примере их жизни яснее всего замечаешь, как рушатся грани между городом и деревней. Идет коллективизация сердец — один из драгоценнейших ростков будущего в нашей жизни.

Она начинается в школьных ученических бригадах.

Я рассматриваю фотографии и узнаю своих старых знакомых. Они загорели за лето, возмужали. Видно, они славно поработали. Что у вас нового, мои добрые знакомые Эльмира Мишиева и Светлана Меремукова?

Эльмира... Комсомольский вожак григорипольской бригады — гвардии всех ученических бригад. Эльмира — романтик. Ей кажется, что романтично петь на комсомольском собрании революционные песни и романтично в дни праздников идти с зажженными факелами. И романтично девчонке сесть за трактор. И еще Эльмиру отличает самостоятельность. Во всем: в суждениях, в работе, в ответе на уроке. Ей неинтересно идти проторенной дорожкой и неинтересно зубрить без смысла правило. У нее есть внутренняя потребность открывать все самой, для себя и для других. Есть вожаки шумные и громкоголосые. У Эльмиры тихий голос. Ей не надо стараться перекричать ребят. Если Эльмира начинает говорить, все смолкают. Ребята уважают ее.

А как поживает Светлана из аула Хабез, что раскинулся на подступах к Главному Кавказскому хребту? Светлана Меремукова — тоже бригадир ученической бригады. Неутомимая, энергичная, влюбленная в свое дело. А ее дело — кукуруза. С каждым годом урожай кукурузы растет, а ей все мало. Это она будоражит ребят: мало, надо давать больше!

Я всматриваюсь в лица ребят, и мое сердце наполняется гордостью. Как много в них чистого и светлого! Здесь, в бригадах, учатся ставить интересы коллектива выше своих, учатся справедливости, здесь относятся к товарищам, как к своей большой семье. И невольно на память приходят строки из проекта Программы партии. Ведь многое из того, что записано в кодексе нового человека, уже дало ростки в ученических бригадах.

«Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Это относится к тебе, Эльмира, и к тебе, Светлана, и ко всем вашим друзьям!

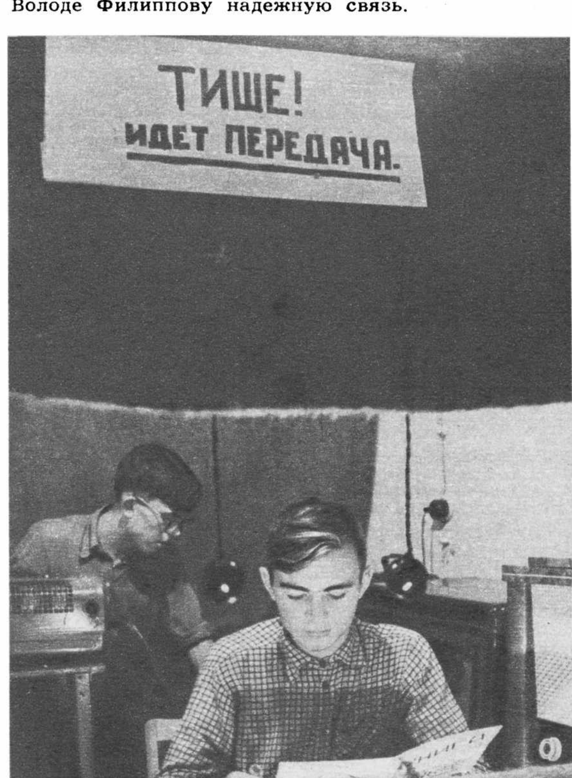
Трактор — «рабочая лошадка» колхоза. Паша Ангелина, первая девушка-трактористка, въехала в историю на простом тракторе. Так рассуждает Эльмира Мишиева. Она сама с ним хорошо ладит. А теперь ей хочется научить свою подругу Тоню Скворцову (слева) водить машину.

Вот это кукуруза! Выходит, не зря трудилась ученическая бригада, ухаживая за «королевой». Чтобы измерить ее рост, Вите Макшанцеву пришлось забраться на спину товарища — Вани Матвеенко.

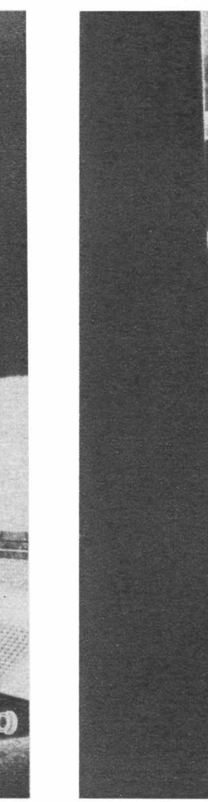
Эта радиостанция находится в культстане ученической бригады колхоза «Россия». Ее голос звучит над полями. Земли ученической бригады так велики, что управлять работой без радио трудно.

Радист Володя Карев обеспечивает бригадиру Володе Филиппову надежную связь.

Еще несколько часов назад эти ребята работали на поле, там, где шла жаркая битва за высокий урожай кукурузы, а сейчас, притихшие, они слушают музыку.

Играет Люба Киблицкая.

ТЛОМУ

> «Система народного образования строится таким образом, чтобы обучение и воспитание подрастающего поколения были тесно связаны с жизнью, с производительным трудом...»
>
> (Из проекта Программы КПСС).

Маленькие тянутся за большими. Разумеется, ставить опыты на больших полях им еще не по плечу, но на опытном участке можно попробовать свои силы. Петя Ястребов и Валя Голубцова хотят стать селекционерами.

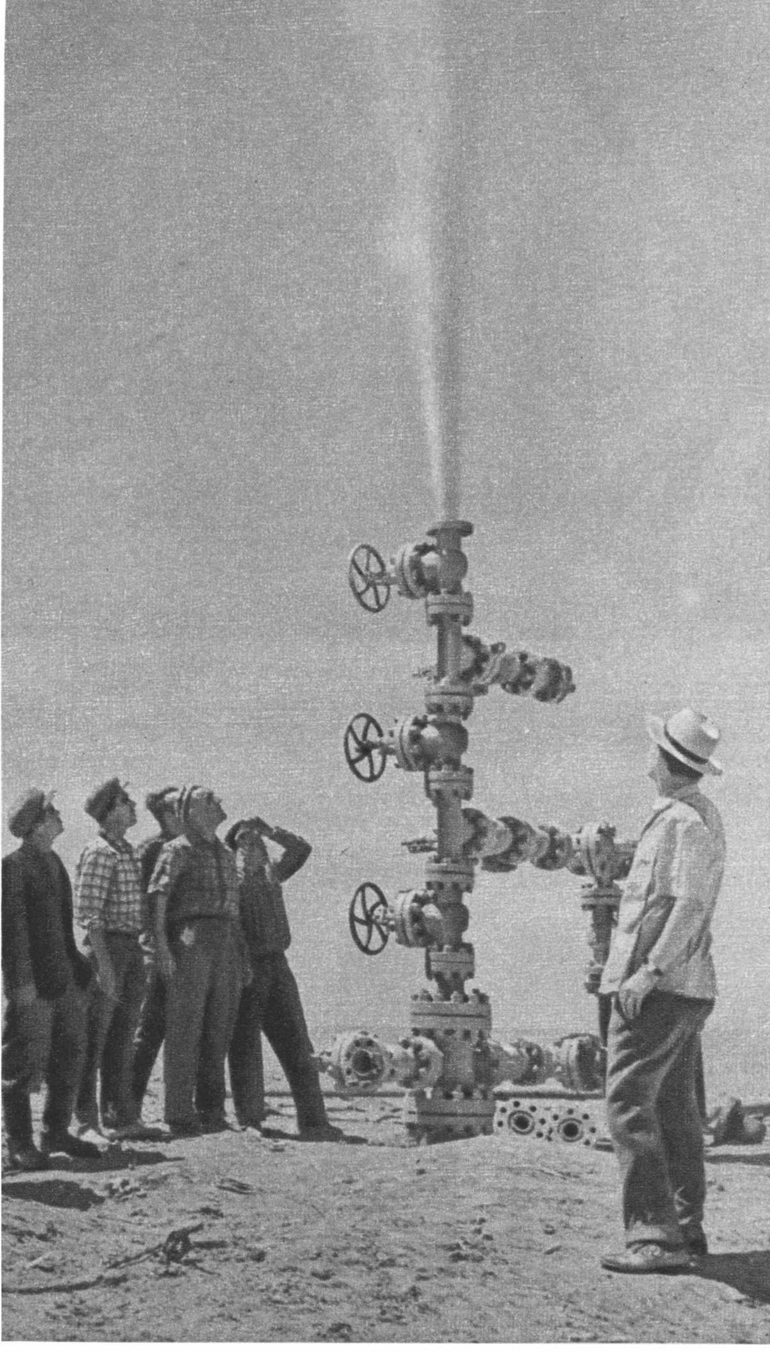

Неутомимая, живая, улыбающаяся девушка из черкесского аула Хабез — Светлана Меремукова.

А этот снимок сделан далеко от полей. Члены ученической бригады колхоза «Россия» Люба Киблицкая и Витя Момотов премированы поездкой на Черное море.

В пустыне, в районе Газли, вырвался из-под земли фонтан природного газа.
Фото М. Альперта.

Ю. БОКСЕРМАН,
член коллегии Главгаза СССР

«Будет последовательно проводиться линия на преимущественную добычу нефти и газа...»

(Из проекта Программы КПСС)

Факелы добрых кочевников

Осенью прошлого года в Москве состоялось заседание Совета Международного газового союза. Среди его участников был англичанин Дж. Бернс — доктор философии, вице-председатель газового управления Северной Темзы. После ознакомления с нашей газовой промышленностью он выступил с большой статьей в английском журнале. Отдав должное «фантастическому увеличению добычи природного газа», Бернс неожиданно пришел к следующему выводу: «Русским исключительно повезло с открытием месторождений природного газа: запасы его имеются почти во всех частях страны...»

Конечно, дело вовсе не в «везении». Истинное «везение» русских заключается в том, что начиная с Октября 1917 года в плановом нашем государстве поставлены на службу народу богатства всех «подземных кладовых» страны. Среди них и природный газ.

Зарубежных гостей, приезжающих к нам, больше всего, пожалуй, поражают наши темпы. Недавно у нас гостили руководители и специалисты крупнейших газовых компаний США.

Неужели все это сделано за последние годы?

Этот вопрос мы слышали чаще всего. И при этом, естественно, испытывали гордость за одну из самых молодых отраслей народного хозяйства СССР — газовую промышленность.

Вспоминается, что в конце войны мне с группой наших инженеров довелось изучать газовые промыслы и строительство газопроводов в Америке. В то время мы только начали строить свой первенец — газопровод Саратов—Москва, а американцы уже имели разветвленную сеть магистральных газопроводов и казались недосягаемыми. Америка была для всех стран Меккой газовой промышленности. А теперь Мекка газового дела перемещается к нам.

Да, действительно, многое из того, что так поразило гостей, сделано за удивительно короткий срок. В Америке ежегодные темпы прироста добычи газа составляют четыре процента, а у нас — свыше тридцати.

После XX съезда КПСС добыча природного газа в СССР увеличилась в шесть раз. Теперь мы заняли второе место в мире, а по возможным потенциальным запасам природного газа — первое место. Это благодатные результаты настойчивого осуществления решений XX и XXI съездов партии, нацеливших нашу экономику на коренное изменение топливного баланса,— преимущество должно быть отдано нефти и газу!

Удельный вес этих дешевых топлив повысился с 24,8 процента в 1955 году до 43 процентов в 1961 году. Что это дало?

За период с 1956 года по настоящее время получена экономия в пять миллиардов рублей (в новом масштабе цен). Этой экономии хватит для строительства всей нашей газовой промышленности в семилетке.

Обгоняя скорые поезда, маршруты с углем и лесом, торфом и сланцами, природный газ невидимым путем, по магистралям, пересекающим пустыни и степи, болота и реки, подается в жилые дома, в мартены, на электростанции, химические комбинаты, цементные заводы.

Газли — место газа

«Газли» по-узбекски означает «место газа». Но оно оказалось не простым местом, а одним из крупнейших в мире месторождений газа, с запасами в пятьсот миллиардов кубометров. Чтобы найти его, понадобился титанический труд геологов, исколесивших необозримые просторы пустыни. Газ найден не только вблизи древней Бухары, но и в Мубареке, Кагане, Джаркаке. Огромная территория от Аральского моря до границ Афганистана оказалась, как считают специалисты, очень перспективной, и геологи назвали ее Бухаро-Хивинской провинцией. Узбекистан теперь — республика не только хлопка, но и природного газа. Он уже идет в десятки городов республики — Ташкент, Самарканд, Бухару, Беговат и другие.

Я недавно был в Чирчике на торжестве по случаю пуска газа. На электростанции кочегары попросили директора выдать им чистые белые халаты. Это не прихоть, не чудачество: скоро огромный химический комбинат избавится от угля, копоти, дыма.

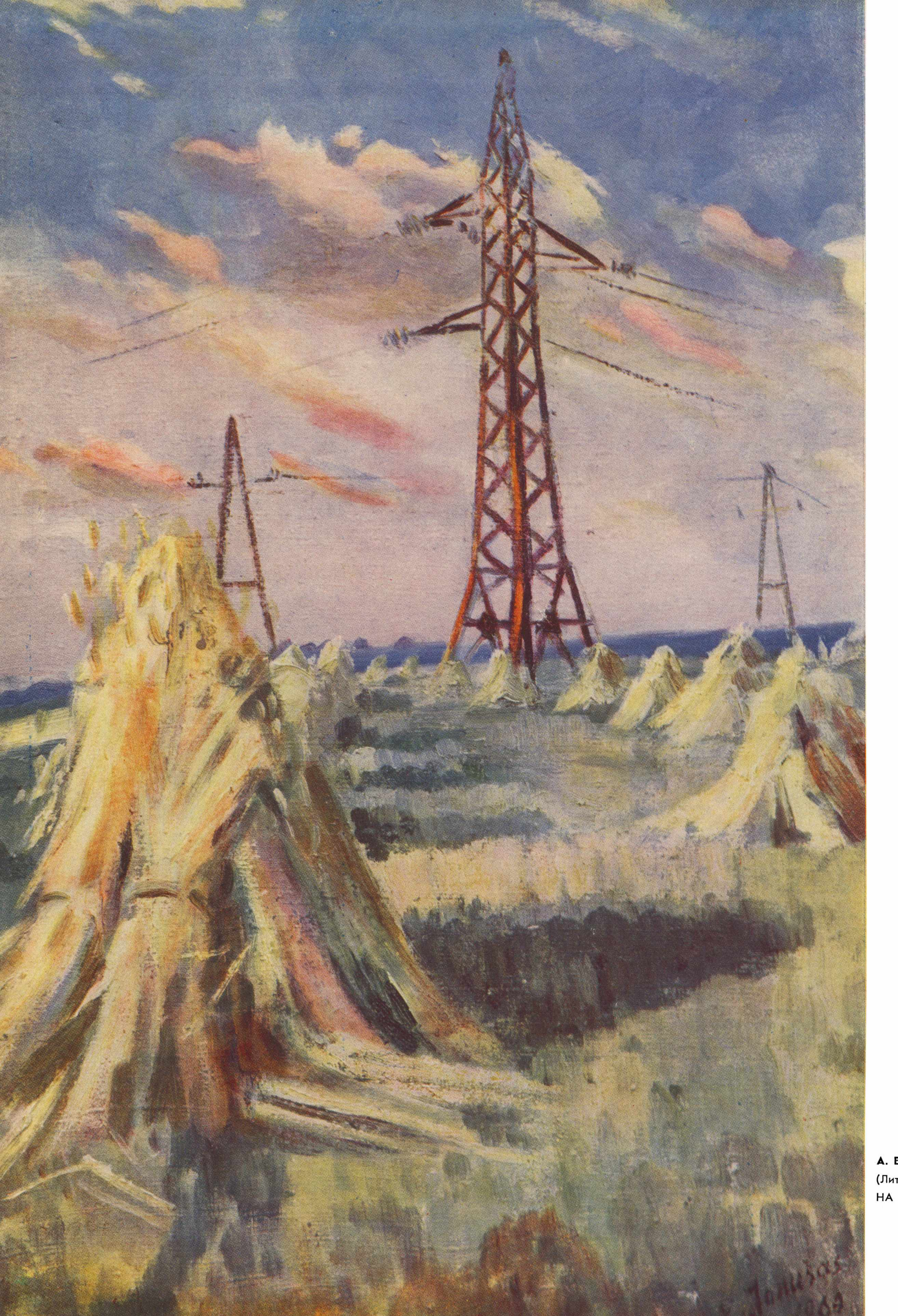
Я слышал много слов благодарности в адрес тех, кто ведет разведку бухарских месторождений. Их очень нелегкий труд действительно заслуживает большой благодарности. Они работают в пустыне, далеко от жилья, в страшную жару: температура в тени — свыше сорока градусов Цельсия. В тени!.. Но тени нигде нет: вокруг барханы песка, усеянные саксаулом. Редко встречается одинокий колодец, но вода в нем соле-

И. Змеев — садовод (Московская область).

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ ГОД.

ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА РАБОТ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ

ПАТРУЛЬ (фрагмент).

А. Войянушас
(Литовская ССР).
НА ПОЛЯХ.

ная, пить нельзя. И очень обидно, что «газовая столица», как здесь называют Газли, еще не построена и что мало еще заботятся о быте тех, кто облегчает быт миллионов людей. Нужно скорее построить каменные дома, защищенные зеленью от палящих солнечных лучей. А главное, нужна вода, много воды, надо скорее построить мощный водопровод из Аму-Дарьи.

В Газли трудятся буровики, приехавшие из Башкирии и Татарии, Грозного и Баку. Выросли и местные кадры разведчиков. Теперь у всех одна забота: скорее найти новые месторождения, проложить новые стальные арыки в республики Средней Азии, протянуть магистраль на Урал.

В Узбекистане говорят: чиста родниковая вода, прекрасен цвет розы, крепка сталь, но чище воды, прекраснее цветов, крепче стали — дружба советских народов. Магистральные газопроводы крепкими нитями еще сильнее скрепляют эту дружбу. Газ из Узбекистана уже поступает в Казахстан, а скоро его получит и Киргизия.

Нет ему равных

Мы приступили к строительству самого крупного в мире газопровода: Бухара — Урал. Уже сварены первые десятки километров труб диаметром в один метр.

Нет нужды рассказывать, как ненасытен Урал с его черной и цветной металлургией, машиностроением, химией, энергетикой, промышленностью строительных материалов, с его вновь созданными благоустроенными городами. Сколько ему ни дашь топлива, все мало! А местных углей не хватает, да и запасы их не столь велики. Вот и приходится везти уголь издалека. Эшелон за эшелоном! Только за один прошлый год отправили на Урал тридцать пять миллионов тонн (в переводе на условное топливо) угля. Сорок процентов топлива, израсходованного Уралом в прошлом году, пало на долю привозного. Как быть? На выручку идет газлинский газ.

В нашей стране уже построено много газопроводов. Но не только в СССР, во всем мире нет равных тому, что проложат из Бухары на Урал. Протяженность двух ниток, включая отдельные параллельные участки, превышает 4 400 километров. Дело не только в протяженности. Решается много сложных технических проблем, и наши люди выступают здесь поистине первооткрывателями. Около тысячи километров трассы проходит по пустынным и малообжитым районам. Магистрали газа перешагнут свыше пятисот рек и каналов, строители одолеют более четырехсот километров скальных участков. Им не у кого перенимать опыт: они все это делают впервые и первыми.

Значительная часть трассы непроходима для автомашин. В ход пойдут вертолеты, танки. И еще одна проблема: надо заставить барханы песков прекратить свое извечное движение, чтобы трубопровод работал надежно. Предстоит тяжкая битва с пустыней, большая, кропотливая работа — засадить барханы кустарником.

Впервые в мире для сооружения газопровода используют на всей трассе трубы невиданно большого диаметра — 1 020 миллиметров. Это позволит передавать по двум линиям двадцать один миллиард кубометров газа в год, что равноценно по теплотворности более тридцати миллионам тонн угля. Иными словами, природный газ, который получит Урал с одного только Газли, заменит все то количество углей, которое ныне привозят сюда.

Совсем по-новому намечается и эксплуатация этого газопровода. Здесь не потребуется обычно принятая служба линейных обходчиков. Наблюдать за состоянием магистрали и ее сооружений будут с вертолетов. А главное — полная автоматизация и телеуправление.

Широким фронтом идут ныне работы на этой самой длинной в мире газовой трассе.

Уже в 1963 году первая очередь должна вступить в строй, газ получат Челябинск и другие города.

...Из Бухары — на Урал! Гигантский этот скачок показался в свое время кое-кому фантастическим. Вспоминаются жаркие споры при обсуждении проекта. Противники утверждали: «Дорого обойдется газ, подаваемый по такому длиннющему газопроводу». Противники были побиты точными экономическими расчетами.

Оказалось, что природный газ на Урале будет стоить в районе Свердловска (2 200 километров от месторождения) два с половиной рубля за тонну условного топлива, или в три-четыре раза дешевле углей. Капитальные вложения на строительство газопровода Бухара — Урал окупятся примерно в четыре года.

Самый северный в мире

Изнуряющий зной — трудность № 1 на строительстве газопровода Бухара — Урал. Вечная мерзлота, когда температура зимой достигает минус шестидесяти градусов,— трудность № 1 на стройке газопровода в Якутии. Здесь на огромной территории, по прогнозам геологов, таятся большие запасы нефти и газа. Первые два крупных—Усть-Вилюйское и Собо-Хаинское — месторождения природного газа уже открыты. Но это — только начало. Геологи считают, что запасы газа в Якутии составляют около триллиона кубометров. Их с лихвой хватит не только для республики, но и ближайших промышленных центров Сибири и Дальнего Востока. Мы говорим «ближайших», хотя их разделяют тысячи километров тайги и бездорожья. Именно поэтому нам очень важно уже теперь накопить опыт сооружения газовых магистралей в тайге в условиях вечной мерзлоты.

Первая ласточка — проект такой магистрали, идущей в города Якутск, Покровск. В землях вечной мерзлоты уложить газопровод невозможно. Как быть? И вот появляется интересное решение: магистраль в виде гибкой, извилистой нитки подвесить на опорах. Так она и пройдет по тайге, резко охлаждаемая зимой и нагреваемая летом. Она будет «дышать», сокращаться и удлиняться, но, закрепленная на скользящих опорах, будет верно служить людям. Газ пойдет в жилые дома городов Якутии и на предприятия. Зимой он приобретает температуру наружного воздуха и его надо подогреть, прежде чем подать в жилища, а летом — охладить.

Усть-Вилюй — Якутск — самый северный в мире газопровод. За ним последует строительство других северных магистралей. А геологи продолжают свои поиски в Сибири. Мы уже знаем о находках в Тюменской области, в Якутии, а совсем недавно газ нашли еще в одном районе — недалеко от города Омска.

Газовый Донбасс

Раньше на Украине газ добывался только в западных областях, в предгорьях Карпат. Искали его во многих местах, но тщетно: нет газа, скважины оказывались пустыми. После войны геологи ринулись на разведку более широким фронтом. И вот радостная весть: поисковая партия геолога Белуховского обнаружила недалеко от Харькова структуру больших размеров. Это была Шебелинка. Первый газовый фонтан ударил на Шебелинке с глубины в полторы тысячи метров. После первого фонтана пробурили еще несколько скважин, но — увы! — газа тут не оказалось. Пошли было разговоры: фонтан — явление случайное. Однако геологи не сдавались. И скоро открыли тайну Шебелинки: обычно газ скопляется в песчаниках, а тут газоносные пласты представляли собой плотные доломиты, известняки, разорванные трещинами и кавернами. Значит, надо пройти толщу соли мощностью в сотни метров. И прошли, пробурили скважину на глубину в две тысячи метров, пока наконец открыли новый газоносный пласт.

Запасы шебелинского газа очень велики, почти в два раза больше ставропольских. Уже теперь из недр Шебелинки добывается почти четверть всего газа в стране.

И все это делает небольшой коллектив, руководимый директором промысла Владимиром Максимовым. Он еще молод, впрочем, как и весь коллектив,— здесь работает молодежь, успешно преодолевая многие трудности.

Давление газа в скважинах превышает двести атмосфер. Из недр вместе с газом поступает конденсат, так называемая «белая нефть». Как ее отделить? Проверенных схем нет. Вместе с учеными, инженерами проектных институтов шебелинцы разработали такую схему. Теперь конденсат не просто удаляют, а получают из него многие химические продукты.

От Шебелинки во все концы страны протянулись нити магистральных газопроводов. Три года назад шебелинский газ впервые в мировой практике был применен в доменном процессе на Металлургическом заводе имени Петровского в Днепропетровске. Смелый эксперимент дал хорошие результаты. Ныне уже пятьдесят доменных печей работают на природном газе. Он заменит только в этом году около трех миллионов тонн дефицитного кокса. Известно, как много труда надо затратить шахтерам, чтобы добыть коксующийся уголь, который не всегда имеется: надо строить коксохимические заводы, чтобы получить из угля кокс. А тут на смену коксу пришел вдуваемый в домну природный газ. Повышается производительность и качество металла, снижается его стоимость. В мартенах природный газ увеличивает выплавку стали на десять—пятнадцать процентов. Это подлинно техническая революция в черной металлургии.

Газ из Шебелинки — ее на Украине называют «газовым Донбассом» — в начале этого года пришел в Москву. Он идет и в другие города.

А на берегу реки Северный Донец, где расположена Шебелинка, продолжаются поиски газа на глубинах в четыре-пять тысяч метров.

Доброго пути!

Топливо, которого не видит глаз! Оно уже прочно вошло в наш быт. И тем не менее спрос на него куда больше того, что пока может предложить молодая газовая индустрия.

Ближайшая наша задача — довести добычу газа в 1965 году до 150 миллиардов кубометров, или более чем в два с половиной раза от уровня 1961 года. А замах еще больший: в 1970—1972 годах имеется в виду превысить добычу прошлого года в семь раз, чтобы догнать Америку и занять первое место в мире. Это вполне реальная задача, она подкрепляется нашими огромными богатствами природного газа.

До войны, в 1940 году, промышленные запасы газа составляли только пятнадцать миллиардов кубометров, а теперь они достигли двух тысяч миллиардов — возросли в сто тридцать три раза! Наши геологи подсчитали, что потенциальные запасы газа в недрах советской земли составляют не менее шестидесяти триллионов кубометров, или в два раза больше, чем в Америке. Надо по-прежнему всемерно форсировать разведки на газ, особенно в районах Европейской части Союза, в Средней Азии, в Сибири. Нужно находить не отдельные месторождения, а целые газоносные районы (нами это уже сделано в Узбекской ССР, на Украине, на Северном Кавказе).

От строительства отдельных газопроводов мы переходим к созданию в нашей стране грандиозной единой системы газоснабжения, охватывающей все экономические районы. В ближайшие годы будет создано такое газовое кольцо, к которому подключится вся разветвленная сеть магистралей. Это будет кольцо большой дружбы народов. С Украины газ пойдет в экономические районы Российской Федерации, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, из Узбекистана и Туркмении — в Казахстан, на Урал, из Азербайджана он уже поступает в Грузию, Армению.

* * *

Газ — желанный гость в каждом городе, в каждой семье, на каждом заводе. И когда люди, тянущие через реки и болота, пустыни и горы стальные трубы газопровода, появляются в городе, значит, здесь наступают большие перемены в быту и в труде. И тогда на главной площади вспыхивает традиционный голубой высокий факел, чтобы все видели: радуйтесь — газ пришел!

Сколько их, этих факелов, уже зажжено на площадях городов Советской страны! Они зажжены людьми газовой индустрии, непрестанно кочующими из одного края нашей земли в другой. Добрые эти кочевники трудятся и в зной и в холод, нелегких их жизнь проходит в вагончиках на колесах — сделали свое дело, зажгли один факел и поехали дальше. Счастливой вам дороги!

Артур МИЛЛЕР

НЕ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Гвидо включает мотор и, не торопясь, едет к следующей лошади, которую им нужно связать. Он чувствует: Розалин просто пышет негодованием. Молчание его угнетает.

— Ну и денек, скажу я вам!

Она не отвечает и не смотрит на него.

— Чуть было не врезался вон в ту гору. Мотор забарахлил, как раз когда я вошел в пике. Право, никогда еще не попадал в такую передрягу.

Она не пошевельнулась. Он окидывает ее тревожным взглядом, она будто в столбняке.

— Я... я тебя понимаю. Правда. — Она начинает раскачиваться из стороны в сторону. Ее смятение будто вынуждает его говорить без остановки. — Я и сам не сразу привык. По правде говоря, во всем этом деле мне нравится только летать. Ей-богу... Ты ведь меня не знаешь. У меня ко многому душа не лежала. Пришлось себя принуждать. От жизни-то ведь не убежишь, а жизнь — жестокая штука.

Она закрывает уши руками, сквозь сжатые зубы у нее вырывается стон. Он пугается не на шутку.

— Может, тебе лучше подождать в самолете? Хочешь? Послушай, я тебе сочувствую, но теперь уже ничего не попишешь. Я его знаю. С ним лучше не связываться.

Она смотрит на него в упор, в глазах у нее презрение и вызов.

Он вдруг соображает, что может на этом выиграть; его осенила и взволновала новая мысль.

— Послушай, хочешь, я заставлю их это прекратить?

Глаза ее расширяются от удивления.

— У тебя ведь с Гаем все кончено, а? — Она сбита с толку, и он продолжает, запинаясь: — Ну, скажи. Он не понимает тебя, Розалин, и никогда не поймет. Поедем со мной, дай мне неделю или две. Я расскажу тебе о таких вещах, о которых ты и понятия не имеешь. Дай мне показать тебе, какой я на самом деле. Ты ведь меня не знаешь. Ну, как? Скажи только слово — я заставлю их это прекратить. С ним лучше не связываться, но ты скажи только слово, и я все сделаю!

В ней с каждой секундой нарастает негодование, но он этого не замечает, ему кажется, что его слова взволновали ее. И когда она обрушивается на него, он чуть не подскакивает от неожиданности.

— Сказать только слово? Тебе? Ах ты, добрая душа! Тебя просто распирает от благородных чувств! Все грустишь о жене да оплакиваешь бомбы, которые бросал, и людей, которых убивал! Тебе нужно только слово, чтобы стать человеком? Да ты никогда никого не пожалел за всю твою жизнь, Гвидо. Только жалкие слова говорить умеешь. Тебе ничего не стоит взорвать весь мир, ты и глазом не моргнешь, и пожалеешь ты тогда только с а м о г о с е б я!

В голосе Розалин зазвучали истерические нотки, и Гвидо трезвеет. Он подруливает к кобыле с жеребенком, останавливает машину и выходит. Словно автомат, огибает он машину и присоединяется к Гаю и Пирсу, которые выскакивают из кузова. Он подходит к Гаю, смотрит на кобылу и говорит каким-то неестественно интимным, дружеским тоном:

— Ну, давай кончать со старушкой.

— Да, ей не меньше пятнадцати. — Гай разматывает лассо, потряхивает им, чтобы веревка висела свободно. Кобыла стоит, протянув к ним голову, принюхиваясь к ним. — Все равно не протянет зиму.

Окончание. См. «Огонек» №№ 31—36.

ПРИКАЯННЫЕ

При виде кобылы Розалин отворачивается, глаза у нее безумные. В то время как Гай и Гвидо подходят к кобыле, жеребенок издает жалобное ржание, отбегает на несколько шагов, спотыкается и падает, перевернувшись раз и другой, снова вскакивает и бежит обратно, налетая на кобылу, которая стоит не шелохнувшись.

Гай бросает через плечо:

— Пирс!

Пирс бредет к шине и садится на нее, ухватившись за веревку.

Кобыла кружит, не давая людям подойти к ней сзади. На этот раз их движения свободнее: кобыла не так ловка, как жеребец, она тяжелее, да и сосунок все время вертится у нее под ногами. Гай и Гвидо приближаются к ней маленькими шажками, готовясь бросить лассо; она наблюдает за ними, обезумев от страха, но в ней нет ярости, и она покорно ждет своей участи. Жеребенок метнулся было к ее соскам, но, точно вспомнив об опасности, вскинул голову и смотрит на приближающихся людей.

Гай останавливается. Он подошел к кобыле сбоку, Гвидо — спереди. Гай кидает петлю на землю ей под ноги. Гвидо с криком бросается прямо на нее. Лошадь пятится и попадает в петлю, Гай ее затягивает; забежав сзади, он дергает лассо, и кобыла падает на колени. Гвидо подходит и толкает ее сбоку, она валится на землю. Гай связывает ей все четыре ноги и роняет лассо. Пирс теперь тоже отпускает веревку; продолжая сидеть на шине, он подтягивает повыше колени и облокачивается на них, глядя куда-то вдаль. Жеребенок подходит и обнюхивает землю в двух шагах от него.

Гай вынимает сигареты. Гвидо сморкается. Они стоят спиной к грузовику. Все трое чувствуют на себе взгляд Розалин; им кажется, будто у них под ногами вот-вот разверзнется пучина, но внешне они совершенно невозмутимы.

Гай затягивается сигаретой. Пирс понимает, что он собирается с духом, чтобы вернуться к машине и ехать дальше связывать остальных лошадей. На лице у Гая горькая обида; сознание утраты, борьба с собственной гордостью делают его сейчас опасным.

— Остальных можно связать на обратном пути. Сколько, по-твоему, весит эта кобыла?

Гвидо оценивает взглядом лошадь, в глазах у него пустота.

Пирс медленно поворачивается. Розалин смотрит в небо сквозь ветровое стекло, но он знает, что она их слышит.

— Тут не заработаешь даже на пиво, Гай.

Гай не сводит вызывающего взгляда с Гвидо, он ждет его ответа, и Пирс смолкает.

Гвидо поднимает глаза на Гая.

— Пожалуй, фунтов шестьсот.

Гай. Две гнедых потянут фунтов по четыреста.

Гвидо. Около того.

— Да и жеребец — пятьсот.

— По-моему, чуть меньше. В общем, круглым счетом тысяча девятьсот — две тысячи фунтов.

— Сколько же это даст?

Гвидо смотрит вверх, подсчитывая в уме.

— Ну, центов по шести за фунт это будет...— Он молча считает, шевеля губами.

В наступившей тишине они слышат безудержные рыдания Розалин. Гай и Гвидо не сводят друг с друга глаз.

— Около ста десяти — ста двадцати долларов.

— Ладно, как будем делиться?

— Как хочешь... Я возьму пятьдесят на свою долю и за самолет.

— Идет. Мне, пожалуй, следует сорок за грузовик и мою долю. Значит, тебе, Пирс, останется двадцать пять... Не возражаешь? — Пирс все глядит на кобылу и как будто не слышит. — Пирс!

— Вы, ребята, берите все себе. Я ведь поехал, только чтобы прокатиться.

Пирс вдруг так быстро оглядывается, что двое других даже вздрагивают. Они видят: Розалин идет прочь по высохшему озеру.

— Розалин! — Гай делает шаг и останавливается.

Метрах в сорока она поворачивается. Тень ее тянется прямо к ним. Она кричит, изгибаясь всем телом и наклонившись вперед, точно для того, чтобы кинуть в них всю свою ненависть:

— Лжецы! Все вы лжецы! — Сжав кулаки, она кричит им в лицо: — Лжецы! — Смешавшись, Гай отступает. — Мужчины! Сильные мужчины! Вы только и живете, когда видите, как кто-нибудь умирает. Убивать — вот все, что вам надо! Так отчего вы не перережете себе глотку, если вам это доставляет удовольствие?

Она бежит к ним, но останавливается, точно в испуге, и говорит, обращаясь прямо к Гаю:

— Ты! С твоим благословенным краем! С твоей свободой! — Она кричит ему в лицо: — Я тебя ненавижу!

Этого Гай не может вынести.

— Довольно, Розалин, — бормочет он.

— Да, довольно. Ты даже не подозреваешь, что потерял. Но ведь тебе это не нужно. Никому из вас не нужно. Ах, как мне всех вас жалко! — Она смотрит то на одного, то на другого и через их головы на всех других. — Всё-то вы знаете, кроме одного: как жить на свете. Дорогие мои, милые, вы мертвецы!

— Она сумасшедшая! — Голос у Гвидо как-то странно звенит, и все оборачиваются к нему. Глаза у него навыкате, как у одержимого, будто внутри его что-то раздирает на части. Голова и руки трясутся, кажется, он вот-вот налетит на нее, но он только поднимается на цыпочки и опять опускается. — Все они сумасшедшие! — Он отходит от Гая и возвращается к нему снова, бросая слова Розалин и словно небу над ее головой: — Не хочешь этому верить. Ведь они тебе нужны. Они тебе нужны, но они сумасшедшие. — Слезы текут у него по щекам, но ярость его не ослабевает. — Борешься, что-то создаешь, лезешь из кожи вон, выворачиваешься ради них наизнанку, а им все мало! Никак на них не угодишь, вечно ты нехорош, всегда тебе чего-то не хватает! Ты должен быть совершенством, не то они тебя доконают. Мы, видите ли, слишком много с них спрашиваем и слишком мало им говорим. Я-то уж знаю, на мне еще не зажили раны!

Он бьет себя кулаком в грудь, тяжко дышит, на шее у него вздулись вены. Но вот он уставился в землю, словно у него закружилась голова. Он идет прочь, через несколько шагов останавливается, закинув назад голову и с трудом переводя дух. Розалин обессилела; согнувшись, сжавшись в комок, она присела на землю и тихо плачет. Пирс искоса на нее поглядывает. Гай, обойдя кругом распростертую на земле кобылу, идет к грузовику и забирается в кузов. Пирс делает несколько шагов к Розалин, чтобы помочь ей подняться, но она встает сама; не отряхнув глины со своих брюк, бредет нетвердыми шагами и садится в кабину. Пирс идет следом и занимает место за рулем рядом с ней. Потом возвращается и Гвидо; тот уперся взглядом в землю, будто озадачен собственной вспышкой. Вскакивает в кузов. Грузовик трогается.

На лице у Гая растерянность, как будто он ввязался в сомнительную драку и потерпел поражение. Щурясь от ветра, он с тоской глядит на высокие горы, словно оттуда вот-вот появятся сотни лошадей, огромные табуны, выбегающие на просторы, статные кони и ласковые, податливые кобылицы, прирожденные иноходцы, быстрые скакуны, которые летят, как птицы, не чуя под собой земли...

Глава двенадцатая

Кругом тишина; только лязгает гаечный ключ в руках у Гвидо. Он хлопочет у своего самолета, ввертывает свечу, разъединяет контакт, прилаживает ключ к другой свече. Зажатый под мышкой карманный фонарь освещает его руки. Он затаил какую-то надежду и испытывает необыкновенный прилив энергии; тихонько посвистывая, он исподтишка поглядывает на остальных.

В нескольких шагах от него Гай уставился в звездное небо, но ничего не видит. Во всей его позе глубокая тоска; он стоит подбоченясь, точно ему трудно разогнуться. Вид у него совершенно измученный.

Сидя на корточках и не шевелясь, Пирс курит. Он примостился в сторонке, но ему все же передается настроение Гая. Слева от него в кабине грузовика Розалин прислонилась головой к раме окна и смотрит поверх Пирса на связанную лошадь; та неподвижно лежит на боку, и в сгущающейся ночной мгле можно различить только ее темные очертания. Розалин закрывает глаза; кажется, что она заснула.

— Долго ты еще будешь возиться? — кричит Гай.

— Уже кончаю, — звонко и уверенно отвечает Гвидо.

Он соскабливает и сдувает нагар с электрода.

Пирс поднимается на ноги. Он идет к Розалин и останавливается возле нее. Лицо его при свете луны кажется похудевшим и жестким. Он говорит вполголоса, но достаточно громко, чтобы не было и намека на заговор.

— Я их выпущу на волю. Если хочешь.

— Нет, я боюсь драки.

— Он так занесся, что теперь его не остановишь.

Пирс смотрит на Гая, который стоит к ним спиной. Розалин чувствует, какой требовательной любовью он привязан к старшему другу и как он сейчас растерян.

— Да не все ли равно. — Она глядит на связанную лошадь. — Правда, смешно, с какой легкостью они соглашаются умереть! Просто как в кошмаре! Смотри, она даже не двигается. Неужели уснула?

— А что ж, очень может быть.

— Оставили бы они хоть жеребенка.

— Он не останется. Побежит за машиной прямо в город. И, наверно, свалится по дороге.

Повернувшись, он прислоняется к дверце машины, глядя вместе с ней на темный силуэт связанной лошади.

— Жаль, что я не встретил тебя раньше. По крайней мере косточки мои были бы целы.

Она смотрит на него, потом, протянув руку, дотрагивается до его плеча.

Он заглядывает ей в глаза.

— Я уж было отчаялся... Не надеялся чего-нибудь дождаться. — Он пододвигается к ней вплотную, у него даже дух захватило. — Для тебя я бы выпустил их на волю.

Они слышат голос Гвидо, быстро оборачи-

ваются и видят, как Гай подходит к самолету. Гвидо передает ему карманный фонарь. Гай направляет его луч на свечу в руке у Гвидо. Поднеся ее к самым глазам, Гвидо проводит щупом между электродами, потом подгибает один из них, чтобы уменьшить зазор, и измеряет его снова. До них ясно доносятся его слова и тихий смешок.

Гвидо. Не вешай носа, брат. Только мигни — от баб отбоя не будет.

Гай раздражен, он торопится как можно скорее убраться отсюда. Но Гвидо продолжает:

— Я тут прикидывал... Ну и дураки же мы с тобой! Мало ли гор на свете... В Колорадо, Монтане, Канаде и даже в Мексике; а там, где горы, там, конечно, должны быть и лошади. Нашего века не хватит их всех переловить. Вот если нам немного поработать, а я еще и дом продам — не знаю, зачем я его вообще держу, — да если мы вложим все деньги в хороший самолет... вот когда мы все поставим по-деловому.

Гай переминается с ноги на ногу, на лице у него растущее раздражение и гнев.

Гвидо. Смешно сказать, мы никогда даже не поим лошадей, прежде чем ставим их на весы. А ведь могли бы накинуть фунтов пятьдесят хотя бы на этой пятерке, стоит только дать им напиться. Дурачье да и только!

Нетерпеливым жестом показывая на свечи, Гай говорит сквозь зубы:

— Кончай, я хочу убраться отсюда поскорее.

Гвидо ввертывает свечу и дает волю своему воображению:

— С хорошим самолетом мы откуда хочешь прилетим в Рено, остановимся в самой лучшей гостинице, повеселимся на славу, да только нас и видели. И начхать нам на весь божий свет! — Он берет у Гая карманный фонарик и ждет его ответа.

Лицо у Гая пылает, словно он силится поднять какую-то тяжесть.

— Замолчишь ты или нет? — кричит он наконец страдальческим тоном. Гвидо даже выпрямляется от неожиданности: столько отвращения звучит в его голосе. — Заткнись, слышишь!

В глазах у Гая угроза, но Гвидо только улыбается.

— Жду тебя утром у барышника; если не опоздаем, получим грузовик с лебедкой. В шесть часов, идет?

Гай молчит — знак согласия; обойдя крыло самолета, Гвидо идет к кабине и залезает в нее. Гай стоит у пропеллера.

— Ладно, крутани... Винт!

Сначала кажется, что Гай не расслышал. Глаза его потускнели и как будто обращены в себя. Розалин и Пирс видят: он стоит неподвижно.

— А ну-ка, крутани, дружище!

Гай берется за лопасть и крутит пропеллер. Мотор потрескивает, как часы, когда их заводят. Движения Гая неторопливы и размеренны: он тянет вниз лопасть винта, поднимает руки, снова тянет лопасть вниз, это похоже на замедленную съемку.

Пирс отходит от кабины, идет вдоль борта грузовика, и Розалин смотрит ему вслед. Он исчезает позади грузовика. Она опять переводит взгляд на самолет.

Гвидо. Есть! От винта!

Гай тверже упирается ногами в землю. Лопасти винта стоят горизонтально. Он берется обеими руками за лопасть, с силой дергает винт книзу и отскакивает, треск мотора переходит в мерный рев. Гай пятится вдоль крыла, освобождая путь машине. Гвидо знаком показывает ему из кабины, чтобы он последил за собакой, которая все еще привязана к одному из костылей под крылом самолета. Гай подает сигнал к отлету.

Рев мотора нарастает; озаренный луной пропеллер превращается в сверкающее колесо. Гвидо прогревает мотор, и самолет рвется вперед, удерживаемый на месте тормозами. В своей кабине Гвидо освещает фонариком доску приборов. Рев мотора достигает апогея.

Розалин оглядывается: рядом с ней за рулем сидит Пирс. Он запускает мотор грузовика. Она смотрит в ветровое стекло на Гая, тот прижимает к земле собаку, пока над ними проходит крыло самолета. И в то время, как самолет начинает выруливать, беря направление на луну, неожиданно срывается с места и грузовик. Розалин невольно хватает Пирса за руку, чтобы его удержать, но он уже включил фары и повернул машину туда, где лежит связанная лошадь. Розалин высунулась из окна и видит, как выруливает в ночь самолет и как Гай, повернувшись, обнаруживает исчезновение грузовика. Он оглядывается, замечает их и пускается вдогонку. Визжат тормоза, машина скользит юзом и останавливается возле связанной лошади; Пирс выскакивает и бежит к ней с раскрытым карманным ножом в руке. Склонившись над лошадью, он разрезает веревку, стягивающую ей копыта; лошадь силится встать на ноги. Пирс кидается к шине и рассекает другую веревку; поднявшись, лошадь отбегает на несколько шагов и замирает на онемевших ногах. Он спешит за ней, чтобы ее отогнать, но видит бегущего Гая и слышит его неистовый крик. Пирс прыгает в машину, включает мотор и нажимает до отказа на педаль акселератора. Секунду колеса буксуют, рывок — и грузовик несется вперед.

Разъяренный Гай выкрикивает какие-то угрозы, но их не слышно из-за шума мотора. Он бросается к лошади, которая уже пошла мелкой рысью, но не очень быстро. С шеи у нее свисает веревка, и Гай хочет ее схватить, но, почуяв его, животное переходит в галоп. Кинувшись за веревкой, Гай падает; лошадиный топот затихает во тьме. Гай поднимается с земли и озирается. Фары грузовика кажутся необычайно далекими. Он бежит на их свет. Слезы катятся у него по щекам, злые выкрики рвутся из глотки, но сильнее ярости мучит его ощущение утраты — точно ему разжали кулак, в который была зажата вся его жизнь, и теперь в руках у него пусто.

Грузовик останавливается возле другой лошади. Пирс выскакивает из кабины, режет путы, кидается обратно, и машина уносится снова. На лице у Розалин мелькает виноватое выражение. Она вглядывается в темноту, не видно ли где Гая. Нерешительно поворачивается к Пирсу. От его мягкости ничего не осталось, сейчас он, как одержимый, на лице у него дикая, мятежная радость.

Гвидо вырулил самолет к самому краю высохшего озера. На секунду он застыл, откинувшись на изодранную спинку сиденья, глядя в темноту и желая только одного: чтобы рев мотора проник в мозг и вытеснил оттуда все его мысли. Он убавляет газ, машина замедляет ход, и он разворачивает ее против ветра. Далеко по ту сторону исчезнувшего озера сверкают в лунном свете, словно покрытые снегом, горные отроги; белая глина, раскинувшаяся перед ним, мерцает серебристо-зеленоватым отсветом, этот отсвет не освещает ничего, он стелется по земле, как тяжелый газ. Гвидо некуда спешить; ему и двигаться-то незачем; в жизни — одна пустота, и это его бесит. Он прибавляет газ, и машина ускоряет бег. Но едва он успевает взять на себя ручку, чтобы подняться в воздух и набрать высоту, как замечает фары грузовика; ему бросается в глаза, что свет движется вовсе не в ту сторону, где степь и дорога к дому. Уже оторвавшись от земли, он отжимает ручку и переходит в горизонтальный полет, делает крутой вираж всего в нескольких метрах от земли и перегибается через борт кабины. В лучах автомобильных фар он видит бегущую лошадь, — она на свободе. Гвидо толкает ручку вперед, готовясь к посадке на быстро набегающую землю, силясь вспомнить, где лежали связанные лошади, и ожидая неминуемой катастрофы, если налетит на одну из них.

Неподалеку, в какой-нибудь миле, фары грузовика выхватывают из тьмы лежащего на земле жеребца. Вот они к нему приблизились, Розалин выглядывает из кабины, и у нее вырывается возглас:

— Ах, Пирс! Что мы делаем!

Он смотрит на нее с удивлением, не зная, что думать, но они уже подъехали, и он останавливает грузовик.

Связанный жеребец услышал шум приближающейся машины, настораживает уши и выгибает шею. Пирс бежит к шине. Жеребец нетерпеливо дергает веревку, которую режет Пирс. Розалин выскакивает из кабины, виновато поглядывая по сторонам, нет ли поблизости Гая. Но вот веревка перерезана. Освобожденный жеребец бьет задними копытами, вскакивает, проносится мимо них и поворачивает обратно. Пирс толкает Розалин в сторону и орет что-то нечленораздельное, чтобы отпугнуть животное. Розалин видит, что жеребец свободен, ее охватывает восторг и уверенность в своей правоте. Не слыша своего голоса, она кричит:

— Иди! Иди домой! Домой!

Пирс подбегает к жеребцу, тот поворачивает и уносится вскачь, волоча за собой веревку. Они смотрят ему вслед, затаив дыхание, а потом бегут к машине. Розалин влезает в кабину. Пирс останавливается, окидывая взглядом мерцающую поверхность высохшего озера и припоминая, где находятся остальные лошади, потом поспешно садится за руль.

Из открытой кабины самолета Гвидо внимательно вглядывается в просторы высохшего озера; он разворачивает самолет широкой дугой то вправо, то влево. Вдалеке мелькнули две светящиеся точки. Он берет направление на них.

Гай видит огни грузовика совсем близко. Но, преследуя машину, он столько плутал по дну озера, что сейчас бежит машинально, уже не веря, что ее нагонит, и сознавая свое бессилие. Вдруг он услышал глухой топот и остановился, как вкопанный.

Он медленно поворачивается, ловя каждый шорох, пытаясь сдержать свистящее дыхание и вытирая струйки пота, застилающие ему глаза. Луна сияет, и высохшее озеро ярко отсвечивает, но сразу же над его поверхностью царит глубокая тьма. Сердце бешено колотится в груди у Гая, в висках стучит. Вот опять мелькнула какая-то тень. Широко раскрыв глаза, Гай силится ее разглядеть. Он опускается на корточки, стараясь сжаться в комок. Тень мелькает снова. Теперь он определил, куда она движется. Странно, она движется не к подножию гор. Он поворачивается лицом к центру высохшего озера. При свете луны ему удается различить темные очертания кобылы и жеребенка. Он снова поворачивается к движущейся тени. Глухой топот слышится теперь ближе.

Гай, бесшумно поднявшись, идет к связанной кобыле, он широко раскрыл рот, чтобы дышать как можно тише. Он видит, как поднимается на ноги жеребенок, и убыстряет шаг, стараясь в то же время держать голову ниже. Отрывистое ржание кобылы приковывает его к месту. Слева от Гая к связанной лошади приближается жеребец. Он останавливается над ней, и Гай видит, как тянется к ней его шея. Гай снова движется вперед, низко пригнувшись, и, наконец, пускается бежать.

Жеребец вскидывает голову, пятится и застывает, прислушиваясь. Глаз жеребца желтым диском отражает лунный свет; Гай подскакивает к нему сбоку и руками в перчатках хватает веревку, которая болтается у него на шее. Конь скалит зубы, норовя укусить его в плечо; Гай перехватывает веревку подальше и что-то ему шепчет, но жеребец вдруг круто сворачивает и скачет в темноту. Гай бежит за ним, намотав веревку на руку и изо всех сил упираясь пятками в землю. Неожиданный рывок — и он падает. Жеребец волочит его боком по земле, глинистая пыль слепит ему глаза.

Внезапно веревка ослабевает; спотыкаясь, Гай поднимается на ноги, но жеребец поворачивает и, на скаку ударив Гая грудью по голове, сшибает его с ног. Ему удается сесть, он лихорадочно пытается упереться в глину каблуками. Жеребец храпит, вертится и снова поворачивается мордой к человеку. Мгновение он неподвижно стоит против сидящего на корточках Гая. Тот знает, что петля недостаточно туга; он снова наматывает веревку на руку, упираясь каблуками в землю, готовый в любую секунду откатиться в сторону, если животное на него кинется. Но жеребец пятится, как будто пробуя, выдержит ли веревка его вес.

Гай начинает подбираться боком к кобыле.

Она лежит почти рядом. Не сводя глаз с жеребца, он дотягивается до нее и ощупывает локтем, пытаясь определить, далеко ли ему до петли у нее на шее и до привязанной к лассо шины. Кобыла вздрагивает при его прикосновении; он нащупывает ее круп и передвигается дальше, прикрываясь ею от жеребца, а тот тревожно переступает с ноги на ногу, но уже тянет не с такой силой. Привстав на колени, Гай все ближе и ближе подползает к шее кобылы. Веревка, которой она привязана к шине, уже у него под мышкой. Гай замирает. Ему надо размотать веревку с руки, чтобы привязать ее к петле на шее кобылы.

Жеребец поводит глазами и храпит. Притаившись за шеей кобылы, Гай ласково бормочет:

— Ну-ну, ну-ну, ну-ну...

Он начинает разматывать веревку, не выпуская ее конца из рук. Жеребец поднимает голову, и Гай замирает. Он знает: малейшее колебание веревки передается жеребцу и может вновь обратить его в бегство. Мгновение — и Гай опять поднимает руку, чтобы дальше разматывать веревку. Кобыла вдруг пронзительно ржет, жеребец высоко вздергивает голову — и Гай летит к нему через спину кобылы. Не противясь рывку и кинувшись вперед, он обеими руками затягивает на его шее петлю; животное пускается вскачь, брыкаясь задними ногами, но Гай уже чувствует, как оно дрожит и теряет силы. Он повис на веревке, затягивая лассо что есть мочи; при каждом скачке ноги лошади колотят его по бедрам.

Жеребец остановился. Гай всем телом повис на затягивающейся петле. Конь склоняет шею все ниже, и его дрожащие ноги начинают подгибаться. Гай дергает веревку изо всей силы, из горла его вырывается короткий крик, и жеребец отвечает отрывистым жалобным ржанием. Гай слышит шум мотора. Он виснет на лассо, подобрав ноги; голова коня клонится все ниже и ниже. Лучи фар бьют ему в лицо и режут глаза. Визжат тормоза, и хлопает дверца машины.

На лицах Розалин и Пирса просто благоговение. Жеребец стоит как вкопанный; он хрипит, задыхаясь в петле. И все же между ним и Гаем, повисшим у него на шее, возникла какая-то странная близость, нечто вроде молчаливого согласия: неизвестно, как это случилось, но сейчас кажется, что побежденное животное принадлежит Гаю и само это знает, хоть и отказывается покориться.

Пирс берет конец веревки и привязывает его к бамперу грузовика.

— Ладно, отпускай!

Гай отскакивает от лошади; она втягивает голову, бредет в сторону и останавливается.

Пошатываясь, Гай подходит к грузовику и ложится на капот, широко раскинув руки.

Он медленно разжимает затекшие пальцы. Розалин не смеет к нему подойти. Как и Пирс, она смотрит на него издали, но что-то в душе ее как будто смягчилось при виде этой неистовой борьбы. В глазах у нее растет удивление. Она делает шаг к Гаю, но Пирс быстро протягивает руку и удерживает ее. На лице у Пирса страх, и она тоже пугается — не столько ярости Гая, сколько того, что решилась на поступок, которого сейчас и сама не понимает.

Слышится шум приближающегося самолета, и через минуту к ним подруливает Гвидо. Мотор выключен, Гвидо выскакивает из кабины и бежит к Гаю. Увидев привязанного жеребца и выбившегося из сил Гая, Гвидо смеется в лицо Пирсу, наклоняется и порывисто обнимает Гая.

— Ты его поймал! Молодец! Завтра мы их всех переловим! Ты только отдышись, отдышись как следует...

Он ласково хлопает Гая по спине.

Гай все никак не может отдышаться; перегнувшись через капот машины, он смотрит на жеребца. Гвидо кладет руку на плечо друга.

— Не беспокойся, дружище, нас так легко не спишешь! Черта с два! Мы еще себя покажем! Мы еще смотаемся с тобой на гору Сайбон, слышишь? Там бегают пять тысяч долларов, правда, нам придется ради них попотеть. Мы поднимемся туда верхом! Денег там куры не клюют, только уж придется нам попотеть! И никто нам на свете не нужен, Гай... Верно, ты и сам теперь это понял. — В сторону Розалин: — Будь они все прокляты!

Но Гай не обращает внимания на Гвидо; он прижался щекой к капоту и не сводит взгляда с мустанга. Глаза его устремлены куда-то вдаль, и он притих, будто кругом никого нет. Наконец он выпрямляется и кладет руку в карман.

Гвидо говорит ему:

— Пойдем, ты полетишь со мной. Пусть берут...

Он останавливается на полуслове: в руке у Гая складной нож. Гвидо глядит ему в лицо и видит у него на глазах слезы. Гвидо сбит с толку, он молчит.

Гай идет прямо на него, словно во сне, и Гвидо отступает.

— Ты что?.. — спрашивает он.

Гай наклонился к веревке, привязанной к бамперу, и дрожащей рукой старается ее перерезать. Гвидо хватает его за руку и пытается удержать; он уже все понял, и в глазах у него появляется страх. Гай шевелит запекшимися губами.

— Все кончено, — говорит он хриплым шепотом, глядя прямо в лицо Гвидо, но не видя его.

— Какого же черта ты его ловил?

— Просто... просто так. Не люблю, когда за меня решают, вот и все.

Дрожь пробегает у него по телу, и он сводит брови, будто готов заплакать от злости. Он вяло пробует отстранить Гвидо, но тот вцепился ему в руку.

— Мы поднимемся с тобой на Сайбон!

Гай качает головой. Он смотрит через голову Гвидо на темнеющие горы, лицо его каменеет от гнева, и он выпрямляется.

— Будь они прокляты! Все на свете исковеркали. Изгадили нашу с тобой работу. Выпачкали ее в крови, превратили в дерьмо и деньги, как и все остальное. Ты и сам знаешь, что это так. И я знаю. Зачем же гоняться с арканом за призраком! — Он вырывает руку. — Ищи другую возможность доказывать себе, что ты еще жив... если они нам вообще оставили такую возможность.

Он принимается за веревку и изо всех сил налегает на нож; концы перерезанной веревки падают на землю.

Мгновение жеребец стоит неподвижно. Почувствовав, что петля его больше не душит, он вытягивает шею, делает шаг в сторону, спотыкается, но удерживается на ногах и тихо бредет в темноту. Потом останавливается и, постояв в нерешительности, идет дальше. Гай подходит к кобыле, перерезает веревку, стянувшую ей копыта, а потом и ту, которой она привязана к шине; кобыла тяжело поднимается на ноги и пускается мелкой рысью. За ней, уткнув нос в ее развевающийся хвост, бежит жеребенок.

Все четверо прислушиваются к затихающему топоту. Гай складывает нож, опускает его в карман и отходит, ни на кого не глядя, погруженный в свои мысли.

Он залезает в кабину грузовика, и остальные провожают его взглядом; молча, обессиленный, он садится за руль и глядит вперед сквозь стекло. Розалин стоит по другую сторону машины и смотрит на него в окошко кабины; их разделяет пустое сиденье. Пока еще неизвестно, что он собирается делать, и она не двигается. Он поворачивается к ней, и во взгляде у него тоска.

— Отвезу тебя назад... если хочешь.

Страх перед ним у нее еще не пропал, она нерешительно садится в кабину, стараясь держаться от него подальше. В ее глазах отражаются его горечь и его утрата.

Пирс подходит к окошку.

— Я рад, что встретил тебя, Розалин.

Розалин. Только смотри, больше себя не калечь, ладно?

Он благодарит ее взглядом.

— Если тебе когда-нибудь захочется черкнуть мне словечко, пиши просто: Блэк Ривер... Калифорния.

Гай включает мотор и поворачивается к Гвидо, который стоит рядом.

— Увидимся. Зайду к тебе через несколько дней.

Зрачки Гвидо сузились от обиды, он смеется.

— А где ты будешь через несколько дней? Протирать стекла машин на какой-нибудь заправочной станции?

— Это ты меня ловко поддел, Летчик. — Гай отворачивается и дает газ.

Гвидо вскакивает на подножку; он кричит со смехом:

— Или сидеть за кассой в продовольственной лавке? — Он соскакивает с подножки, складывает ладони рупором и кричит им вдогонку: — Попробуй наняться в прачечную — закладывать грязное белье в стиральные машины! — Но грузовик уносится вперед, а друг нужен Гвидо до зарезу, и он кричит во все горло, потрясая в воздухе кулаками:

— Гай! Куда ты?

Он стоит, злой и растерянный. Рядом Пирс, в глазах у него слезы.

Гай молча ведет машину, он совсем без сил. Розалин все еще держится от него подальше. Но вот она смотрит на него, не понимая, что с ним происходит. Сейчас они, как чужие.

— Завтра я уеду. — Это звучит как вопрос, но он молчит. — Ладно? — Он молча ведет машину. — Ты, наверно, не поверишь, но я не хотела тебе ничего плохого... Я уважаю тебя. Ты храбрый человек...

Он молчит.

— Ты меня больше не любишь. Да?

Она отворачивается и смотрит вперед. Голос у нее дрожит. Ей кажется, что она отдаляется от него еще больше.

— Знаешь, что? В ту минуту, когда убегали лошади, у меня было такое чувство, будто я вернула им жизнь. И вдруг мне показалось... пусть это глупо!.. Вдруг я подумала: «Значит, он меня любит, а то бы я на это никогда не решилась!» Ведь я всегда убегала, когда мне становилось невмоготу. Гай!.. На минуту ты сделал меня смелой. Будто в меня вдохнули новую жизнь. В первый раз.

При свете фар он видит собаку, привязанную к железному костылю, и останавливает машину.

Розалин открывает дверцу, но поворачивается к нему, словно не может от него оторваться. И внезапно у нее вырывается отчаянный крик:

— Ах, Гай, что же такое жизнь? Ты знаешь? Неужели в жизни все проходит?

Впервые он поднимает на нее глаза. В них стоят слезы. Он притягивает ее к себе и целует. Она плачет от радости, вглядываясь в его лицо.

Гай. Бог его знает... Все, что я встречал, все, что я видел в жизни, так зыбко: вот пришло — и тут же уходит. Так же, как и ты... Наверное, можно сохранить только одно... то, что жизнь дает тебе узнать. Вот теперь я узнал тебя, Розалин, действительно узнал. Видно, только это и может дать душевный покой и ничто другое. Никогда раньше я не подумал бы бороться с женщиной. И в этом был свой покой, только всегда казалось, будто обнимаешь воздух. На этот раз мне тоже казалось, что я обнимаю воздух... но теперь я словно притронулся к самому корню жизни. Спасибо тебе.

Она бросается ему на шею и судорожно целует. Собака на привязи заливается лаем. Розалин выскакивает из кабины, и собака встречает ее, вне себя от радости. Розалин отвязывает ее и, хлопнув в ладоши, зовет с собой. Собака прыгает в кузов, и Розалин возвращается в кабину; лицо у нее озарено нежностью. Гай включает мотор, и они едут дальше. Вдруг ее осеняет внезапная мысль:

— Вот если бы... если бы мы не боялись! А, Гай? У нас мог бы быть ребенок. И мы сделали бы его смелым. Пусть хоть один человек на свете будет смелым с самого рождения. Ведь до сегодняшней ночи я всего боялась. Но теперь уже не так боюсь. А ты?

Гай прижимает ее к себе свободной рукой. Другой он ведет машину. Любовь, которая их связывает, выдержала испытание; она как будто приподнимает их немножко над землей. Фары грузовика выхватывают из темноты кустики полыни, машину подбрасывает на ухабах.

Розалин. А как ты находишь в темноте дорогу домой?

Кивком головы Гай указывает ей на небо:

— Просто веду машину на ту большую звезду впереди. Прямо под ней дорога, она приведет нас домой.

Она поднимает глаза к звезде, которая сияет сквозь потеки и пыль на ветровом стекле. Над их головой с ревом проносится в темноте самолет Гвидо. Постепенно фары грузовика исчезают в ночи, а затем стихают и все звуки. Вокруг них только звездное небо и глубокая тишина.

Перевели с английского
Е. ГОЛЫШЕВА и Б. ИЗАКОВ.

Рад

ПОРА ТАКАЯ

Куском зари накрыты пашни,
Подсвечен плес, возжен лесок.
В стволы над стылостью
вчерашней
Восходит сок.

Почти дневная
Луна ложится в тучку спать,
Еще о том совсем не зная,
Что скоро гостя принимать.

А по ракитному разводью,
Таланты пробуя свои,
В неисчислимости мелодий
Вновь соловьи

Призывным стоном
Исходят над округой всей
В том возгорании бессонном
Всеобновляющих страстей,

В том побужденье изначальном,
В том нагнетании его,
Что всем наперекор печалям
Справляет жизни торжество.

И то сказать: пора такая.
Она совсем не напоказ
Тревожит, солнцем натекая
В бездонность глаз,

И, неподсудна
Цифири всяческой земной,
В любой душе восходит смутно
Неизреченной новизной,

И гонит пáры у околиц
К поре, где возле рощ и рек
Берет свое зачатье колос
И человек.

В тот час, пределом,
Что он велик, не смущены,

Мысль и музыка

Каждый раз, когда я приезжаю в родной городок Тим, что в Курской области, кто-нибудь заводит разговор о поэзии. Особенно яростно спорит бывший директор средней школы, ныне пенсионер, заявляя, что он поклонник старой поэзии: Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева... А современную не признает. За трескотню, немузыкальность, выкрутасы. И при этом называет одну-две примелькавшиеся фамилии.

Но можно ли всю русскую советскую поэзию сводить к двум-трем именам? Ведь есть же у нас и А. Твардовский, и Н. Асеев, и Н. Ушаков, и С. Щипачев, и С. Маршак, и Н. Рыленков, и А. Прокофь-

Николай ГРИБАЧЕВ

уга в поле

Весь шар земной мы носим
в целом
В груди у левой стороны,

Все, что на нем, что в нем и даже
Что как бы придано ему,—
Теченье облаков лебяжье,
Галактик тьму

И на просторах
Еще неведомых планет
Прообразы существ, которых,
Быть может, и на свете нет.

Все совместилось, все скипелось
И стало личною судьбой,
И мне, разрушив эту целость,
Не быть собой.

Но в миг недлинный
Среди вскипающих времен
Я песней этой соловьиной
К особой сфере подключен.

Стою и слушаю в раздумьи
Те песни до слезы из глаз
И жар, что облака раздули,
Как будто вижу в первый раз.

Как будто в первый раз страдаю
На переломах зим и лет
О той девчонке, чей за далью
Размылся след.

И в пору эту
Хочу, чтоб каждому свои
Во весь простор по белу свету
Сегодня пели соловьи,
Чтоб, одоленьем заключая
Свой к миру путь в огне и мгле,
Ввела любовь хоть миг молчанья
По всей земле.

Но смолкла птица,
И, сбив с черемухи росу,
Ягненка к логову волчица
Несет в лесу.

И дальше где-то,
Где под волной звенит песок,
Стоит, нацелена, ракета,
Сечет зарю наискосок.

НА ДОРОГЕ

Ничего не пророчу:
Век в познаньях меня перерос.
Сам я вижу воочию
Звездный путь над разливом
берез.

Но не мне он под ноги
Бросит пламя Стожар и Стрельца.
Мне по жаркой дороге
Все идти до конца, до конца.

Только я свою ношу,
Что пронес по нелегким годам,
У кювета не брошу,
А другим на ходу передам.

Ибо дар тот заветный
Я и сам на заре моих дней
Принимал эстафетой
От веселых железных людей!

ПРОСЕЛОК

Не числясь в новоселах,
Не враг со стариной,
Течет себе проселок
Во ржи под цвет льняной,

То трактором прохвачен,
То колесом в наклон,
То лужицей незрячей
Кустарно остеклен.

Тишь, как вода по горло,
Полынный запах всласть,
Пыль от росы прогоркла
И от жары спеклась...
Поселок. Пращур, предок
Тех новых автострад,
Где конь, как мамонт, редок,
Где бог — машинный скат,

Где на асфальте жирном,
Рождая гром и сверк,
Летит, как одержимый,
Трубит двадцатый век.

Я сам в родстве с ним давнем
И весь не вне, а в нем,
Я сам в маршруте дальнем
Работал за рулем

И гнал во все лопатки,
За что, верша свой суд,
Взимал с меня десятки,
Читал мораль ОРУД.

И все ж люблю проселок
С несытых детских лет,
Случайной птицы всполох,
Босой девчонки след,

Куст, окрыленный в лето,
На малой речке брод,
И грусть, что неприметно
Идет бок о бок где-то,
И чью-то песню с ветра,
И чистый вымах света
Во весь небесный свод.

Бездумен, бестревожен,
Хлебами огорожен,
Распарен полусном,
Он первым мне положен
На поприще земном.

Он первым падал в ноги,
Когда моя родня
На дальние дороги
Оплакала меня.

СИЛА

Крутого норова и склада,
Могучей силы и судьбы
Над хрупкой зеленью подсада
Защитно высятся дубы.

Их облик самобытно резок,
Стать не у ив взята взаймы.
Они от гроз хранят подлесок,
От сатанинских игр зимы.

Им глупых фетишей не надо,
Не в стать им спеси кутерьма,
Их наивысшая награда —
В своей победе жизнь сама.

Под синей шапкой небосклона,
Причастны звездному огню,
Они сражаются без стона
И умирают на корню.

РАДУГА В ПОЛЕ

Дождь приливом зеленым
Обтекает высотку,
Свежим ветром озонным
Рвется в метеосводку,

Моет сливы и груши,
Огуречные грядки,
Лопушиные уши
На ватинной подкладке.

Пошумит да истает
И для встречи кого-то
Прямо в поле поставит
В семь свечений ворота.

Но не благостность рая
Там, за аркой высокой,—
Рожь на склоне сырая,
Луг с лозой и осокой,

И земная дорога,
И земная тревога,
Высь и даль, при которой
А ни черта, ни бога.

И за это приволье,
Чувств и мыслей свободу,
Славлю радугу в поле —
Светоносную воду!

Поселок Усух, Брянской области.

ев, и Я. Смеляков, и С. Смирнов, и М. Дудин, и Б. Ручьев. Да и только ли они?

В последние годы читатель заметил нового интересного поэта. Речь идет о Василии Федорове. Его книги стихов почти не пропагандировались. Но сборники поэм и стихов: «Лирическая трилогия», «Лесные родники», «Белая роща», «Золотая жила», «Дикий мед», «Не левее сердца» — нигде нельзя достать. И не удивительно. Народ любит настоящую поэзию. Возьмет, прочтет книгу — хороша! — положит на полку, еще перечтет — мой поэт!

В книге «Белая роща» на первое место поставлена автором поэма «Проданная Венера». Поэма — целая эпопея нашей жизни.

Каждую строку пронизывает яркая, трепещущая мысль... Если разбирать поэму с чисто технической стороны, то и здесь она дает много пищи для размышлений. Читаешь и не чувствуешь никакой фальши, натянутости.

Эта поэма, как и все творчество В. Федорова,— глубокое раздумье о судьбах нашего поколения, о том, что:

Все испытав,
мы знаем сами,
что в дни психических
атак
сердца, не занятые нами,
не мешкая, займет наш
враг.
Он их займет не за
красоты.
Займет, засядет, нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!

Смотрите, как просто, естественно сказал поэт! Но какая глубина мысли, какой пафос за этой кажущейся простотой!

Словесные выкрутасы, сногсшибательная ритмика чужды поэзии Василия Федорова. Для его поэтической манеры характерны образность, обилие картин, глубокий лиризм и, я бы сказал, изящество стиха, изящество речи. Простота без упрощенности. Народность без псевдонародности.

Стих поэта предельно ясен. Точным, гибким, как бы пружинящим языком поэт повествует о самом сокровенном: о Родине, о Коммунистической партии, о любви, о человеческих взаимоотношениях, о духовной красоте советского человека, о патриотизме, о природе.

Из стихов, поэм вырисовывается четкий, сильный образ интеллектуального человека нашего времени. Образ человека, стоящего на уровне передовых идей времени.

Василий Федоров — поэт-психолог. Читая его стихи, часто удивляешься тому, как верно объясняются те или иные поступки героев, как цельно и верно изображены характеры персонажей.

В литературу пришел поэт-философ. Соединение глубокой, беспокойной мысли с музыкой стиха ставит его в шеренгу лучших поэтов.

Александр ГОВОРОВ

Привет, народ мари!

Ты силен, мари народ,
Силу покажи свою!
Ты умен, мари народ!
Сметку докажи свою,—

так обращается к своему народу основоположник марийской литературы С. Чавайн в сборнике «Марийская поэзия», выпущенном Гослитиздатом.

Первый раздел книги — «Народное творчество» — знакомит с дореволюционными песнями, «тягучими, как осень», и с песнями советской поры.

Советские марийские поэты — С. Чавайн, А. Бик, С. Вишневский, Г. Матюковский, В. Колумб, — представленные во втором разделе сборника, различны по возрасту и поэтическому темпераменту. Но их роднит то, о чем писал Миклай Казаков:

Всегда с тобой я,
мой родной народ!

О чем бы ни писали поэты: о плотогонах, плывущих с песнями по Волге, о трактористах, о девушке-пчеловодке или просто о влюбленном парне,— они находят для своих героев «слова всегда, как тайна, дорогие».

За сорок лет марийский народ создал свою литературу, свою интеллигенцию. Но сильные не топчутся на месте, они обгоняют время.

Нет, время
Мы не складываем
в годы,
На дни не делим время,—
Что за счет?
Темп жизни —
все быстрее.
Мощь народа
Давно иные меры
признает,—

пишет Осып Шабдар.

«Привет, народ мари!» — говорит С. Чавайн, радуясь успехам своих соотечественников.

Л. ДЕРЕВЯГИНА

„ВОСТОК-2" ЛЕТИТ К ЗВЕЗДАМ

А. РОМАНОВ

Из дневника специального корреспондента ТАСС

7 августа

3.20. Вчера передал в ТАСС репортаж с космодрома. Снова короткая тревожная ночь. Спим, вернее, дремлем, в одной из гостиниц вместе с врачом космонавта. Радио включено: не хочется пропустить последних новостей из космоса. Очередное сообщение ТАСС: Герман Титов проснулся и начал выполнять свою работу по графику. Значит, все идет хорошо, все прекрасно. Врач от удовольствия потирает руки.

— Вы слышали? — спрашивает он меня.— Пульс у Германа во время сна был хорошим: от 53 до 67 ударов.

— Слышал.

— Нет, вы понимаете, как это хорошо! — радуется врач.— Он пролетел более полумиллиона километров. Осталось совсем немного.

6.00. Слышим, как радио передает, что корабль «Восток-2» вышел на пятнадцатый виток вокруг Земли.

Вместе с врачом едем на аэродром, где стоит самолет, готовый вылететь к месту приземления космонавта. Погода испортилась, но полет не отменяют. Члены Государственной комиссии поднимаются в самолет, мы — за ними. Гудят моторы, и машина отрывается от земли.

12.00. Нам не посчастливилось видеть момент приземления корабля «Восток-2». Пришлось воспользоваться рассказами очевидцев. Родной земли Герман Степанович коснулся недалеко от того исторического места, где в апреле приземлился, возвратившись из первого в мире космического путешествия, Юрий Гагарин.

Бригадир тракторной бригады Н. Андреев одним из первых заметил спуск космического корабля. Полный радостного возбуждения от встречи с космонавтом, он с удовольствием рассказывает:

— Своим чередом шли полевые работы. Конечно, мы уже слышали о полете, который совершал вокруг Земли Герман Титов. Вдруг я заметил в небе какой-то предмет. Он быстро увеличивался. «Наш космонавт!» — крикнул я, и все бросились к месту его спуска. Поле было мягким, только что убрали хлеба. Мы крепко обняли Германа Степановича, стали расспрашивать, как он себя чувствует. Он попросил нас помочь снять скафандр. Остался в одном голубом комбинезоне.

К этому времени народу собралось порядочно. На «Волге» приехал секретарь райкома партии и увез Германа Степановича.

13.00. Наш самолет оказался небольшим островком в людском море: все ждут космонавта. И когда автомашина с Германом Титовым и встречавшими его приблизилась к этому людскому морю, оно зашумело тысячами голосов: «Слава Герману Титову!», «Герману ура!». Заглушая восторженные возгласы, над толпой прокатился чей-то бас:

— Герман Титов, скажите нам несколько слов!

Космонавт поднялся по трапу и широко улыбнулся:

— Что мне и говорить, не знаю. О полете вам все по радио известно.— Потом после паузы добавил: — Полет прошел хорошо. Самочувствие отличное. Спасибо за сердечную встречу!

Над толпой снова прокатился шквал аплодисментов. Летчики стали готовиться к полету. Народ отхлынул от машины. Вдруг по трапу взбежал запыхавшийся паренек.

— Пять километров бегом бежал,— задыхаясь, говорил он,— и опоздал! Очень прошу, разрешите хоть взглянуть на Титова! Я и Юрия Гагарина встречал.

Это был А. Гумеров, комсомолец, рабочий одного из местных предприятий. Он вошел в самолет и крепко-крепко пожал руку Герману Титову.

Паренек ушел довольный, а в самолете невесть каким образом оказались девочки лет восьми и передали герою два огромных букета цветов.

13.35. Когда самолет взлетел, знакомый нам врач и Космонавт-3 сняли с Германа Титова голубой комбинезон.

Герман Степанович улыбнулся и, не в состоянии скрыть своей радости, сказал:

— Первая мысль после того, как я приземлился,— это доложить Никите Сергеевичу, что полет прошел успешно. Товарищи, встретившие меня, привезли в райком партии. В 11 часов 25 минут я попросил Москву. А еще через несколько минут услышал дорогой голос: «Слушаю Вас, Герман Степанович. Здравствуйте, сердечно поздравляю!».

Врач протягивает Герману Степановичу баночку виноградного сока.

Космонавт с удовольствием выпивает сок, ложится на приготовленную постель и вскоре засыпает крепким сном.

8 августа

10.00. Журналисты решили попросить Германа Степановича Титова, после того как он отдохнет, рассказать им о космическом полете. Мы приехали на дачу, где отдыхал космонавт.

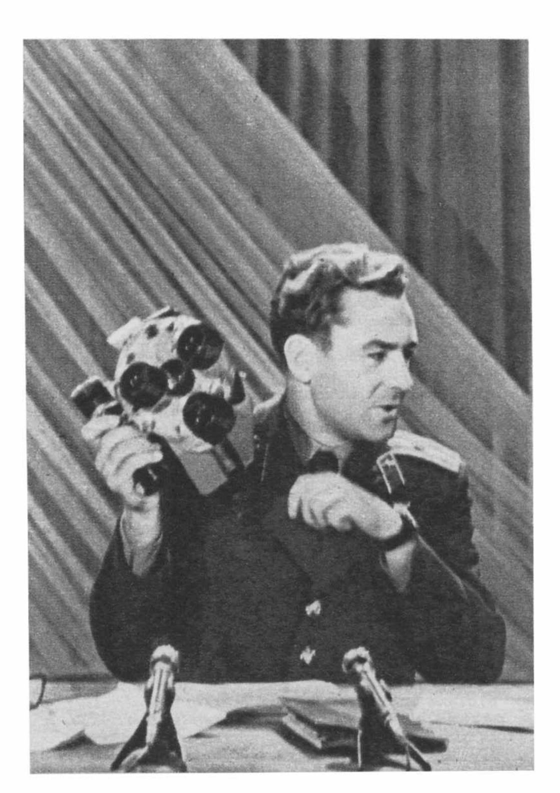
Неожиданно у входа появился Юрий Гагарин. Он прилетел сюда, чтобы встретиться со своим другом Германом Титовым. Мы к нему. Попросили помочь его в нашем деле.

— Хорошо,— согласился Гагарин,— только заранее приготовьте вопросы. По своему небольшому опыту знаю: времени у Германа Степановича в обрез.

Прошел час. Дача ожила: внезапно из окна второго этажа послышались громкие аплодисменты. Это, оказывается, аплодировали ученые. Солидные люди, а не могли сдержать своих чувств. Это доклад космонавта о 25-часовом путешествии вокруг Земли вызвал столь бурную реакцию. Один из ученых потом говорил: современный пилот-космонавт — научный сотрудник самого широкого профиля.

Эти слова я вспомнил, когда началась пресс-конференция. В просторной светлой комнате, выходящей окнами на Волгу, собралось довольно много народа: представители почти

Окончание. Начало см. № 36.

Этим киноаппаратом Герман Титов снимал нашу планету из космоса.

Фото А. Устинова.

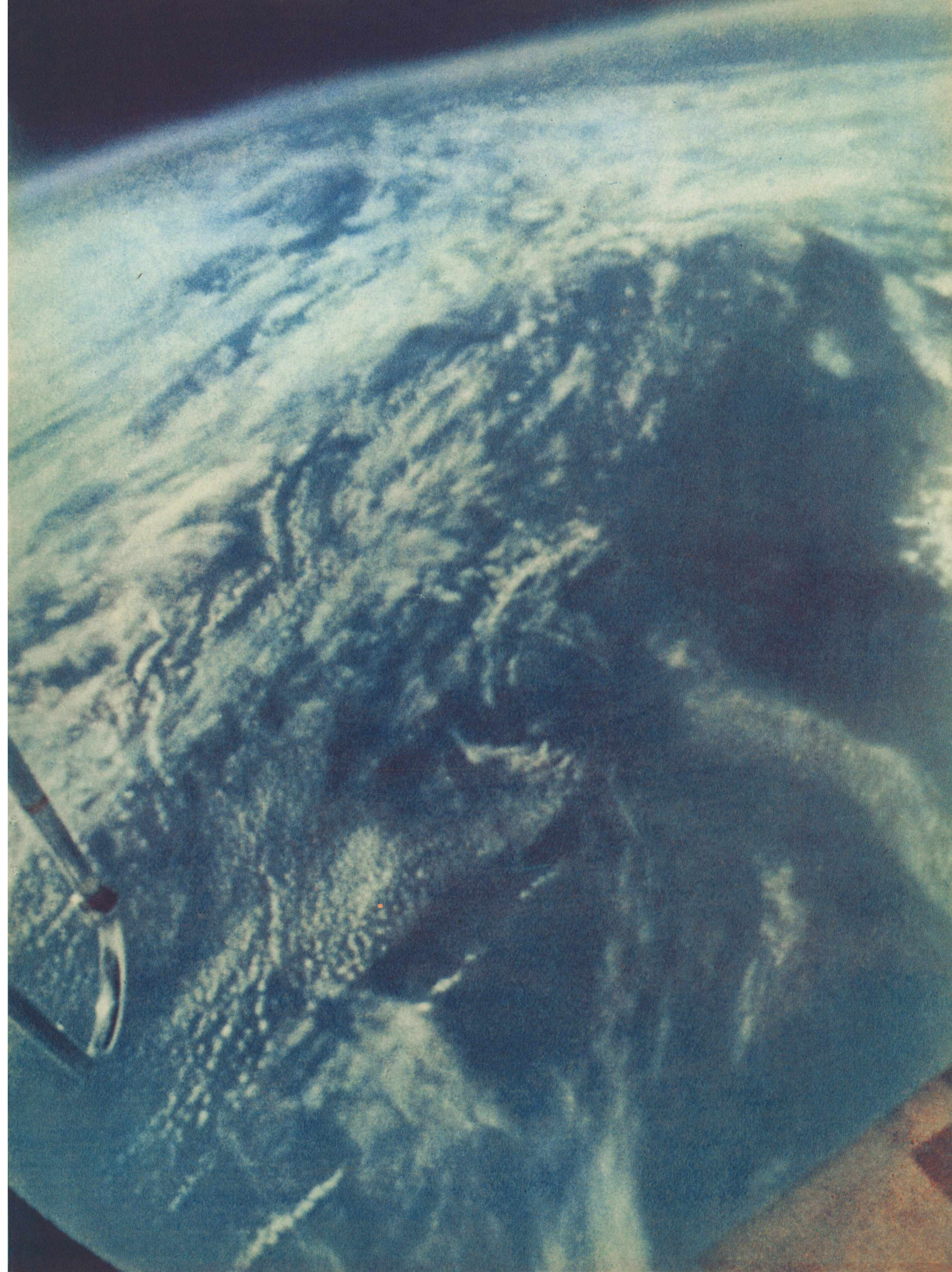
СНИМКИ ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА ГЕРМАНА ТИТОВА

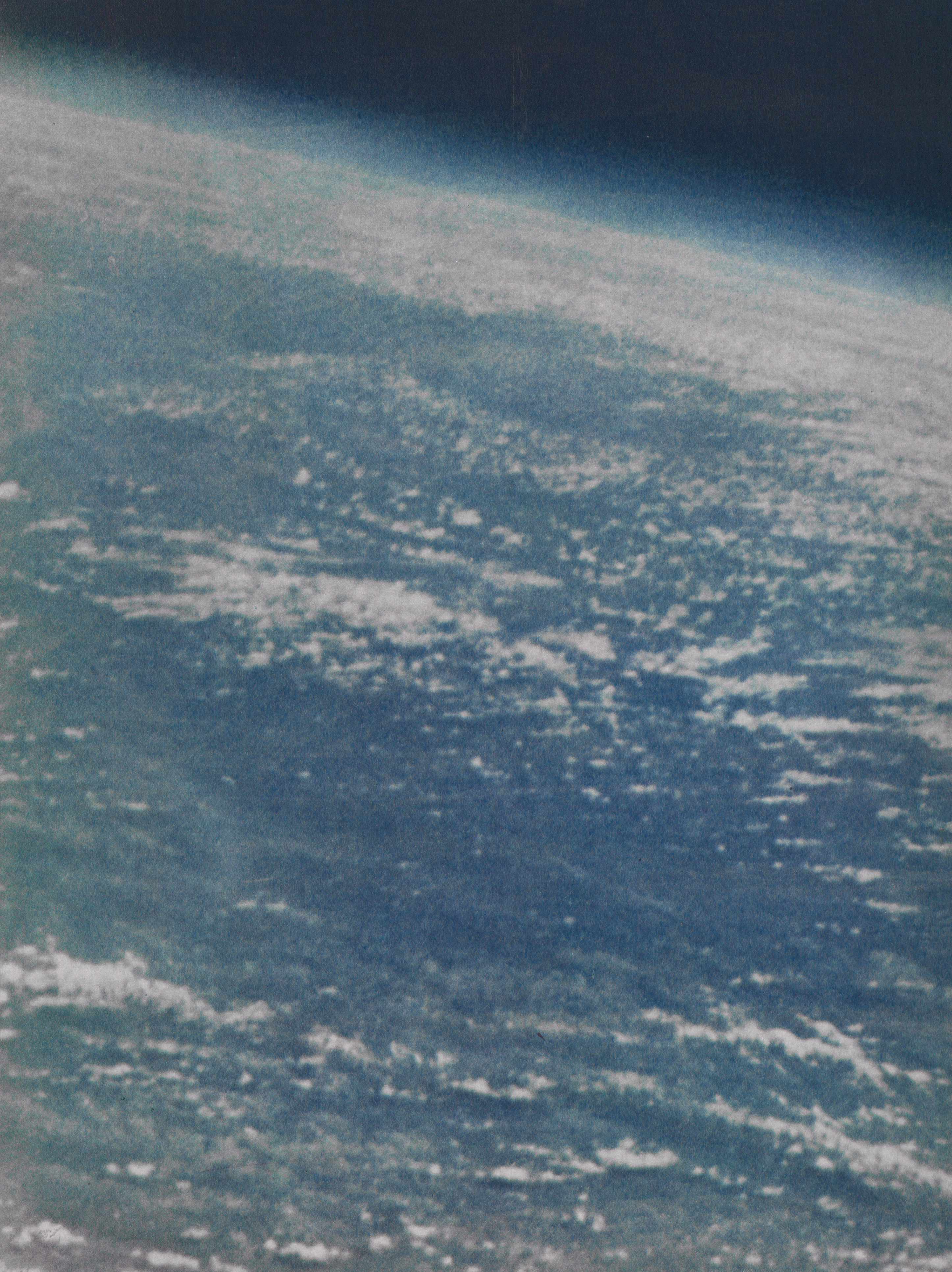
Отправляясь в полет на космическом корабле-спутнике «Восток-2», космонавт Герман Титов взял с собой репортерский киноаппарат «Конвас» и через иллюминаторы кабины сделал снимки Земли и неба. Некоторые из этих цветных кинокадров мы публикуем сегодня на первой и четвертой страницах обложки и четырех полосах центральной вкладки.

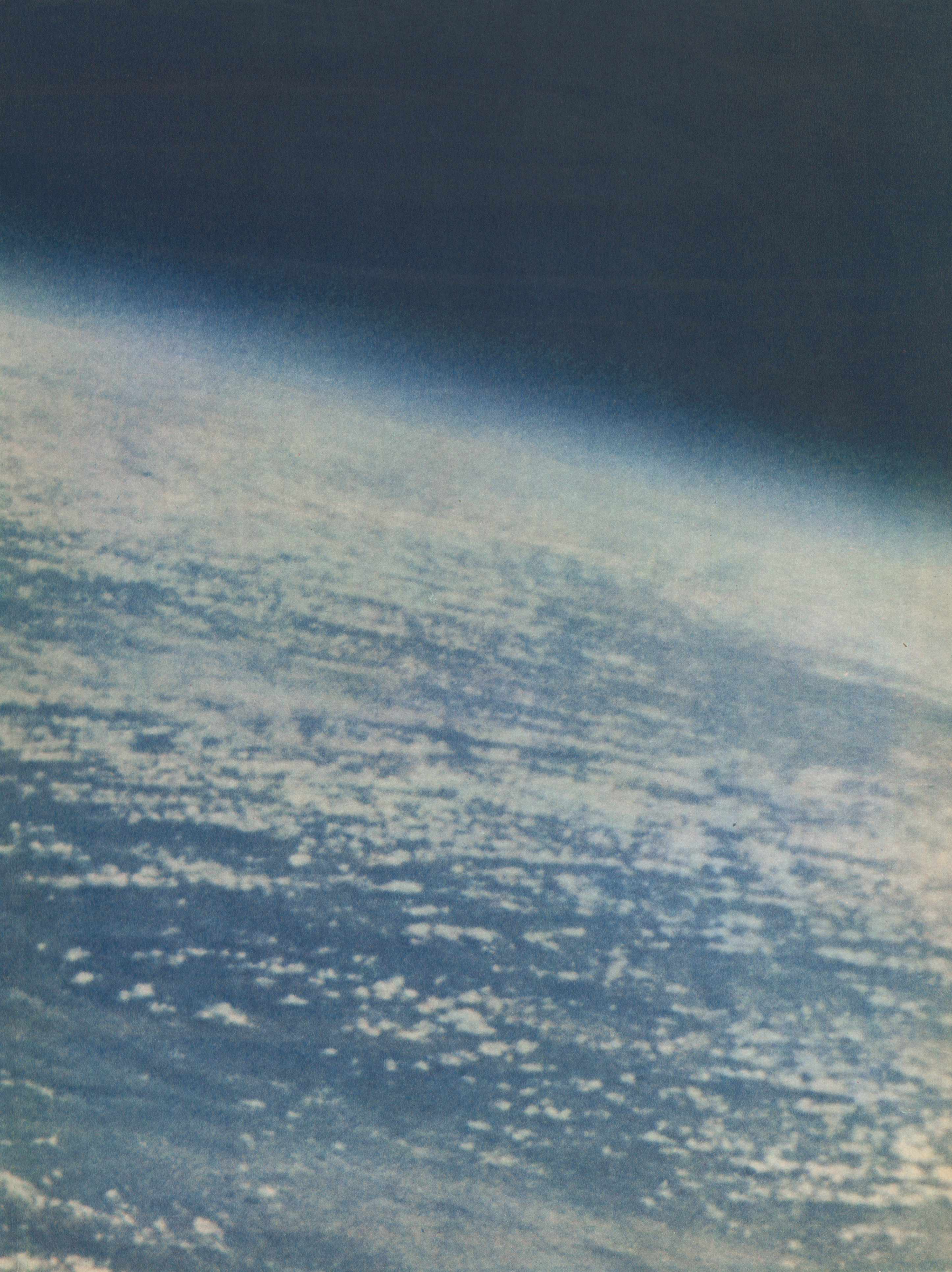
На 1-й странице вкладки: Голубой ореол отделяет Землю от черного неба. Сбоку видна антенна космического корабля.

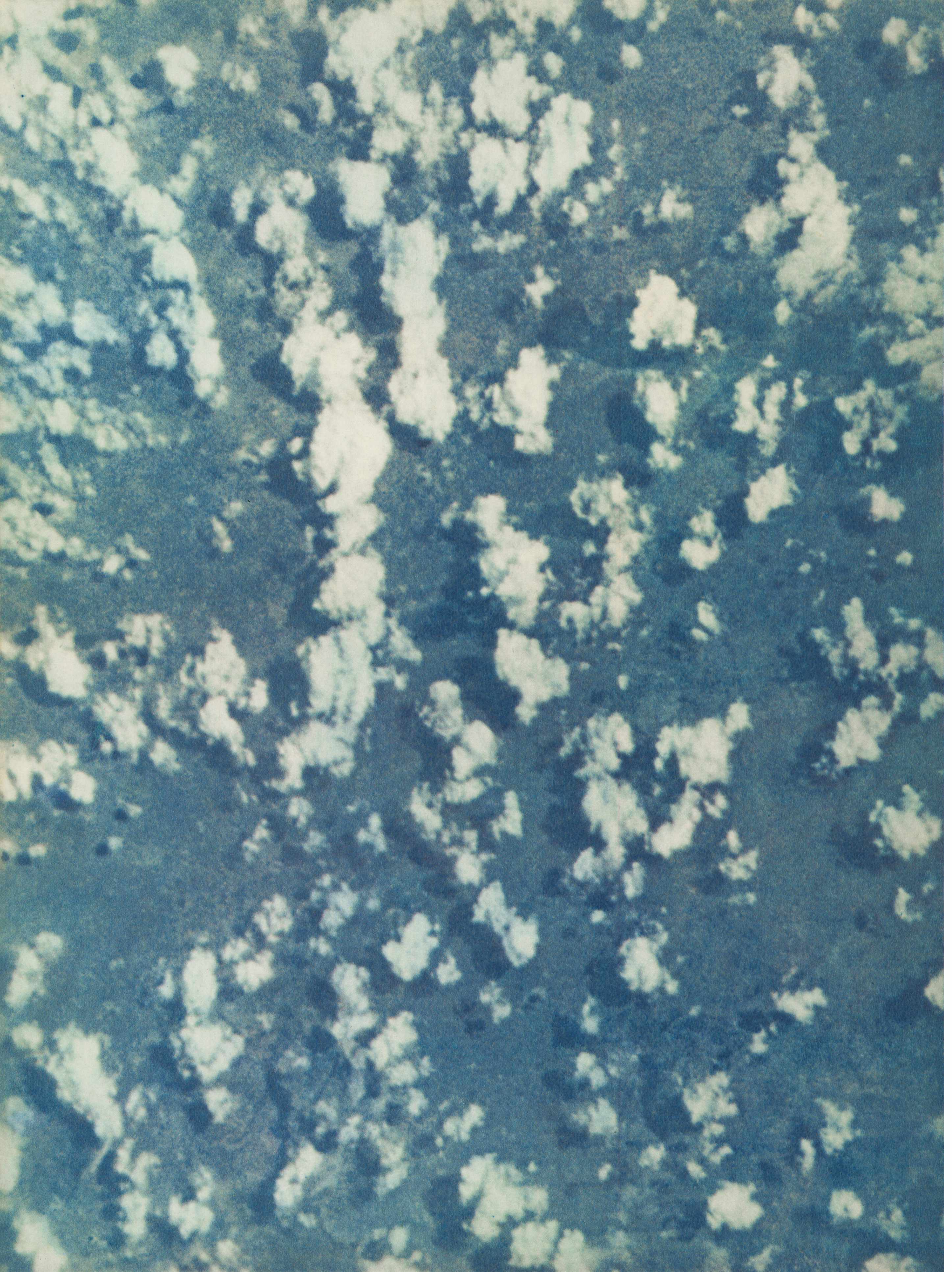
На 2—3-й страницах: Так выглядит наша планета с высоты космического полета.

На 4-й странице: Если смотреть на Землю вертикально вниз, то видно, как за кучевыми облаками проступает земная поверхность.

всех московских газет, агентств, печати, радио, кинохроники, фотохроники ТАСС. За отдельный столик сели генерал-лейтенант авиации Н. П. Каманин — один из первых советских летчиков, удостоенных звания Героя Советского Союза, в центре — Герман Титов, рядом с ним — Юрий Гагарин. Все трое — живая история советской авиации и ракетной техники.

Герман Титов отдохнул после полета. В глазах его сверкал тот самый задорный огонек, который так запомнился мне в день старта корабля «Восток-2». Герман Степанович рассказывал о своем полете, воодушевляясь с каждой минутой. Чувствовалось, что он хорошо знает, о чем говорит. Механика, геофизика, радиотехника, астрономия, литература и музыка — вот далеко не полный перечень отраслей знаний, составивший его кругозор. Но главное — всеобъемлющее понимание профессии космонавта.

Припомнился разговор с Теоретиком космонавтики за несколько часов до полета «Востока-2». Он тогда несколько раз подчеркнул в беседе, что главная научная задача данного полета — еще и еще раз проверить, какое воздействие окажет на организм человека состояние невесомости.

Что же ответил Герман Степанович на этот вопрос?

— Самое главное — невесомость не нарушает работоспособности человека,— сказал космонавт.— В невесомости можно жить и работать.

Один из журналистов спрашивает о том, сколько раз чередовались день и ночь в продолжение полета.

— На каждом витке через каждые полтора часа ночь сменялась днем. Таким образом, за одни сутки я честно отработал 17 дней и 17 ночей,— смеясь, сказал космонавт.

Кто-то в ответ на шутку сострил:

— И без выходных дней? Куда смотрит профсоюз?!

С увлечением космонавт говорит о своем корабле, о его создателях: ученых, конструкторах, инженерах, рабочих. Это не только замечательные специалисты, но и прекрасные, душевные люди. При всей занятости они находили время побеседовать с пилотом, ответить на все его вопросы.

Журналисты задают новый вопрос: совпадают ли его ощущения и впечатления с тем, что видел и испытал Юрий Гагарин?

— Все полностью совпадает,— отвечает майор Титов.

Юрий Гагарин, внимательно слушающий рассказ, добавляет:

— Мой друг Герман Степанович, конечно, увидел и пережил значительно больше, чем я...

Пресс-конференция окончена. Все мы подходим к Герману Степановичу и поздравляем с принятием его Центральным Комитетом КПСС в члены ленинской партии. Он благодарит нас и говорит, что будет выполнять все задания партии, как подобает коммунисту.

9 августа

10.00. Ранним утром, за несколько часов до отлета Германа Титова в столицу, мы снова были на даче, где он отдыхал. Космонавта застали в парке. Он любовался чудесной панорамой Волги и бескрайних полей. С нашим приходом, конечно, отдыху наступил конец. Снова вопросы, один, второй... Быстрые, четкие ответы. Мы тоже не могли устоять от соблазна: стали просить у героя космоса автографы.

...Самолет легко отрывается от земли и берет курс на Москву. Герман Титов уходит к себе в салон. Но неугомонный, энергичный характер его не дает засидеться там. Вот он уже быстро проходит между креслами, направляясь в кабину к летчикам — Е. Барабашу и пилоту-инструктору П. Воробьеву. Он садится между ними и следит, как они умело ведут воздушный лайнер.

— Может быть, попробуете, Герман Степанович? — предлагают летчики.

— С удовольствием, никогда не водил такого корабля.

Нам, журналистам, действительно повезло не только видеть старт корабля «Восток-2» с космонавтом Германом Титовым на борту, встречать его после полета, много и задушевно беседовать, но и лететь на самолете, управляемом им самим.

— Прекрасная машина, отличная! — сказал Герман Степанович, передавая штурвал Барабашу.

Под крылом самолета очертания родной Москвы. К самолету примыкают истребители. Это почетный эскорт.

...Снижаемся.

Сверху видны улицы столицы, заполненные народом, вышедшим встречать славного сына нашей Родины.

— Волнуетесь, Герман Степанович?

— Сейчас уже нет. Радуюсь предстоящей встрече с москвичами, с Никитой Сергеевичем. На сердце легко!

12.50. Еще минута — и аэропорт Внуково. Лайнер подруливает к правительственным трибунам. Герман Титов твердым шагом направляется к Никите Сергеевичу Хрущеву.

Каждый счастлив получить автограф героя...

Фото Б. Мещерякова.

15.00. Красная площадь. Митинг трудящихся. На трибунах Мавзолея — Герман Титов, Юрий Гагарин. Чуть позади их, словно представляя героев народу,— Никита Сергеевич...

18.00. Кремль. По обеим сторонам парадной лестницы, ведущей в Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца, замерли девушки в белоснежных платьях, юноши в форме учащихся ремесленного училища, суворовцы с золотистыми фанфарами.

Еще миг — и внизу лестницы появляются Герман Титов, Юрий Гагарин, их жены и родственники. Никита Сергеевич по-отечески, широким жестом приглашает их в зал. Серебристый звук фанфар возвещает о прибытии героев-космонавтов. И в ту же секунду под сводами дворца раздается исполняемое хором и оркестром знаменитое глинковское «Славься».

Никита Сергеевич Хрущев, герои-космонавты, Степан Павлович и Александра Михайловна Титовы, руководители партии и правительства появляются в Георгиевском зале.

Их встречают аплодисментами. И пока они идут по узкому людскому коридору через весь зал, их сердечно приветствуют ученые, конструкторы, инженеры, рабочие — создатели космических кораблей. В честь творцов «Востока-2» и его космонавта устроили этот прием ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета, Совет Министров СССР.

«Виновники» торжества проходят мимо послов. С восхищением смотрят на героев дипломаты. Свет огромных люстр заливает щедро, по-русски накрытые столы.

Среди гостей замечаю Петра Ермолаевича.

— Все ли ваши здесь?

— Да. Вот там, видите?

Небольшой группой стоят ученые, Технический руководитель, конструкторы, рабочие, Теоретик космонавтики, инженеры. Поблескивают Звезды Героев Социалистического Труда, знаки лауреатов Ленинской премии, ордена.

— Сегодня мы в особом настроении,— раздается спокойный, сильный голос Никиты Сергеевича, обратившегося к участникам приема с небольшой речью.— Мы считаем,— шутливо говорит он,— что для этого есть основания.

Мечтой человечества было добраться, посмотреть, что же там наверху. Никто, кроме большевиков, не мог туда добраться. Мы, коммунисты, вырвались в космос. Наша социалистическая система своим величием поразила мир,— продолжал Никита Сергеевич, подкрепляя свои слова энергичным жестом руки.

Никита Сергеевич говорит с большой гордостью о Ленине, который даже в тяжелые годы разрухи гениально предвидел великое будущее советского строя; он подчеркивает далее, что под руководством Коммунистической партии Советское государство добилось и добьется новых огромных успехов в развитии экономики, культуры и в освоении космоса.

— Наш успех в освоении космоса замечателен,— говорит в заключение этой части своего выступления Никита Сергеевич.— Мы гордимся им.

Слова эти тонут в овации, устроенной участниками приема.

Никита Сергеевич предлагает тост за Германа Титова и его супругу, за их родителей, за Юрия Гагарина и его супругу. Легкий звон бокалов наполняет зал.

Взяв Германа Титова под руку, Никита Сергеевич подводит его к микрофону. Тот заметно волнуется, да это и понятно. Сердечно благодарит Герман Степанович партию и правительство за огромное доверие, оказанное ему, ученых, конструкторов, создавших великолепный корабль, и Никиту Сергеевича за теплую телеграмму, посланную ему на борт корабля «Восток-2».

— Вы знаете, что вслед за первым полетом Юрия Гагарина был второй. Будут и следующие полеты. Семья космонавтов пополнится новыми товарищами. У нас есть, на чем летать, и есть, кому летать,— говорит Герман Титов.

Эти слова произвели большое впечатление на дипломатов капиталистических стран, на многочисленных зарубежных корреспондентов. Записав эту фразу, многие из них стремглав бросились к телефонам, чтобы передать газетам «новость № 1».

Герман Титов продолжает:

— Мне хотелось бы еще передать большую благодарность руководителям партии и правительства от моих друзей — будущих космонавтов. И я хочу заверить, что они выполнят любое задание лучше, чем мы с Юрием Гагариным.

Заканчивая речь, Герман Титов предлагает тост за Коммунистическую партию, за советских ученых, за советский народ, строящий коммунизм.

19.20. ...Очередь. К Герману Титову выстроилась длинная вереница людей. Каждому хочется иметь на память автограф знаменитого человека.

Наступает торжественная минута. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев после оглашения Указов прикалывает к груди Германа Титова медаль «Золотая звезда» Героя Советского Союза, орден Ленина и нагрудный значок «Летчик-космонавт СССР».

Участники приема сердечно приветствуют космонавта, поздравляя его с высокими правительственными наградами. Герой снова у микрофона.

— Ведь то, что я слетал, не только моя заслуга. Это заслуга наших замечательных ученых, нашего народа,— говорит он.— Успехи ученых — это успехи партии, поэтому я предлагаю тост за любимую партию, за ее ленинский Центральный Комитет, за Никиту Сергеевича Хрущева.

Народный директор

Михаил ПЕТРОВ

Еще несколько минут полета — и взору нашему откроется очаровательная, много раз воспетая Витоша, гора, возвышающаяся над Софией, подобно Везувию над Неаполем. Волнуюсь и радуюсь несказанно. Почему? Может быть, меня волнует перспектива вновь побывать на Шипке, побродить по улицам сказочно красивых болгарских городов? Нет, не только это. Прежде всего меня влекут в эту страну мои друзья, братья по крови, пролитой на Шипкинских высотах и холмах Плевена, Горни-Дыбника, вдохновенные строители новой, социалистической Болгарии.

* * *

Только что прошел теплый, полетнему шумный и скоротечный дождь. Над умытыми и напоенными влагой нивами и виноградниками выгнулась красавица радуга. Мы едем на Шипку!

— Такой дождь,— замечает наш шофер Веселин,— большая радость для крестьян. У нас в народе говорят: «Теплый дождь хлебом и вином угощает».

— А не заехать ли нам в Плевен? Я вас с очень хорошими и интересными людьми познакомлю,— предлагает мой спутник.— Если повезет, то и с самой Иванкой Владыковой — народным директором плевенского текстильного комбината «Саня».

* * *

Познакомился я с Иванкой у секретаря городского Плевенского комитета партии Тодора Алексиева в его рабочем кабинете. Только что закончилось совещание городского партийного актива. По взволнованным лицам участников, по их громким, возбужденным голосам чувствовалось, что произошел важный разговор.

— Пощади, Владыкова, ради бога! — говорил своей собеседнице Алексиев.— Поверь, что с шести утра на ногах. Ну давай вернемся к этому вопросу в другой раз! Не обедал еще, а мне с докладом к рабочим железнодорожного депо...

— А ты все же выслушай меня, секретарь, до конца,— настаивала женщина.— И я не на свадьбу иду...

Тодор Алексиев, видимо, хотел что-то ответить, но только широко развел руками и устало опустился на стул.

— Ну давай, только покороче,— сказал он.

— Вот ты, товарищ Алексиев, старый партийный работник,— продолжала Владыкова,— а не можешь понять, что нельзя людей стороной обходить. Слов нет, доклад твой обстоятельный, умный; в нем много цифр, фактов, обобщений. Однако где у тебя человек? Правда, ты несколько раз напоминал, что-де за цифрами стоят живые люди. А кто они, какие они, эти люди, ты сказал?

И Владыкова, до того стоявшая, придвинула кресло к столу и стала рассказывать о делах «Сани». Слушая ее неторопливую речь, я обратил внимание на одну деталь: о чем бы Иванка ни говорила, всегда упоминается человек. Начнет говорить о строительстве новых цехов — помянет крановщика, укладчика, штукатура, сварщика. Станет рассказывать о планах комбината — назовет имена ткачих, швей, наладчиков, слесарей. И не просто назовет, а несколькими штрихами, меткими эпитетами нарисует их портрет, характер. Это очень понравилось мне. Понравилось и запомнилось.

На следующее утро я приехал на комбинат. Тут я еще раз смог убедиться, что у Иванки Владыковой цепкая память на хороших людей. И это объясняется не многолетним трудом на комбинате, а в первую очередь глубоким уважением к рабочим, их запросам, нуждам, желанием коммуниста нести людям все полезное и красивое, воспитывать их и самой у них учиться.

— К нам на комбинат приезжают гости с Запада,— говорит мне на ходу Владыкова.— Нередко они спрашивают: в чем источник творческой энергии ваших ткачих и прядильщиц? Деньги? Или, может быть, слава — желание попасть на доску героев труда? Приходится им объяснять, что дело тут не в деньгах, хотя у нас кто лучше работает, тот и получает больше, и не в желании попасть на доску передовиков производства, хотя и это приятно, почетно. Этот источник кроется в том, что наши люди чувствуют себя хозяевами фабрики, своей большой судьбы. Ведь все, что делают наши руки, пойдет народу.

Квартальный план «Саня» выполнила с превышением. Директор называет мне имена передовиков. Начальник смены — коммунистка Гана Иванова. Она председатель профкома, награждена Центральным советом профсоюзов «Золотым знаком». Пришла на предприятие четырнадцати лет и поступила ученицей. А вот Лалка Ненкова. Люди прислушиваются к слову Ненковой, приходят к ней за советом. Почему? Потому, что она агитатор и отличный производственник, рационализатор, выполняет план на 150—160 процентов. Атанаска Маринова, Райна Тодорова, Кинка Сахатчиева, Стоянка Пенчева, Катя Цанкова...

— Картины с них писать и песни о них слагать надо,— говорит Иванка Владыкова. И уже с раздумьем добавляет:—Простые они, люди наши, скромные, а присмотришься к ним получше, поработаешь рядом, и открываются их красивые души.

Но главный итог, по мнению Владыковой, не выполнение плана, а повышение квалификации, рост мастерства и сознательности рабочих. Одних посылали учиться в специальные школы, для других создавались краткосрочные курсы, трети — и их большинство — овладевали новым делом на месте, в цехах.

— Все мы учимся, и я сама тоже,— говорит Иванка Владыкова.— А как же иначе? Более двадцати девушек занимаются в текстильном техникуме, около ста — на трехмесячных курсах переквалификации... Из молодых рабочих более половины имеют среднее образование, готовятся к поступлению в высшие учебные заведения.

Когда-то Иванка мечтала: «Встанем на ноги, научимся хорошо работать, изделия «Сани» будут знать во всей Болгарии». Теперь слава плевенского комбината перешагнула границы Болгарии.

Изделия с этикеткой «Саня» пользуются доброй славой, их можно видеть в Советском Союзе, Румынии, ГДР, Польше, Турции...

Когда-то Иванка мечтала: «Хорошо бы привести в образцовый порядок цехи и заводскую территорию. Ведь это наш второй дом, а дома должно быть чисто и уютно».

Сейчас территория «Сани» напоминает ботанический сад, оборудована комната отдыха, уголок агитатора, в перерыве рабочие могут почитать свежие газеты и журналы.

Мы остаемся на комбинате, а Иванка Владыкова едет на окружное совещание новаторов производства. Через час она присутствует на заседании городского Народного совета, посвященном рассмотрению программы жилищного строительства в Плевене, а спустя немного времени ее можно увидеть в рабочей больнице с букетом цветов: молодая ткачиха Цветана Велева подарила родине нового гражданина. Затем Владыкова возвращается на комбинат: сегодня приемный день для рабочих по личным делам.

Вечером мы пришли к ней в гости. Иванка живет с дочерьми Любомирой и Цветаной.

Цветана — под стать матери: черноволосая и большеглазая — накрывает на стол. Сын Любомиры трехлетний Иво важно уселся у бабушки на коленях. Все хорошо, по-домашнему просто.

В тот вечер, который я провел в доме Владыковой, я узнал о личных стремлениях и желаниях его обитателей.

— Хочу еще раз,— говорит Иванка,— побывать в Советском Союзе, повидать моих советских друзей.

Дочь Любомира стремится стать врачом, а Цветана — инженером. А Иво хочет стать космонавтом и слетать на Луну. Но только вместе с бабушкой.

Мне казалось, что, узнай я хотя бы немного о прежней жизни Иванки, я сразу пойму, в чем источник ее неиссякаемой творческой энергии, вдохновенного труда на пользу людям. Я терпеливо ждал счастливого случая и дождался его. Заметив, что я взглянул на старую фотографию, висевшую на стене, Иванка улыбнулась:

— Давно, ох, как давно все это было!.. Я родилась в Плевене, в семье рабочего-бедняка. Детей в доме было много, а хлеба мало. Голодали мы, хотя отец работал от зари до зари. И одевались плохо... С семи лет узнала, что значит заработанный кусок хлеба, смоченный потом и слезами. Затем пришла юность. Я начала стесняться своей плохой одежды, стала задумываться над тем, как выбиться из нужды. Встретился Димитр. Хороший такой — добрый и ласковый. Я тогда в Софии на фабрике «Вперед» работала. И Димитр там же. Поженились. В тридцать седьмом родилась Любомира, а потом — Цветана...

Помолчав немного, продолжала:

— Нелегкая была наша жизнь: муж почти не выходил из тюрем— он из прогрессивной молодежи был, активно работал в подпольном комитете. В тюрьме их содержали по тридцать — сорок человек в одной камере. Пытки, бесконечные допросы. Но они вели переписку с друзьями, находившимися на воле, не теряли уверенности в том, что и Болгария станет свободной, счастливой страной. Здесь, в застенках, Димитр и его друзья читали великого Ленина...

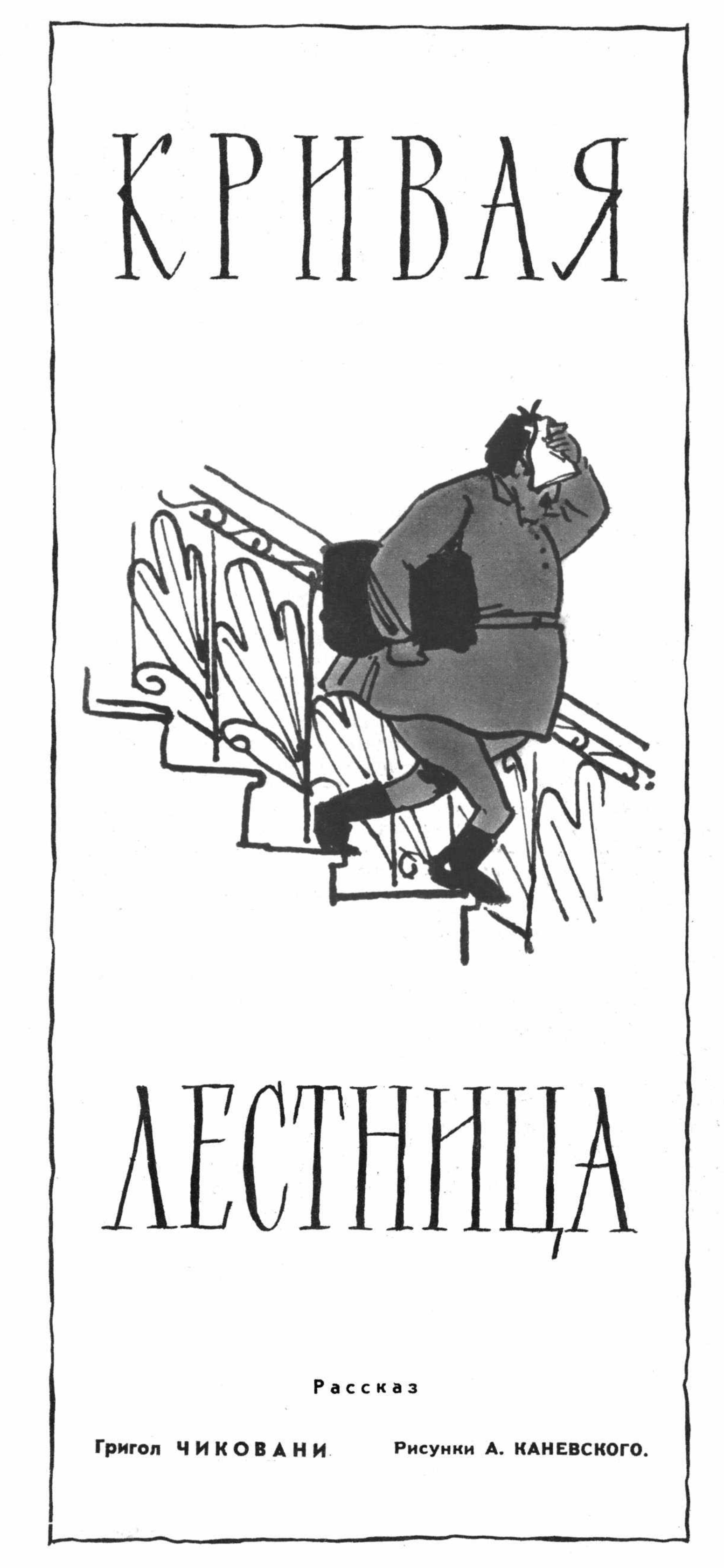
Димитр и меня в подпольную работу втянул.

Когда началась война с фашизмом, мы изумлялись мужеству советского народа, всем сердцем желали ему победы. С этой победой мы связывали надежды на свое освобождение, на свое счастье. И эта победа пришла. Пришло освобождение. Как ликовали жители Плевена, вышедшие на улицы города встречать советских воинов-богатырей! Они шли запыленные, усталые, но счастливые. Среди них был и Василий Григорьевич, солдат с Урала. Где он, этот дорогой советский солдат? Помню, как он погладил по головкам моих дочерей: «И у меня на Урале аккурат такие же».

* * *

— Не жалеете, что мы свернули на Плевен? — спросил мой спутник, когда машина выехала на широкую софийскую магистраль.

Вместо ответа я крепко пожал ему руку.

КРИВАЯ ЛЕСТНИЦА

Рассказ

Григол ЧИКОВАНИ Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

На одном берегу Цхенисцкали прилепилась Агмартула, на другом — Дагмартула[1]. Оба берега здесь одинаково круты, и сам черт не поймет, почему одно село называется Агмартула, а другое — Дагмартула: ведь они похожи друг на друга, как половинки яблока. Однако агмартульцы — люди вспыльчивые, неукротимые, а дагмартульцы — степенные, суровые. Красоту агмартульских девушек и в сказке не опишешь, а таких парней, как в Дагмартуле, не найдешь нигде. Клянусь, тут нет и капли фантазии. По утверждению стариков, сам господь позаботился об этом разделении.

В Агмартуле живет род Пиртахия, в Дагмартуле — Кордзахия. По преданию они когда-то обитали в одной деревне. Но чего-то не поделили, о чем-то не договорились — раньше ведь вечно ссорились из-за земли, из-за леса, из-за мельницы и дорог, — и однажды Пиртахия и Кордзахия пошли друг на друга — сперва с кулаками и дубинками, а потом с кинжалами и ружьями.

Оба рода уже не могли ужиться в одной деревне и расселились на противоположных берегах Цхенисцкали, да еще так, что ближайший брод находился в трех часах ходьбы. Правда, Цхенисцкали не широка — парни и девушки могли прятаться за скалой или деревьями и издалека завязывать знакомства. Известно ведь: что разрушено враждой, то отстраивается любовью.

Если когда-то рознь и ссора возникали из-за земли, леса, дороги или мельницы, то с течением времени старые поводы для ссор исчезли, унеся с собой вражду и злобу. Теперь Пиртахия и Кордзахия искали и находили новые поводы для соперничества: у кого красивее одежда или конь, шапка или седло, кто пышнее справит свадьбу, кто зажиточнее живет или лучше трудится... Построили висячий мост, потом заменили железным, арбную дорогу — шоссейной. Давно уже забыли про кинжалы и ружья. Но для того, чтобы завоевать славу, не жалели ничего.

В обоих колхозах выращивали чай и виноград. Не бывало случая, чтобы в газете, рядом с портретом знатной сборщицы чая Пиртахия, не публиковалась фотография известной сборщицы Кордзахия. В соревновании побеждали то агмартульцы, то дагмартульцы.

Незаметно для себя другие села района начали подражать соперникам и тоже лезли из кожи вон, чтобы не отстать от них.

Переходящее красное знамя ежегодно совершало прогулки по мосту от Пиртахия к Кордзахия и обратно. Получение знамени отмечалось, как праздник. Победители не проявляли великодушия и осыпали противников градом насмешек.

Пиртахия и Кордзахия знали, что в мире ничто не вечно, и тем не менее огорчению их не было предела, когда колхозы объединились. Как быть? Перед кем похваляться, если они оказались в одной семье?

Однако колхозы объединились, а бригады и звенья остались: в одних работали Пиртахия, в других — Кордзахия. Раз в году можно было сцепиться из-за кандидатов в правление колхоза и в ревизионную комиссию. А добиться, чтобы председатель был избран из своего рода, — это же ликование и радость на многие дни!..

Последние пять лет председателем был Нестор Кордзахия.

При нем дела шли так хорошо, что многие Пиртахия словно забыли фамилию председателя и хвастали его успехами, как своими. Те Пиртахия, в душе которых еще не искоренилась былая вражда, считали, что Нестору просто везет. Не мог же бог наградить кого-либо из Кордзахия таким умом и способностями! Вскоре Нестора избрали председателем райисполкома, а председателем колхоза стал Кондрат Пиртахия.

Кондрат был единственным и балованным сыном. Рос он словно под зонтиком: ни воды из колодца принести, ни хвороста наломать для растопки, только птичьего молока ему не хватало. В деревне удивлялись его отцу Филиппу. Он был человеком жадным до труда, но почему-то растил сына баловнем.

Кончил Кондрат школу, заявил, что будет готовиться в институт. Готовился год, готовился два... Днем отсыпался, а ночами гулял, бегал за девушками да играл в карты. Прозвали его в селе Кабаном, так эта кличка за ним и осталась.

И на самом деле Кондрат напоминал кабана: челюсть у него слегка выступала вперед, нос был мясистый, из-под низкого лба выглядывали маленькие серые глазки, а затылок походил на загривок. И ноги — жилистые, короткие — он ставил крепко, словно кабан. Чтобы казаться выше ростом, клал в сапоги стельки потолще и набивал двойные каблуки.

Любовный пыл со временем у Кондрата поостыл. Вскоре умер отец, и парень призадумался. Продолжать прежнюю жизнь нельзя. А что делать?.. Жеребенок наследует поступь коня. Оказалось, что и Кондрат воспринял от отца кое-что хорошее. Он понял: без труда и куска хлеба не переломишь.

Через две недели после смерти отца Кондрат попросил председателя колхоза взять его на место отца. Колхозники удивились, видя, как рьяно трудится Кондрат,— перебесился, наверное, хочет наверстать упущенное. Днем он работал на винограднике, вечерами посещал агротехнические курсы. Урожай на его участке получился отменный. Даже Кордзахия в восторг пришли. Кондрата назначили бригадиром, а после окончания курсов — агротехником.

— Ишь, остепенился! — говорили деревенские кумушки.

Кондрат стал завидным женихом. И в самом деле: дом хорош, двор просторный, будущая свекровь — ангел, а сам Кондрат... Черт его знает, что в нем нравилось женщинам! Красотой он не отличался, и все же многие девушки, как Пиртахия, так и Кордзахия, пытались обратить на себя его внимание, даже свахи к нему заглядывали, но... Кондрат не думал больше о женщинах, он был увлечен другим. Проработав два года агротехником, он стал агрономом. Образования он не имел, но практическая сметка у него была.

Кондрат снова стал кутить. Но уже по-другому. Пирушки помогали приобретать приятелей, нужных ему людей. На свои белые, острые зубы он надел золотые коронки — вид от этого значительнее. Он не был худым, но мечтал потолстеть. Дородный, с брюшком человек кажется более важным, более солидным.

Когда Нестора Кордзахия избрали председателем райисполкома, Кондрат словно превратился в гончую — уши навострил, глаза его забегали еще быстрее: кого метят в председатели колхоза?

Сколько он ни принюхивался, лучше себя не находил ни в Агмартуле, ни в Дагмартуле.

Кондрат ходил по комнате, размахивал руками и говорил сам с собой. Да, есть у него слабость: он, Кондрат, любит подниматься по ступенькам лестницы. По тем ступенькам, которые ведут наверх. Там, наверху, чувствуешь себя свободнее, там легче дышится...

Кандидатов было пять. О четырех кандидатах судили да рядили. О пятом — Кондрате — почти не говорили. Никто на него особо не нападал, никто не вставал на его защиту. Кондрат не огорчался. Он знал: сколько ни кричи, от этого в игольное ушко не пролезть. Кондрат исподтишка пустил в оборот все свои связи, использовал все возможности. Он стал гибким, как хорошо смазанный ремешок, и сам дивился своей хитрости.

Колхозные дела в первое время после укрупнения были неважны. Многие парни поступили в техникумы, институты, устроились работать на заводах и фабриках, остались в городе. На виноградниках и чайных плантациях пестрели женские платья. Кондрат подумал-поразмышлял и пустил слух, что хочет жениться.

Сердца перезрелых дев тревожно забились. А Кабан словно на колючий куст уселся, покоя не находил: одним колхозникам говорил,

[1] Агмарти—подъем, дагмарти—спуск.

что он льготы для владельцев приусадебных участков выхлопочет, другим обещал лично помочь, перед третьими развертывал широкую картину будущего процветания колхоза...

И вот Кордзахия и Пиртахия срезались. Все смешалось на собрании, но к концу его стало ясно: дружки Кабана с помощью женщин перетянули чашу весов. Хоть и незначительным большинством голосов, но перетянули.

Кордзахия губы себе искусали от злости, оттого, что их женщины вдруг отдали голоса Пиртахия. Да еще Кондрату. Агмартульцы не особенно обрадовались избранию Кабана, но родовая гордость заставила их утверждать, что дела теперь пойдут в гору. Кондрат, мол, и умен, и настойчив, и агротехнику знает — лучше не найти! Сомневающиеся говорили: «Поживем — увидим, председателя избрали всего на год. Не оправдает Кондрат наших ожиданий — скинем его безо всяких».

Тут они были правы: и Кордзахия и Пиртахия славились своей суровой прямотой. Разгневавшись, они могли выпалить один в другого из ружья, но ради товарища не задумались бы снять с себя последнюю рубашку или кинуться в известковую печь.

Кабан понимал: не справься он, пощады не будет.

Через год весь колхоз славил Кондрата. Даже те, на ком он обещал жениться и не женился, забыли о своей обиде. Кондрат и не глядел на женщин. Да и времени не хватало... Он сгорал от усилий: его колхоз «Цискари» должен стать первым в районе.

Вместе со славой к нему приходил жирок. Он много ел, мало пил, отрастил брюхо, на затылке у него образовались три складки. Недовольные из стана Кордзахия смолкли. Деньги в колхозную кассу текли рекой, на трудодни давали помногу, показатели были высокими. Да, Кондрат определенно родился под счастливой звездой, способный человек, что и говорить. Гляди, сколько он сделал за три года!

Кабан шагнул еще одной ступенькой выше, еще шире распустил пояс, и на загривке у него прибавилась четвертая складка. О Кондрате писали, о Кондрате говорили, Кондрата премировали, Кондрата избирали в президиум...

Но ведь у каждого бывают завистники. Уже не раз всякие стервецы доносили, что Кондрат делает приписки, что показатели у колхоза завышены. Приезжали комиссии. Кондрат ловко отводил им глаза. У него дело было налажено так, что не только люди, сам черт не докопался бы до истины. Кабан был в этом уверен. Колхоз не только первым в районе выполнил план сдачи чайного листа, но и перевыполнил его.

В действительности план выполнялся лишь наполовину. Кабан скупал чай у отстающих по этой отрасли колхозов — вы, мол, и так не выполняете план — и сдавал его как свой. Таким же способом «выполнялись» планы по винограду, по сдаче мяса и молока.

Из года в год плановые задания по колхозу «Цискари» повышались. Кабана это, естественно, не смущало. Он выступал на митингах и уверял, что «его» колхоз перевыполнит любое задание. Механика выполнения планов была им освоена.

Разве кто-нибудь мог утверждать, что Кабан старается для себя, для своей славы, для продвижения по чудесной лестнице?

Мелькали дни, месяцы, годы. Кондрат все стоял на своей ступеньке. Никто не пытался спихнуть его, никто не тянул выше. Кабан стал спокойнее, глаза у него уже не бегали по сторонам.

Но до каких пор ему торчать на одной и той же ступеньке? Какой смысл торчать на лестнице, если ты не лезешь выше?

Что делать Кондрату, в чем отличиться, как заставить людей заговорить о нем?.. Кондрат не находил себе места до тех пор, пока его внезапно не осенила необыкновенная мысль — не мысль, а клад — такая и во сне не приснится другому. Он нашел козырь, которым побьет всех. Колхоз Кондрата станет первым в Грузии! Весть о нем пронесется, словно взрывная волна! Когда Кондрат создаст... Тс-с, пока нельзя показывать даже краешек козыря.

Когда-нибудь и другие последуют его примеру, но первым навсегда останется Кондрат Пиртахия! Так и чешется язык сказать... Дудки! Ни одна живая душа, кроме самых доверенных людей, не должна ничего знать. Они скорее язык проглотят, чем проболтаются.

Первый человек, который умеет держать язык за зубами,— бухгалтер Антимоз Кордзахия. Не будь Антимоза, не было бы, возможно, и самого Кондрата, такой это работник! Кабан не променяет его на троих Пиртахия.

Поздно вечером председатель позвал к себе в контору Антимоза, запер дверь, закрыл окна и предложил:

— Садись, поговорим...

Бухгалтер удивленно посмотрел на Кабана и сел. Взгляды их встретились.

— Скажи, Антимоз, чем в наше время можно всех удивить?

— Смотря в каком деле,— осторожно произнес бухгалтер.

— В любые времена человек мог удивить других своим острым умом. Так было, так есть, так всегда будет. Я о другом думаю... Вот, скажем, мы с тобой... Что мы можем сделать такого, чтобы вся Грузия о нас заговорила?.. Антимоз! То, что придумал я, Кондрат Пиртахия, оглушит даже чертей в аду!

Бухгалтера клонило в сон от этой странной беседы, но тут он очнулся.

— Что ты придумал, Кондрат? Говори, не мучай!

Кондрат налил себе воды из кувшина, не спеша выпил, вытер потный лоб платком и, медленно выкладывая каждое слово, начал:

— Правительство постановило, как ты помнишь, что после шестидесяти лет человек может переходить на пенсию...

— Ну? — спросил Антимоз.

— Сейчас. Имей терпение... Зажмурь глаза и представь себе в самом живописном месте, у Цхенисцкали, дом в саду. Сад большой, красивый. Дом... как нарисованный. Окна широкие — во! Двери высокие — во! Лестница мраморная! Под деревьями скамейки, соломенные кресла! В креслах сидят, развалившись, пожилые мужчины и женщины. Кто читает газету, кто ногу на ногу заложил... Птички чирикают, ветерок листьями шелестит. Что это, дом отдыха? Нет, Антимоз, это не дом отдыха и даже не санаторий!

— Больница?

— Нет!

— Клуб?

— Нет!

— Дом культуры?

— Нет!

Кондрат засмеялся и потер руки.

— Дом стариков... Не стариков, а этот, как его, дом для престарелых.

Антимоз крайне удивился.

— Путаешь что-то, Кондрат.

— Пусть так путает тот, кто желает тебе добра, Антимоз. В доме живут старые колхозники. Они поработали на славу, выполнили свой долг и получили возможность жить, ничего не делая. Пьют, кушают, одеваются, кино смотрят, отдыхают, одним словом. Нравится?

— Недурно. Как ты до этого додумался?

Кондрат постучал себя пальцем по лбу.

— Разумом дошел. Только острым умом и можно удивить людей.

— Наши старики на свою жизнь не жалуются,— словно нехотя, пробормотал Антимоз.— Я думал, ты действительно что-нибудь интересное придумал... У наших стариков еды-питья хватает.

— Ха! Еды-питья хватает! — вскипел Кондрат. — Здрасте! — Когда Кондрат злился или радовался, он произносил это русское слово: «Здрасте!» — Повредит такая жизнь нашим старикам?

— Повредит не повредит, но... Не знаю я таких Пиртахия или Кордзахия, которые захотели бы жить в твоем доме.

— Почему?

— В своем доме лучше.

— Здрасте! Я думал, ты умеешь мыслить... Ошибался, оказывается. Мы находимся в преддверии коммунизма, а ты хочешь вернуть нас к дедовской жизни! Твои дед, отец и дядюшка жили в закопченной пацхе [1], мечтали иметь керосиновую лампу, спали на досках и клали под голову полено. У них не было кукурузной муки, желудок высыхал с голоду... Какой у нас доход?

[1] Мазанка.

— Двадцать два миллиона.

— Здрасте! У иных государств столько нет. А ты, сын голоштанника Тагуйи Кордзахия,— казначей кассы, в которой лежат двадцать два миллиона! Давно ты стал сытым, крестьянин, давно не спишь в одной пацхе с козами?

— Сорок лет уже,— спокойно ответил Антимоз.

— Может, соскучился по дедовской жизни?

— Нет.

— Построим дом, поселим в нем стариков...

— Не пойдет.— Антимоз покачал головой.— Я умываю руки. Тайно строить дом... Мы строим не на свои деньги.

— Соображать надо! — сказал Кондрат.— Что мы должны строить летом?

— Ясли, сам знаешь.

— Место выбрано? Проект есть? Материал заготовлен? Инженер скоро прибудет? Здрасте, Антимоз. Дело в шляпе. Вместо яслей построим дом для престарелых.

Антимоз бросился к окну, распахнул его и обернулся к Кондрату.

— Ты серьезно? Ведь наши женщины столько времени ждут яслей.

— Подождут еще немного.

— Больше двадцати женщин не выходят на работу. И какие работницы! Каждая может собрать по двадцать тонн чайного листа. То, что ты задумал, граничит с преступлением.

— Пугаешь, мужик?

— Предупреждаю, мужик!

Кондрат немного растерялся.

— Кто из нас председатель?

— Ты, но...

— Я и в ответе. А за предупреждение спасибо.

— Одумайся, Кондрат!

— Я всегда сперва думаю, потом делаю. Ты не бойся. Строятся ясли, а до другого тебе дела нет. Ты ничего не знаешь, понял? Если денег больше понадобится, из своего кармана доложу. И учти: кто-нибудь про дом узнает — мы с тобой вместе работать уже не сможем.

— Пугаешь?

— Предупреждаю. Да чего ты боишься?.. Пусть позор падет на мои усы, если о нас не заговорят в стране. Наш колхоз прогремит на весь мир! Начнут ездить иностранцы: англичане, чехи, французы, китайцы...

Антимоз исподлобья смотрел на Кондрата. Тот, боясь снова поссориться с упрямым бухгалтером, повернул ключ в замке, открыл дверь и уже за порогом бросил:

— Завтра утром пошли телеграмму инженеру.

Антимоз поиграл пальцами по столу и сказал председательскому креслу:

— Пусть позор падет на мои усы, Кондрат, если ты не сломаешь себе шею на этом деле.

Приехал инженер. Кондрат позвал его к себе и объяснил, как надо переделать проект, где пройдут коридоры, как расположить кухню, столовую, библиотеку, зал, комнаты, каким должен быть парадный вход. Инженер обещал хранить тайну. Проект можно переработать за несколько дней, но дом обойдется дороже.

Начались земляные работы. В обеих деревнях удивлялись: с чего это председатель так торопится построить ясли? Когда Кондрату задавали вопросы, он отвечал:

— Каждому свое время. Подошла очередь яслей. Будем строить быстро и хорошо!

Земля не столь велика, чтобы какая-нибудь тайна могла долго оставаться тайной. Первым в колхозе все новости и сплетни узнавал и разносил хромоногий Кинтирия Кордзахия.

Работал он сторожем. Сутки дежурил, сутки бывал свободен — ковылял от магазина к почте, от мельницы к конторе, от столовой к клубу... Он останавливался всюду, где собирались вместе три-четыре колхозника. Останавливался, слушал и торопился понести свежую сплетню дальше.

В тот день, когда инженер принес переделанный проект и смету Антимозу, Кинтирия сидел в комнате, ожидая кассира. Главный бухгалтер и инженер не заметили Кинтирия. Он навострил уши, повернулся спиной к собеседникам и запомнил все, что говорилось, слово в слово.

Неслышно, словно тень, Кинтирия выскользнул из конторы, сбежал по лестнице и затопился через двор. Колхозники, сидевшие в

тени, угадали по одной походке, что он торопится насолить кому-то. Они не успели и окликнуть его, как Кинтирия скрылся в эвкалиптовой аллее.

— Что-то узнал!

— Ишь, как летит...

— На горе кому-то весть несет.

Кинтирия ликовал, сердце его выскакивало из груди. Давняя жажда мщения собралась в клубок и подкатилась к самому горлу. Ох, и посмеется он теперь над своим заклятым врагом, человеком, который любит ту же женщину — птичницу Аграфину, что и Кинтирия. Враг любит ее много лет, а Кинтирия — три года. Но эти три года равны шестидесяти годам, так много они вобрали в себя терзаний и ревности! Сачино Пиртахия — имя его врага!

Сачино уважали все — и Кордзахия и Пиртахия. Он был организатором колхоза в Агмартуле, в свое время построил птицеферму и слыл справедливым, умным человеком...

Когда Кинтирия прибежал на ферму, Сачино сидел в тени орешника. Поставив дробовик между ног, он дремал, свесив голову на грудь. Кинтирия проложил себе дорогу в облаке кур, петухов, цыплят, подошел к Сачино, сел рядом и потряс за плечо.

— Сачино! Проснись!

Старик испуганно вскочил. Увидев, что его разбудил Кинтирия, он нахмурился.

— Сядь! — Кинтирия принялся набивать трубку.

Сачино уселся и покосился на него: почувствовал, что Кинтирия принес недобрую весть и нарочно тянет, чтобы вдоволь насладиться.

— Знаешь, Сачино, что вышел закон — старикам переходить на пенсию?

— А что плохого? Кто хочет — уйдет на пенсию, кто нет — останется на работе.

Кинтирия набил трубку, прикурил и осклабился.

— Не совсем так, милейший. Теперь будет новый закон: колхозник, которому стукнуло семьдесят, хочет он или не хочет, переселяется в дом для престарелых.

— Куда?

— В дом для престарелых,— ясно и отчетливо выговорил Кинтирия.

И заглянул в лицо собеседнику...

Сачино был ошеломлен. Крепкий, здоровый старик сгорбился и побледнел. Кинтирия и не думал, что удар его будет таким сильным. Он усмехнулся и ехидно уставился на Сачино.

— Глупости ты несешь! — Сачино пришел в себя и засверкал глазами.— Сумасшедший, и тот не поверит тебе.

— Я бы тоже не поверил, но... сам видел план дома. Своими глазами видел!

— План? — Сачино снова ссутулился.

Однако не мог же он сидеть перед ненавистным Кинтирия, как мокрая курица. Он выпрямился и беззаботно сказал:

— Впрочем, почему бы и не иметь в колхозе такой дом? Кто захочет, с удовольствием пойдет туда.

— В том-то и дело!.. Если бы от желания зависело, все приветствовали бы...

Сачино заметил, что Кинтирия смотрит на него не глазами-щелками, как обычно, а подняв веки. Сачино впервые разглядел глаза Кинтирия — холодные, рыбьи глаза. Чем черт не шутит, когда бог спит, вдруг и вправду такое случится!..

— Кому семьдесят лет исполнится, того?..— спросил он тихо.

— Да, всех, кому уже семьдесят!

— Сколько же их наберется таких, кому семьдесят лет да у кого нет жены или детей? Одиноких, как я, у нас почти нет.

— Это не имеет значения: хоть одного, да поселят. Вот будет забавно, если в доме престарелых будешь только ты один!.. Но тебя-то что беспокоит? Разве тебе уже семьдесят? Я считал...

— Нет, мне еще далеко до семидесяти.— Сачино закашлялся.

Кинтирия ухмыльнулся. Он хорошо знал, что Сачино уже далеко за семьдесят.

Долго Сачино не мог найти себе места. Он не ел, не пил, все размышлял о своем будущем. Как быть? Единственная возможность избежать дома престарелых — уменьшить свои годы. Выглядит он лет на шестьдесят. Плечи широкие, морщин на лице нет, глаза блестят! Ого, он и с молодыми может силами потягаться! Но вид видом, а для людей важнее документ, бумажка...

После некоторых колебаний Сачино пошел к секретарю сельсовета.

— Мне нужна метрика.

— Метрика? — Секретарь широко раскрыл глаза.— Садись, дорогой Сачино. На пенсию хочешь выйти?

— Угу. Разве не пора уже?

— Пора-то, может, и пора, но...

— Что «но»? — Сачино насторожился.

Секретарь выглянул в открытую дверь — на балконе никого не было.

— Мы одни,— сказал он вполголоса, как заговорщик,— я слышал, ты жениться собираешься на птичнице Аграфине, а тут вдруг пенсия... Неловко!

— Твоя правда, неловко. Жениться я решил, а на пенсию и не думаю выходить.

— Для чего же тебе метрика?

Секретарь испытующе посмотрел на Сачино, надел очки, встал и принялся просматривать корешки папок, стоящих на полках.

Сачино, не отрываясь, следил за ним. Секретарь, как назло, неторопливо брал папку за папкой, смахивал пыль ладонью, перекладывал с одной полки на другую. Терпение Сачино подходило к концу. Он открыл рот, чтобы выругаться, но секретарь уселся наконец за стол и, раскрыв толстую книгу, стал изучать записи, водя по ним пальцем. На одной секретарь задержался. Прочел, шевеля губами, покачал головой, снова принялся читать.

— Что с тобой, Авксенти, не по-грузински, что ли, там написано? — спросил Сачино.

— Не думал, не думал я, что тебе уже столько лет, — сказал наконец Авксенти.— Молодец, хорошо выглядишь для таких лет! Тебе скоро семьдесят пять будет.

— Да что ты говоришь?..

Авксенти взялся за очки и соболезнующе улыбнулся.

— Удивляться тебе нечего. Сам должен знать...

— Как не удивляться! До семидесяти пяти мне еще лет семь надо прожить.

— Я и говорю, мне самому так казалось.

— Опять ты со своим «казалось»! Я помню свой день рождения, как вижу сегодняшний. Я и Андрия Пиртахия родились в один день. В том году была такая засуха, что яйца испекались на солнце... Так рассказывали.

— Не знаю, когда была засуха, понятия не имею, когда родился Андрия Пиртахия, но твой год рождения — одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмой.

— Мне лучше знать, когда я родился... Пьяница напутал! Зосимэ Кордзахия, наш поп,— сказал Сачино и отвернулся, чтобы не смотреть в глаза секретарю.

Авксенти пожал плечами.

— Все понятно, по-моему... Дорогой мой Сачино, я не дам фальшивой справки не только тебе, но и родному отцу.— Уже более мягко секретарь прибавил: — Если я был бы уверен, что хочешь уменьшить годы ради Аграфины, то так и быть...

Сачино позеленел от обиды.

— Извини, дорогой, но мне нечего молодиться даже из-за Аграфины. За меня в прошлом году сватали сорокалетнюю женщину! И я глазом не моргнул — выпроводил сваху.

— Если так, получишь справку истинную.

— Я думал, ты человек...

— Я человек в частных делах,— важно сказал Авксенти и встал, показывая, что разговор окончен.

Сачино шел, сам не зная куда. Неужели насильно загонят в этот дом? А если он не хочет?..

С трудом передвигая ноги, старик шел по улице, никого не видя и не слыша.

Ночью Сачино не смог заснуть, а утром встал и твердым шагом направился в парикмахерскую. Впервые за пятьдесят лет к его длинной бороде прикоснулись ножницы.

— Волосы тоже подстриги. И покороче,— сказал он парикмахеру.

Дома он торопливо переоделся и сразу помолодел.

Повстречавшийся Кинтирия даже не узнал его. Легкая походка, развернутые плечи, новая одежда...

— Это ты, Сачино? Ничего не понимаю...

— А что такое? — будто не замечая изумления Кинтирия, ответил старик, поправив пояс.— К чему одежде валяться в сундуке? Моль поест...

— Бороду тебе тоже моль объела?

— Давно собирался подстричься. Сегодня только раскачался. Немножко перестарался Харитон, но разве я не выгляжу лучше?

— Если говорить о красоте, то... Хорошая одежда и быка украсит, не то что человека!..

Кинтирия сам не знал, что говорит. Он не мог оторвать глаз от Сачино, так тот лихо сдвинул шапку на затылок.

Драгоценна мельчайшая крупица надежды! Где-то в глубине души Сачино все-таки не поверил Кинтирия и, подумав, решил посоветоваться с другом своей юности Ипполитом Пиртахия.

Ипполит был годом старше Сачино, в колхозе уже не работал и сидел дома. Он постоянно возился в саду и на огороде, что-то чинил, что-то латал.

— Без работы заржавеешь,— говорил он.

Ипполит мог что-нибудь услышать и, конечно, ничего не скроет от друга.

— У меня секретное дело,— сумрачно сказал Сачино, придя к Ипполиту.— Пойдем в дом. Запри дверь, чтобы никто не вошел.

И он подробно передал Ипполиту рассказ Кинтирия.

Ипполит задумался, потер виски пальцами.

— От Кабана всего можно ждать. Знаешь, что я тебе скажу, Сачино... Мы, старики, должны сговориться. Пусть себе Кабан пашет, мы его вспашку забороним.

После разговора с Ипполитом Сачино поспешил в колхозный сад, к Гиго Кордзахия.

Гиго лежал в тени, под навесом. Это рассердило Сачино: ему хотелось видеть всех стариков работающими.

— Ты, случаем, не заболел?

— С-с чего ты в-взял, что я з-заболел? — Гиго поднялся и сел на корточки. Он слегка заикался.

— Разве сейчас время валяться без дела! Работать надо, вон в саду сколько дела.

— Ч-чего с-стараться? Н-нам теперь и нужно т-только т-три д-доски и т-три а-аршина земли... На ку-усок хлеба х-хватает. И в-внукам еще о-оставлю. Все у-у меня есть!

Сачино все рассказал и Гиго.

— Х-хитрый К-кондрат! — воскликнул Гиго.— Но мы ему с-сломаем к-кости. Н-не хочу я уходить от вн-нуков.

Через несколько дней все старики узнали о замысле Кондрата. Людей старше семидесяти лет нашлось больше двадцати, но никто не одобрил затеи председателя. Остальные, как говорится, подбросили кверху камень и подставили под него голову. Они и слышать не хотели о доме для престарелых и сговорились сообща действовать против председателя.

Колхозники ахнули: ни с того ни с сего старики вдруг помолодели, сбрили бороды, приоделись. Старушки покрасили волосы, и некоторые даже напудрились. И все до одного работали усердно на полях.

Особенно были удивлены парикмахер Харитон и секретарь сельсовета. У первого прибавился заработок, ко второму старики то и дело заходили побеседовать о метриках.

Кабан перепугался, стал допытываться у Антимоза и инженера, не выдали ли они его. Оба поклялись, что молчали, как рыба.

Старики возвращались в свои бригады и звенья. Кондрат ласково уговаривал их:

— Ну, для чего вам работать? Чего вам не хватает? Рабочих рук в колхозе достаточно, обойдемся без вас. Сидите дома! Знаете, что скажут про нас в районе? Колхоз «Цискари» не справляется, дряхлых стариков заставляет работать.

— Дряхлых стариков?! — возражали ему.— Кто тебе сказал, что мы одряхлели? И с чего ты решил, что в районе будут смеяться? Да нас хоть пополам распили — каждая половина норму молодого выполнит!

И действительно, старики работали так, что молодые колхозники с трудом могли угнаться за ними.

Кондрат ходил на участки. Когда какой-либо старик взмахивал мотыгой, Кондрату казалось, что удар нацелен в его сердце. Если старик опрыскивал виноградник купоросом, председателю чудилось, что ядовитая жидкость вливается в его душу. Шли дни, и старики работали все лучше и лучше. Те, кто болел раньше, перестали жаловаться на недуги. Проходя мимо строящегося дома, старики останавливались, судили да рядили о том, каким получится дом. Ипполит и Сачино заглянули к председателю и от имени стариков сказали, что они одобряют строительство детских яслей, спросили, не нужно ли помочь плотникам.

Кондрат сделал вид, что обрадовался.

— Молодцы! Доброе дело затеяли. Мы торопимся. Ведь столько женщин не выходят на работу!

Ипполит и Сачино ушли от председателя посмеиваясь.

— Вот хитрец! Хочет, чтобы мы помогали ему строить для себя монастырь! — сказал Ипполит.— Пойдем к председателю сельсовета и все ему расскажем.

— Бро-ось! — ответил Сачино.— У председателя сельсовета своего ничего нет в голове. Если Кабан крикнет, председатель отзовется, как эхо. Лучше поедем в райком.

Кондрат места себе не находил. Он чуял, что старики о чем-то договариваются. С чего бы они снова начали выходить на работу? Не хотят спокойной жизни? Привыкли к труду? Надо их отучить. Покойный дед долго не соглашался снять каламани из свиной кожи и надеть фабричные туфли. А потом решился, и они ему понравились.

Кондрат лег спать и во сне увидел все то,

к чему стремился. Он сделал еще несколько шагов по лестнице вверх. Дом для престарелых построили. У кабинета председателя длинная очередь. Старики ссорятся, кто первый попадет в райское место. Получив разрешение Кондрата, они сломя голову бегут занять лучшую комнату. Дом — не дом, а дворец! Комнаты, как фойе в театре, мебель стильная! Кровати — сказка! Ковры — в глазах рябит! Всюду картины, картины!.. Столовая лучше гостиной, гостиная лучше читальни, читальня лучше спортзала, спортзал лучше столовой!.. Весть о создании колхозного дома для престарелых облетает Грузию. В газетах статьи. В статьях имя председателя. «Прославленный Кондрат Пиртахия снова поразил всех», «Замечательное начинание!», «Старики благодарят председателя!» На первых страницах газет — фотопортреты Кондрата! Корреспонденты ходят за ним толпой. Его переводят в район. Но он отказывается: не может оставить родной колхоз, еще столько дел... Он знает себе цену. Ему говорят: «Вам место в министерстве...»

Кондрат поворачивается во сне на другой бок. Что такое? Ночь. В доме для престарелых темно. Старики не спят. Слышна какая-то суета. По коридору идет на цыпочках Сачино. Он крадется к двери. Ипполит спустил из окна второго этажа веревочную лестницу. Кто-то прыгает с балкона. Другой спускается по водосточной трубе. Женщины связывают из простынь веревку. Старики лезут через забор.

— Куда? С ума сошли?! Назад! — кричит Кондрат.

И просыпается...

Рассветает. Слава богу, то был сон! Кондрат вздыхает. Странный сон, такой приятный вначале и такой плохой в конце. Что же сбудется?..

Кондрат не очень верил в приметы, но тут не выдержал. В одном белье он выскочил на балкон и громко спросил:

— Что же сбудется?

Деревня спала. Тихий, недвижный рассвет таинственно заглянул в его душу. Кондрат вышел во двор, разделся по пояс и стал умываться. Побрызгал холодной водой на плечи и грудь, похлопал себя по животу, успокоился, не вытираясь, натянул рубаху.

Кондрат не шел, а летел по улице. Надо ускорить строительство. Нельзя больше тянуть. Кругом тысячи глаз, тысячи ушей...

На строительстве не было ни души. Сторож пожал плечами.

— Еще и птицы не проснулись.

— Птицы! — разозлился Кондрат. — Людям нечего жить по птичьему разуму!

Он обошел мастеров, разбудил их и поспешил в правление колхоза. У крыльца ему встретился Кинтирия. Тьфу, пропасть! Встреча с Кинтирия была всегда для Кондрата плохой приметой.

— Хороший дом строят! — хихикнув, сказал Кинтирия.— Такого у нас еще не было!

«Пронюхал он, что ли? — подумал Кондрат. — Вот поросячий сын!»

В конторе никого не было. Кондрат, всегда носивший ключ в кармане, вошел в кабинет и поморщился: остро пахло свежей краской. Открыв окно, сел за стол и задумался...

Раздался звонок. Кто мог звонить ему в такую рань?

— Алло! Кто? Нателла? Что, милая?

Его вызывал секретарь райкома. Вот он, сон проклятый!

После того, как первым секретарем райкома избрали Вардена Чачанидзе, словно капелька яда проникла в кровь Кабана. Он почувствовал, что Варден ему не доверяет. Как ни старался Кабан заслужить расположение первого секретаря, ничего не получалось. Он и так изворачивался и эдак — посмотри, мол, внимательнее, нутро у меня чистое,— Варден все глядит недоверчиво, испытующе.

Когда Кондрат входил к секретарю райкома, он напоминал кого угодно, но только не Кабана. Выступавшая вперед челюсть подбиралась, живот втягивался, шея удлинялась, шаги становились легкими, только глаза невозможно было остановить: они продолжали бегать.

Казалось бы, не с чего бегать глазам Кабана! Работает он, не щадя сил, колхоз перевыполняет планы, колхозники довольны...

В десять часов Кондрат был в райкоме. В приемной сидело уже несколько человек, но Нателла, увидев Пиртахия, открыла своим ключом дверь в кабинет секретаря.

Посетители посмотрели на него. Что они так косо смотрят?

Кондрат вошел к секретарю, словно бросаясь в ледяную реку.

Секретарь поднял голову, кивнул и снова уткнулся в бумаги. Он писал что-то.

Секретарь говорил по телефону, потом снова что-то писал, ни разу не посмотрев на Кондрата. Наконец он отложил бумаги, закурил, встал и прошелся по комнате.

— Садись,— сказал он.

И сел напротив Кондрата.

— Сколько женщин не выходят на сбор чая?

— Двадцать.

— Ты, кажется, детские ясли строишь?

Секретарь явно все знал. Надо было срочно признаваться.

— Я строю дом для стариков... тех, которым за семьдесят. Работать они уже не могут...

— Кто тебя просил?

— Это моя инициатива.

Кабан вытирал с лица обильный пот.

— Обожди. Мы плохо понимаем друг друга. Колхозу нужны детские ясли?

— Ага.

— А ты строишь дом для престарелых?

— Да. Для стариков... у которых.... никого нет...

— И много у тебя таких?

— Не считал, товарищ Варден.

— А спрашивал, хотят ли они жить в таком доме?

— Нет... — Голос Кондрата сорвался, он хотел еще что-то сказать, но вместо этого пискнул.

— Правление это решило?

Кабан покачал головой.

— Сам...

— Почему?

Кабан молчал.

— Хочешь, объясню, почему? — спросил секретарь.

Кондрат утвердительно мотнул головой.

— Отличиться хотел. Боялся, что другие опередят. Так?

— Угу.

Секретарь смотрел на него, прищурившись.

— Нужно думать о деле, а не о славе...

Кондрат слушал секретаря и понемногу успокаивался. Кажется, его не снимут. Еще не все потеряно... Ему казалось, что он утопает в поту.

Словно издали донесся голос секретаря:

— Нужен ли дом для престарелых?

— Нет, не нужен!

— Ты только что говорил, что необходим.

— Учимся на ошибках! — рявкнул Кабан.

— Послезавтра созови общее собрание. Приеду — поговорим. Познакомлюсь с твоими делами получше...

Кабан с трудом поднялся. Он уже не был похож на Кабана. Он напоминал пустой бурдюк. Забыв попрощаться с секретарем, он вышел из кабинета, миновал приемную, не улыбнувшись, как обычно, Нателле, и очнулся лишь тогда, когда стал спускаться по лестнице.

Одна ступенька, другая, все ниже и ниже... Когда Кондрат въезжал в деревню, на дорогу выбежал Кинтирия. Раздался скрежет тормозов. Прохожие испуганно оглянулись. Председатель колхоза сидел за рулем, словно окаменев. Кинтирия перескочил через канаву и скрылся в кукурузе. Опять плохая примета!

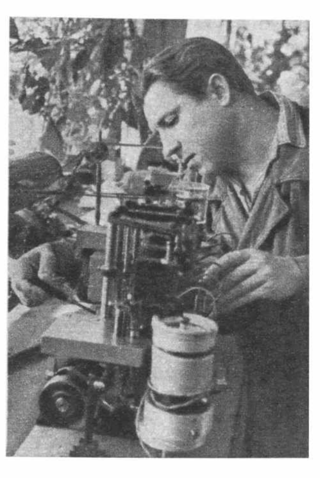
Кондрат долго не мог прийти в себя. Он снова слышал ровный, спокойный голос: «Приеду — поговорим... Познакомлюсь с твоими делами получше...» Нехорошо, очень нехорошо!

Что, если на собрании вскроется, как выполняют планы? Антимоз проклятый может первым выступить против него... Он вечно ворчал, попрекал Кабана чайным листом, скупленным у отстающих колхозов. Неужели этот идиотский дом престарелых станет капканом для него?.. Сам дом — пустяк, а вот выполнение планов — это ахиллесова пята!..

Ничего, Кабан не таков, чтобы сдаваться сразу. Видно, не той лестницей он поднимался, нужно поискать себе другую... «Ничего... На ошибках учимся, товарищ Варден...»

Перевел с грузинского
М. ЛОХВИЦКИЙ.

Малютка без нянек

Двойной ролик — это маленькая деталь часов. Совсем кроха, а хлопот доставляет массу. На Первом московском часовом заводе капризную кроху обрабатывают шесть работниц на шести различных станках.

Наладчик ходового цеха Н. Я. Кондрашев решил, что шесть нянек для малютки — слишком большая роскошь. Немало ночей думал изобретатель над своей идеей, экспериментировал, проверял, уточнял, наконец макет умной машины был готов. Нужно раскрыть один секрет: Николай Кондрашев не оканчивал института, за его плечами семь классов школы и работа на заводе. И поэтому самым интересным было то, что наладчик Кондрашев сделал макет без единого чертежа и от первого до последнего винтика своими руками.

Специальная смотровая комиссия изучила изобретение и сказала «добро». Кондрашеву поручили создать для производства уже не макет, а настоящую поточную линию. Вместе со своими товарищами по цеху — механиком М. Г. Борисовым, токарем С. З. Сенько, слесарями С. И. Назаровым, Г. П. Тулисовым и А. С. Бондаревым — около трех месяцев трудился Н. Я. Кондрашев над ее изготовлением.

И вот начались испытания поточной линии. Механическая рука, раскрыв на мгновение пальцы, захватила из вибробункера заготовку и понесла ее на специальную подставку для первой операции. Операция закончена, и уже другая рука передает деталь на другую подставку. И так шесть раз, пока заготовка не превратится в двойной ролик.

Так двойной ролик стал самостоятельным. Няньки ему больше не нужны.

Что же даст производству новая поточная линия? Прежде всего она заменит шесть работниц и, значит, освободит шесть станков. А кроме того, сэкономит за год 4 500 рублей.

Николай Кондрашев доволен: первый блин — и не комом. А очень даже здорово. Теперь можно взяться кое за что посложнее.

— Поточная линия — мой маленький подарок съезду партии,— говорит Николай Кондрашев.— В проекте Программы КПСС хорошо сказано об автоматизации. Это государственная задача. И моя тоже. И задача, и увлечение, и страсть.

Юр. БЕЙЛЬКИН
Фото Г. Санько.

После выступления «Огонька»

«У ВОДЫ И БЕЗ ВОДЫ»

В № 28 журнала был опубликован репортаж наших специальных корреспондентов из Калинина, Саратова и Астрахани, в котором подвергалась критике организация воскресного отдыха трудящихся в этих городах, говорилось о плохом состоянии пляжей на Волге.

Председатели исполкомов горсоветов Калинина и Саратова — товарищи В. Соловьев и А. Гаврилов — сообщили редакции, что репортаж обсуждался на заседаниях исполкомов и что критика признана правильной.

В Калинине на 1962 год предусматриваются средства для расширения и благоустройства мест отдыха.

Исполком Саратовского горсовета принял ряд мер с целью улучшить обслуживание трудящихся в местах отдыха, создать хорошие пляжи.

Выступление журнала обсуждалось на президиуме Астраханского областного совета профессиональных союзов. И здесь приняты меры. В частности, наведен порядок на городском пляже, в купальне, в Яксатовской базе отдыха.

Лето прошло. Но в будущем году оно снова придет, и хочется надеяться, что тогда волжские — да и не только волжские — города встретят его хорошими пляжами, купальнями, благоустроенными базами отдыха.

РОДИНЕ, ПАРТИИ, КОММУНИЗМУ

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

ПАРТБИЛЕТ

Я коммунистом ушел на войну,
И партбилет был повсюду со мною:
На окровавленном тихом Дону,
Где надломилась вербà над водою.
В Камыш-Бурунском порту
И в Керчи
Я под рукой теплоту его чувствовал.
Рыскал прожектор в тревожной ночи,
Слушая гул самолета нерусского.
Всюду со мною был мой партбилет,
Выданный ленинским нашим райкомом:
И в ослепительных вспышках ракет
Над разбомбленным аэродромом,
И в невеселой засаде ночной,
И под стремительным огненным ливнем.
С ним без оглядки бросался я в бой,
Веря, что он меня сделает сильным.
Много прошло удивительных лет,
Грозных и мирной листвой шелестящих.
Крепко держу я в руках партбилет,
Компас мой верный и вечное счастье.

Я — КОММУНИСТ

Неумолим и беспощаден
Двух лагерей, двух классов бой.
И я стою на баррикаде
Под перестрелкой огневой.
Меня враги на мушку ловят
И в грудь мне целятся сто крат.
Моей горячей красной крови
Они давно уже хотят.
Я — коммунист. А это значит
Боец, поборник правды я.
Перекроить, переиначить
Решил основы бытия.
Сломать законы те, что долго
Нас мучали из века в век,
Чтоб не был человеку волком—
Стал другом, братом человек.
И я чутьем гиганта-класса
Решил, что делать надлежит.
То пепел русского Клааса
Мне в сердце издавна стучит.
Как подобает коммунисту,
Из всех дорог я выбрал ту,
Что и трудна и камениста,
Но с той дороги не сойду.
Пусть нелегко в пути порою,
Но радостно идти вперед,
Дружить с такою высотою,
Где сердце молодо поет.
На жизни мелкие удобства
Не променяю я вовек
И поиски, и беспокойство,
И свой полет, и свой разбег.
Наш мир расколот на две части.
И в сокрушительной борьбе
Не для себя ищу я счастья
И думаю не о себе.
Горю, чтоб больше стало света
И меньше горя и обид.
Я — коммунист. Как гордо это,
Непобедимо как звучит!

У КАРТИН ПЛОТНИКА НЕСЫТОВА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

«...Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
Попишет
стихи...»

В. Маяковский.

Творчество! По старым представлениям, оно удел избранных. Сидит в мастерской или в поэтической мансарде художник и творит. В глазах его — жар, а на челе — печать небожителя. Художник даже по своим внешним признакам вроде бы должен отличаться от обыкновенных смертных. Кто же осмелится, помимо художника, носить бархатный берет и широкую блузу, испачканную красками — следы вдохновения! Идет он по улице, и все знают: это художник!

И в Лондоне, и в Париже, и в других городах Запада бедняки-художники елозят по тротуарам, рисуют на асфальте цветными мелками портреты и автопортреты, натюрморты и морские прибои — надо заработать несколько шиллингов; вдохновение вдохновением, а желудок требует обыкновенной человеческой пищи. Если уж очень повезет и удастся войти в касту избранных, то, откинув стыд и срам, можно пуститься во все тяжкие абстракционизма — и тогда малюй, что хочешь, играй красками в любом, самом диком и противоестественном сочетании — найдутся джентльмены с толстым кошельком, которые разиня рот будут восхищаться тем, что и понять непостижимо, и полновесным долларом оплачивать такого вида «вдохновение».

Если же ты не можешь быть бесчестным, если считаешь, что твое искусство призвано чему-то учить, куда-то звать, что-то сеять и взращивать,— ты не нужен всесильным джентльменам с толстыми кошельками.

Нелепей всего, что и у нас порой находятся незрелые молодые люди нарочито претенциозного вида, которые, весьма учено изъясняясь у каких-либо новинок, доставленных с Запада, рассыпаются в восторгах перед картинами, изображающими туманное нечто, ища смысла там, где его не может быть, и входя в конфликт с нормальным человеческим разумом.

На той выставке, о которой идет речь, таких молодых людей я не видел. Они обегали стороной самое здание манежа, где находилась выставка, брезгливо фыркая от одного только названия ее: работы самодеятельных художников. Какие же, мол, это художники, если они, рисуя картины, вместе с тем добывают уголь, варят сталь, пекут хлеб, складывают печи, куют железо,— все это дела, хоть и необходимейшие, но... прозаические. А уж коль скоро ты стал художником, оставь станок, чертеж, конторский стол и отдайся безоглядно кисти и краскам!

Но авторы картин и скульптур, представленных на выставке, не оставили своего обычного труда, ибо обыкновенный труд для них и есть источник вдохновения, жизнь без него немыслима. Но, занятые производством материальных ценностей, они создают и духовные ценности, радуя этим свое сердце и сердца других людей. Конечно, когда такой художник идет по улице рабочего поселка, то ему не говорят вслед: «Художник прошел!» — а говорят: «Прошел слесарь Петр».

На Всесоюзной выставке работ самодеятельных художников я видел немало иностранных гостей, которые с неподдельным и искренним изумлением рассматривали выставленные экспонаты, занося свои впечатления в блокноты. Впрочем, на лицах некоторых гостей я наблюдал хитроватую усмешку, явственно обозначавшую мысль, что все это, наверно, пропаганда, что хитрые коммунисты, желая пустить пыль в глаза, снабдили художников такими чертами биографии, какие им в действительности несвойственны: садовод, штукатур, пожарник, маляр, милиционер, кузнец, плотник,— маскарад с переодеванием, да и только!

Но ведь эти биографии — истинная правда! И это — одно из великих наших чудес, тех чудес, к которым мы, советские люди, вполне привыкли и которые вовсе невозможно представить иностранцу, не знающему советского образа жизни.

В течение двух последних лет в Советском Союзе происходил смотр изобразительной самодеятельности; за это время было открыто 5 500 выставок; их посетило более 17 миллионов зрителей. На Всесоюзной выставке в Москве 2 526 авторов показали 5 315 произведений, отобранных с местных выставок... Каков размах и масштаб!

Вдумаемся, что это значит. Десятки тысяч людей после работы, после напряженного трудового дня идут в клубы, в студии, берутся за кисть, за карандаши, за краски — простые люди труда. Их деды после работы шли в церковь или в кабак: больше некуда было идти. Рисовать? Да это барская потеха; мужику или мастеровому человеку и браться за это негоже! Конечно, и раньше сквозь неслыханную толщу преград пробивались Аргуновы и Репины, но сколько других, никому не ведомых Аргуновых и Репиных сгинули в безвестности, залив свою несчастную жизнь кабацкой сивухой!

В глухих суздальских, костромских, вологодских и нижегородских деревнях по темным курным избам работали волшебные мастера красочной росписи, чудодеи резьбы по дереву и металлу, несравненные кружевницы и вышивальщицы, но это был промысел, труд за медный грош для прокорма.

Нынешний самодеятельный художник работает по влечению души — он идет в клубную студию, не питая надежд, что непременно станет новым Репиным. Он рисует, как может, в меру своих способностей. Но каждый знает, что если в нем есть хоть малая искра таланта, то она не пропадет даром: человеку помогут стать на ноги и обрести творческую силу.

У одной из картин, представленных на выставке, я остановился надолго. Она изображала поле, по которому ветер гонит волны зрелых хлебов. Только что прошел дождь, сизые тучи скопились у горизонта, и радуга легла на них многоцветным обручем. Еще гуляет ветер и клонит долу ветки дальних деревьев, но закатное солнце вот-вот брызнет своими лучами, и тогда станет тихо, светло и радостно. Картину эту рисовал 28-летний плотник из Мордовии А. Несытов. Я совсем не знаю художника, но картина его рождает теплые, нежные чувствования. Вероятно, такие же чувства были и у самого автора, когда он рисовал свою поэтическую картину. Знатоки могут сказать: у Дубовского лучше! Да, конечно, лучше, но не в этом дело.

Несытов! Видать по одной фамилии, что вышел он из рода неважнецкого, известного даже в несытой мордовской деревне своей скудостью, раз уж дали этому роду такое прозвище.

Не знаю, какой жизненный путь изберет А. Несытов — может быть, станет профессиональным художником, может быть, инженером, учителем, а может, так и останется плотником,— всякий труд у нас на радость человеку! Важно, что никаких нет преград у плотника Несытова — «твори, выдумывай, пробуй...».

Профессиональные критики отмечают, что нынешняя выставка работ самодеятельных художников превосходит предыдущую выставку — 1954 года — по качеству представленных картин, рисунков, скульптур. Это, конечно, важно, но важней другое —движение, поток, все возрастающее количество людей, увлеченных искусством, отдающих ему свои душевные порывы, свой досуг, ищущих радость творчества и находящих эту радость.

В прославленной изостудии Дворца культуры Челябинского тракторного завода занимаются несколько сот рабочих, инженеров, служащих. Из них 50 человек поступили в средние и высшие художественные учебные заведения, а десять стали профессиональными художниками. Только десять? Могло быть и пять и два — от этого значение изостудии ни в коей мере не уменьшилось бы! Важно то, что люди, взявшие в руки кисть художника или резец скульптора, уже тем самым создали для себя жизнь, полную высших интересов. Какой-нибудь молодой парнишка, ученик токаря или слесаря, усевшись за мольберт и горячо увлекшись живописным искусством, не побежит с приятелями в «забегаловку» обмыть получку, не будет бесцельно гранить мостовые, не учинит озорства: он занят радостным делом, нужным и ему самому и другим. Может быть, из него не выйдет Коровин или Коненков, но хороший человек выйдет наверняка!

Когда ходишь по выставке, видишь нашу жизнь во всей ее многогранности. Самодеятельных художников никак не упрекнешь в отрыве от жизни, от современности, ибо они сами участники и творцы жизни. Некоторые из них, например, подмосковный садовод И. Змеев, любят темы исторические. Пусть! Любовь к своему Отечеству сказывается и в любви к родной истории.

Не хочется, описывая выставку, прибегать к набившим оскомину искусствоведческим терминам — таким, как «лепка», «пластика», «фактура», «композиция», и прочим.— терминам, малодоступным неискушенному уму. Общее же впечатление таково, что невольно испытываешь желание воскликнуть: черт возьми, до чего же талантлив наш советский народ! Всюду талантлив — от Балтики до Тихого океана!.. На выставке были представлены самодеятельные художники Латвии и Литвы, Грузии и Узбекистана, Украины и Белоруссии, Киргизии и Армении, гигантской России и малой Эстонии. Значит, таков уж живительный воздух нашей социалистической Родины, что под солнцем ее растут, как на дрожжах, способности и таланты людей, всегда имеющих возможность удовлетворять тягу к искусству, знаниям, творчеству.

Искусство у нас поистине источник радости и вдохновения для миллионов!

Вот такие чувства возникли у меня на выставке самодеятельных художников у картин плотника Несытова и его товарищей, таких же, как он, простых людей, живущих во всех краях советской земли.

Ник. КРУЖКОВ

Ю. Данилов — конструктор (г. Челябинск).

ОКЕАН ПОБЕЖДЕН.

А. Несытов — плотник (Мордовская АССР). ДОЖДЬ.

А. Полуминский (Ростов-на-Дону). ВЕЧЕР НА ДОНУ.

А. СОФРОНОВ

Путешествие с месье Тома

Тараскон без Тартарена

Марсель остался позади. Месье Тома снова ожил на хороших, не сильно загруженных дорогах Прованса. Тому, что дороги Прованса не очень забиты транспортом, есть свое объяснение. Крестьяне бегут из этих мест. Летом сухой, обжигающий ветер, уничтожающий посевы, зимой жестокие — и тоже с ветром — морозы. С климатом в прежние годы боролись по-своему. На полях стоят старые, похожие на крепости дома. Летом в них прохладно, зимой можно обогреться. Но и прочные дома — плохое укрытие от экономических бедствий. Существует Прованс орошаемый и неорошаемый. Проблема орошения здесь решается, можно сказать, веками. В XVII веке начались первые оросительные работы, но до сих пор Прованс как бы разделен на две половины. Мы видели оливковые деревья, умерщвленные морозом зимы 1956 года. Сухие, потрескавшиеся поля, на которых на равном расстоянии друг от друга лежали острые камни.

— Говорят, что в годы войны немцы заставили французских крестьян выложить камни из-за боязни приземления самолетов антигитлеровской коалиции,— сказала мадам Педак.— Так они и остались... Народ на юге ленивый, слишком много солнца.

Да, солнца было много. Синее бездонное небо. Бурые поля. Низкий пропыленный кустарник. Где-то слева закачался голубой мираж, в центр которого вонзались белые трубы заводов.

— Соленое озеро Бер. Около него крупные нефтеочистительные заводы. Там есть и ваша нефть.

Так мы проехали неорошаемый Прованс и оказались в орошаемом. Здесь была жизнь. Зеленели поля. Возле каналов склонялись к воде ивы. В полдень мы оказались в городке Арль. Городок был небольшой, но с длинной историей. В 46 году до нашей эры здесь находился штаб Юлия Цезаря, о чем вещали рекламные объявления: «Остановись, прохожий...» Здесь до сих пор сохранился древний римский цирк. Ежегодно происходит знаменитая коррида — бой быков. На центральной, пятнистой, как ягуар, от платановых деревьев улице висели многометровые объявления, деловито сообщавшие о том, сколько будет убито на очередной корриде быков. В сувенирных лавочках продавали медные фигурки быков с костяными рогами. Мадам Педак, не первый раз сопровождавшая советских туристов, вспомнила:

— Ах, у вас такие остроумные люди! Представьте себе, на вопрос хозяйки отеля, бывают ли в России родео, один из ваших людей ответил: «Бывают». Тогда она спросила: «Как выглядят русские тореро?» Турист не растерялся, достал из кармана открытку с изображением трех богатырей Васнецова и сказал: «Вот они». «А не мешают ли им бороды сражаться с быками?» «Перед родео они бреются». Хозяйка была в восторге.

За Арлем автобус помчался вдоль рисовых полей. На дороге промелькнул дорожный указатель: «На Тараскон». Так вот, оказывается, где родился незабываемый образ Тартарена из Тараскона, беззлобного лжеца и искателя приключений! Но как он устарел, этот милый Тартарен, охотник за африканскими львами! Смешным и странным кажется гнев тарасконцев, в свое время обидевшихся на Альфонса Доде и запретивших ему въезд в Тараскон. Что же делать с современными тартаренами, отравляющими международную атмосферу лживыми небылицами и злобными инсинуациями? Как бы отнеслись древние тарасконцы, например, к мистеру Картье, одному из директоров журнала «Пари матч», два месяца путешествовавшему по Советскому Союзу и напечатавшему на страницах своего журнала серию клеветнических статей о стране, оказавшей этому шустрому «журналисту» гостеприимство. Если следовать старой традиции тарасконцев, то для мистера Картье вряд ли нашлось бы убежище где-либо на земном шаре, не считая глухих стен Пентагона или современного боннского городища.

Об этом думалось, когда наш автобус, пугая одуревших от зноя собак, мчался по пыльным улицам Тараскона. Вывелись в современной буржуазной печати этакие симпатичные тартарены, уступив место всяческого рода писакам, пытающимся грязными перьями хоть на какое-то мгновение отсрочить грозный час окончательного крушения старого мира. В одном ряду оказались финансовые и военные воротилы и проданные-перепроданные трубадуры и трубадурчики, подобные вертлявому мистеру (тут оговорки нет — мистеру, а не месье) Картье.

К счастью, миллионы людей во Франции плюют на подобную брехню и, не будучи по образованию историками, отлично помнят и сам предмет истории и отношения между нашими народами.

...Так и пронесся мимо наших глаз Тараскон — родина незабвенного Тартарена.

Там, где не останавливаются туристы

В старом городе Валансе, расположившемся на зеленом берегу Роны, мы переночевали в тихой гостинице «Гранд-отель». Накануне был большой дорожный день, наполненный сменой впечатлений. Нам удалось в Авиньоне, хотя и недолго, посмотреть праздник реки Роны. У старых крепостных стен, словно сойдя со страниц учебника истории, стояла и наполеоновская гвардия, и пастушки в деревянных башмаках, пестрых юбках и белых капюшонах, и ребятишки в красных беретах, подпоясанные широкими красными поясами. На узких улицах Авиньона, где под жарким солнцем на подоконниках и веревках, перекинутых от дома к дому, жители сушили все предметы женского и мужского туалета, было шумно и весело.

В Оранже мы осмотрели полуразрушенный римский театр, построенный во II веке нашей эры. В театре и поныне устраиваются представления греческих трагедий.

Осмотрели Монтелимар—город нуги. Весь он словно охвачен медовым запахом. Реклама нуги всюду. Заправочная станция — нуга, шины — нуга, коктейли в баре — нуга. Но, пожалуй, рекорд изобретательности побили дантисты: «Ешьте нугу: она укрепляет челюсти». На площади города мужчины играли в распространенную во Франции игру — в железные шары,—чем-то отдаленно напоминающую игру в бабки, отчасти в кегли, и казалось, что и шары эти сделаны из нуги.

Перед нами появились бесконечные персиковые сады: у дорог стояли лотки и корзины с персиками. Возле них толпились туристы: здесь персики дешевые. Открылись трубы заводов. Голубое небо потемнело: мы въехали в район металлургических заводов. Промелькнул плакат: «Большой концерт. Русские танцы и хор». За ним появился другой плакат: «Праздник, посвященный Французской коммунистической партии».

Автобус медленно поднимался в гору. Мы втягивались в центральный горный массив Франции. В полдень мы оказались на безлюдной площади маленького городка.

Мадам Педак забеспокоилась:

— Если здесь не пообедаем — мы останемся голодными до вечера.

Мы вышли из автобуса. Около нас оказались ребятишки. Мадам Педак спросила:

— Если укажете, где можно прилично позавтракать, дам вам на мороженое.

— В ресторане «Спорт»! — ответили они хором.

На пороге ресторана стоял полноватый человек в белом переднике и высоком поварском колпаке.

— Мы можем у вас вкусно позавтракать? — спросила мадам Педак.

Человек в колпаке шепнул стоявшей с подносом женщине:

— Кажется, я пропал.

— У вас найдется хороший кусок мяса?

— Откуда я знаю?

— Но позавтракать у вас можно?

— Отсюда еще никто не уходил голодным.

— У вас прохладно?

— Я никогда об этом не думал.

Надо было принимать решение. Мы вошли в зал на десяток небольших столиков с одним большим посредине, который мы и заняли. Начался нелегкий процесс составления меню. Женщина в синем платье сокрушенно качала головой: помидоров нет, огурцов нет, еще чего-то нет. Русская речь смешивалась с французской. В маленьком зале стало шумно. Посетители с любопытством посматривали на нас. Неподалеку сидела пожилая пара: он сухой, подтянутый, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, она в старомодной шляпке, из-под которой выбивались седые локоны. Мужчина приветливо улыбнулся. Я сказал:

— Как сложно, оказывается, заказать обед в незнакомом городе!

— Только вначале сложно. Вы русские?

— Да.

— Я понимаю отдельные слова. У меня сын и невестка — педагоги. Изучают русский язык. Внучка тоже. Они недавно были в Москве, в туристской поездке.

Я достал значок, на котором был изображен Юрий Гагарин.

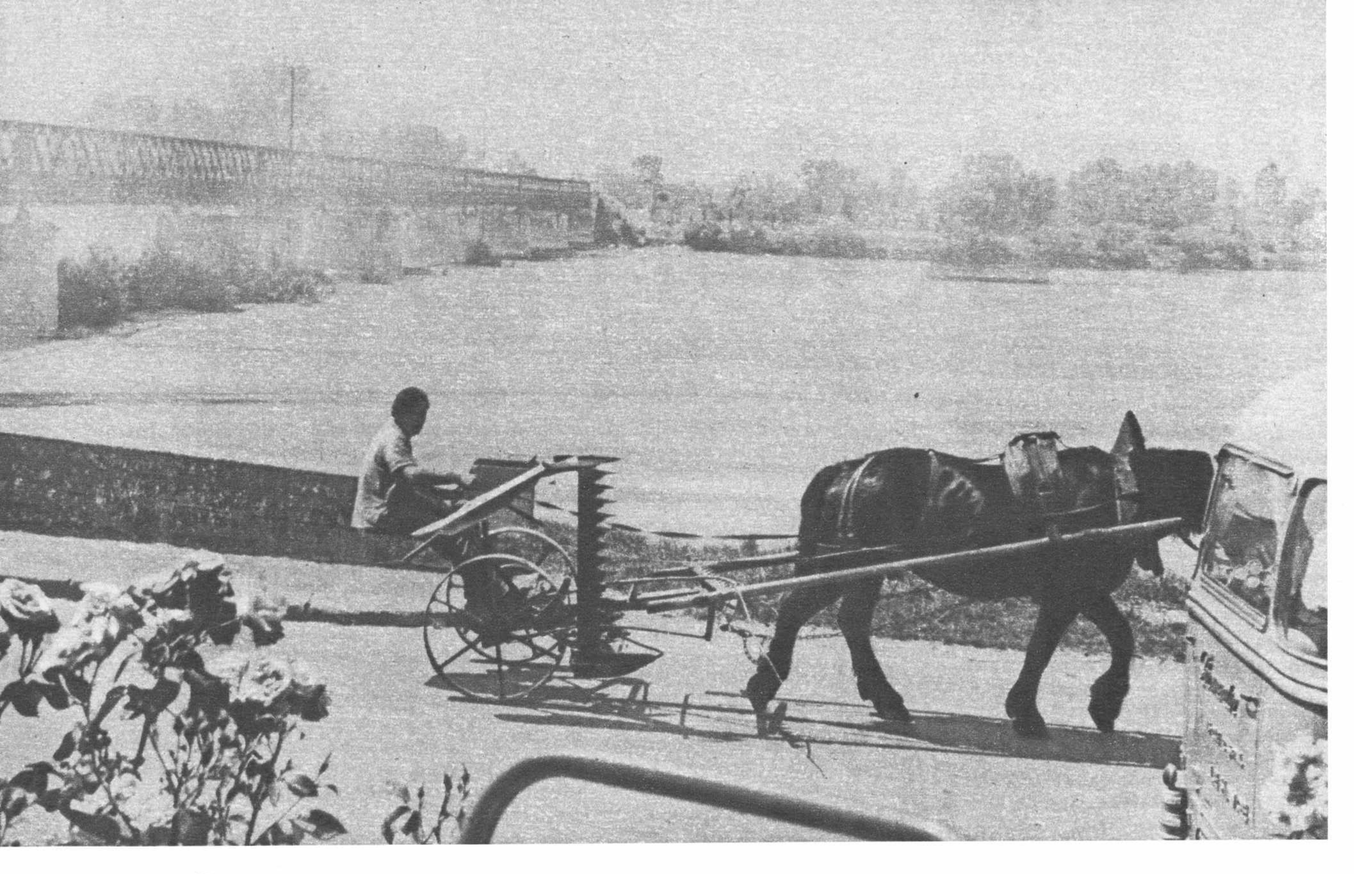
— Передайте вашей внучке.

— О, мерси! Может, вы измените маршрут? Поедемте к нам, в Сент-Этьенн. Я дамский портной. Мы с женой были бы рады видеть вас в своем доме.

— К сожалению, невозможно менять маршрут.

— Очень жаль, очень жаль.

Окончание. См. №№ 33, 35.

На берегу Луары.

В это время нам принесли еду. Моему собеседнику подали счет. Он передал его жене. А сам вытащил из кармана визитную карточку и начал быстро писать. Жена портного внимательно просмотрела счет и расплатилась. Портной подал мне визитную карточку и пожал руку. На визитной карточке было написано следующее:

Mr & Mme Michel AUBERT

11, Rue Jean-Jaurès FIRMINY (Loire)

«Месье и мадам Мишель Обер, Фирмини (Луара), ул. Жана Жореса, 11.

Очень счастливы встретиться с группой русских журналистов. Желаем вам счастливой поездки по нашей прекрасной стране.

Жалеем, что вы не можете любоваться долиной Верхней Луары, проезжая через Сент-Этьенн и Фирмини, промышленные и шахтерские города, очень радушно принимающие иностранцев и особенно русских.

Надеемся, что вы сохраните незабываемые воспоминания о всех районах Франции, где вы побывали, и о нас тоже.

Надеемся, что и мы, в свою очередь, сможем посетить вашу прекрасную страну».

Месье Братье.

Веселый человек в белом колпаке, месье Братье, был и поваром и хозяином ресторана. Молчаливая женщина в синем платье — Мадлен, его жена. Братье оказался возле нашего стола.

— Признайтесь, вы не поверили мне, что я смогу накормить вас.

— Почему же?..

— Да, да, не отказывайтесь!.. Я вам признаюсь, я и сам не был уверен. В эту пору у нас не всегда можно найти необходимые продукты. Но когда я узнал, что вы русские, я сказал: выкручусь. Мы все во Франции выкручиваемся... И выкрутился. В нашем городе туристы обычно не останавливаются. Как-то были англичане... Люди из Египта... Но русских не было. А мы любим русских. Мы любим Гагарина. Он самый главный чемпион.

Пора было ехать, но Братье не отпускал нас:

— Вот выпьете со мной рюмку коньяку, чашку кофе и тогда отправляйтесь на все четыре стороны.

Он вышел провожать нас на порог. Долго пожимал руки.

— Мы все читаем, нам все известно. Между русскими и французами должно быть все в порядке. Будет все в порядке. Мы не верим лжецам, что клевещут на вас в газетах.

Так он и остался в памяти, неиссякаемый оптимист, месье Братье, владелец маленького ресторана «Спорт», сам себе повар, сам себе метрдотель, чем-то напоминающий роллановского Кола Брюньона, только, пожалуй, несколько более обеспеченный.

Обеденный час уже прошел. На площади работали два человека, рассовывая жаркую асфальтовую массу лопатами. Мы подошли к ним, поздоровались. Один из них сказал:

— Я рад, что в нашем городе остановились русские. Я никогда их не забуду. Они освободили меня из фашистского концлагеря.

«В Виши все-таки надо заехать»

Я снова цитирую мадам Педак. К этому она добавила: «Как же не побывать в городе, в котором обычно находится резиденция французского правительства, когда оно в начале войны бежит из Парижа».

Возражений ни у кого не было. Виши так Виши. В этот день путешествие было каким-то особенно интересным. Мы ехали по узким асфальтовым дорогам, через небольшие перевалы. Видели неторопливую крестьянскую жизнь. Шла косовица. Кое-где в косилки были впряжены быки. Где-то автобус проскочил мимо женщин, в руках у которых были серпы. Все это мы встречали в районе Сен-Мартина, на горных возвышенностях. На одном из подъемов в радиаторе закипела вода. Месье Тома свернул в сторону.

— Отдохните, господа. Пусть остынет мотор.

Мы вышли из автобуса и оглянулись. На пологом склоне горы, метрах в пятидесяти от нас, стояла арба, на которой пожилой крестьянин вилами принимал сено от находившихся внизу мужчин и женщин. Мы подошли к ним. Поздоровались. Разговорились.

— Как урожай?

— Что урожай! Горная местность. Земля плохая.

— Как живете?

— Ничего живем.— Пожилой человек криво улыбнулся.—Налоги...

— Что налоги?

— Налоги хорошие.

— Для кого?

— Не для нас, конечно.

— Какие же налоги?

Втроем они начали подсчитывать, но запутались в высоких цифрах и бросили.

— Слышали о крестьянских волнениях в Бретани?

— Мы все волнуемся. Правительство считает, что во Франции восемьсот тысяч лишних крестьянских хозяйств. Значит, четыре, не меньше, миллиона людей... Вот, может, и мы лишние... Волнуемся: что будут делать с лишними? Потому и налоги... Мы платим больше, чем крупные землевладельцы.— Он неторопливо подгребал сено на арбе.

Собирался дождь. Месье Тома пришел за нами.

Автобус покатил под гору. Закатное солнце било по глазам. Мелькали деревья. Нас обогнала открытая легковая машина, за рулем ее сидела огненно-рыжая женщина. Месье Тома воскликнул:

— Мадемуазель спешит на рандеву! Все несчастья в мире от женщин!

— Но ведь вы женаты?

— От всех женщин, кроме моей жены.

Вот и Виши, тихий, причесанный, внешне добропорядочный.

— Здесь была резиденция маршала Петэна,— сказала мадам Педак, указывая на темневший среди густых деревьев особняк.

От одного только упоминания о Петэне пахнуло дурным запахом предательства. Померкли цветы на клумбах, и какофонией показались звуки симфонического оркестра, гремевшего в парке. Петэн — какое отвратительное слово, сколько он принес горя и позора Франции!

...Уже ночью мы мчались по темным пустынным дорогам к Неверу, где ожидал нас ночлег. Мадам Педак опять заволновалась:

— Вдруг на нашем пути появятся грабители? Вы знаете, как они делают? Ставят поперек дороги машину — и вы поднимаете руки!

Но мы были рады, что уехали из Виши, грабители нас не пугали. Чтобы подбодрить нашего железного штурмана месье Тома, целый день просидевшего у руля, мы пели наши песни и, как акыны, сочиняли новые:

Поем мы песни русские,
Поем уже давно,
А звездочки французские
На нас глядят в окно.

Так и влетели мы в полуночный, словно вымерший, город Невер и, проплутав изрядное время, остановились возле отеля. Щелкнул замок. На улицу вышел портье, за ним на тротуар выскочили две огромные овчарки.

— Это для защиты от грабителей,— сказала мадам Педак.— Не пугайтесь.

Вдова Пенсо

Утро сняло ночное оцепенение и дорожную усталость. Яркое солнце заливало тихую долину реки Луары, вдоль которой лежала наша дорога. Это был последний день нашего путешествия по Франции, и, каким бы оно ни было интересным и поучительным, тянуло домой, в Москву, под родную крышу. Лишь одна мадам Педак, пожалуй, немного грустила. Она очень любила путешествия.

— День без вина — все равно что день без солнца,— прочитала она вслух одну из дорожных рекламных надписей.— Я не могу допустить, чтобы вы не попробовали солнечного вина Пуйи. Из белых вин это — лучшее вино Франции. В Париже вы такого не попробуете.

Эти слова она произнесла в городке Пуйи, расположенном у Луары. Мы съехали с дороги и направились к реке. Автобус остановился возле небольшого домика, перед которым на крохотной песчаной площадке было врыто в землю несколько разноцветных

...и у памятника Жанне д'Арк.

зонтов с легкими деревянными столиками. Из дома вышла худенькая пожилая женщина в очках. Через несколько минут на столе стояли две бутылки Пуйи и ломтики козьего сыра.

— Вдова Пенсо,— представилась нам хозяйка домика и поздоровалась с проходившей по берегу молодой женщиной.— У нас гости из России, Лолита.

Лолита подошла к нам. В руках она держала удочки.

— Первый раз вижу русских,— сказала она, не скрывая любопытства.

— Вы рыбачка? — спросили мы.

— Нет, я помогаю мужу.

— Он рыбак?

— Железнодорожник. Раньше был слесарем, но мало зарабатывал, перешел на железную дорогу... Но все равно ловим рыбу на завтрак. Мне пора, а то меня муж ждет.— И она ушла, легкая, как тростиночка, что во множестве качались на берегу Луары.

Воздав должное Пуйи, мы вошли в маленькую прохладную контору мадам Пенсо. Я попросил ее рассказать о своей жизни.

— Ну какая моя жизнь! — воскликнула она.— Как может жить вдова! Одной надеждой, чтобы не было войны. Мы ее хорошо знаем. Муж воевал еще во время первой с немцами. О, она принесла страшное горе Франции! Нет, муж выжил во время первой войны. Но во время второй умер. Болел и умер. Война — это ужас. Здесь, где мы с вами сидим, ничего не было. Вы видите, рядом мост! Вместе с мостом здесь было все сметено. Мы все отсюда ушли... Все жители Пуйи до одного! Представьте, они бомбардировали нас в воскресенье! Люди шли в церковь... Ничего святого!.. Теперь я живу своими детьми: два сына и пять внуков. Мы знаем Россию. Знаем, что она сделала для Франции. Наши сердца с вами. Вы расскажите об этом у себя на родине всем. Представляете, в воскресенье — и бомбардировка!

Вдова Пенсо не могла успокоиться.

Мы вышли на воздух. У реки было тихо и солнечно. По мосту мчались автомашины. В саду вдовы Пенсо под ветерком нежно трепетали гладиолусы. Я предложил сфотографироваться на память.

— Что вы, что вы! — заволновалась наша хозяйка.— Я в домашнем платье.

В это время к нам подошел черноволосый человек в клетчатой рубашке.

— Это мой брат, мой родной брат. Но как же я могу фотографироваться, ведь я не ожидала?

Брат вдовы Пенсо улыбался.

— Это же русские, друзья. Что ты волнуешься?

— Ну, разве так,— сдалась вдова Пенсо.— Разве так.

На столе остались недопитое вино и ломтики козьего сыра. Мы долго пожимали друг другу руки, прежде чем совсем покинуть этот маленький островок человеческой жизни, принявший на себя много горя от военных невзгод.

Как предают Жанну д'Арк

Уже совсем близко был Париж. Дорожные указатели постоянно напоминали об этом. Впереди лежал Орлеан. У нас никаких особых планов по пребыванию в Орлеане не было. Хотелось хотя бы бегло взглянуть на этот город, с именем которого связаны славные страницы национального освобождения Франции, да еще посмотреть на памятник Орлеанской девы.

Но у месье Тома были свои расчеты. Не говоря никому ни слова, он вел автобус по гулким улицам Орлеана. Посыпались вопросы: куда мы едем? Но месье Тома не отвечал. И, только вывернув круто на какой-то площади, он остановил машину возле парка, на самом краю которого виднелись большие часы, сделанные из цветов. Медленно двигалась минутная стрелка, показывая, что день уже перевалил к вечеру.

— Это — чудо! — сказал Тома, неподдельно любуясь цветами.

Автобус тронулся, и мы вскоре оказались на площади, в центре которой стоял памятник Жанне д'Арк. И здесь мы увидели еще одно «чудо». Мимо памятника, огибая площадь, проносились американские военные машины: грузовые и полугрузовые, «джипы» и «пикапы», на каждом виднелись черные буквы «US» и белая пятиконечная звезда — признак принадлежности к вооруженным силам Соединенных Штатов Америки. Видимо, жители Орлеана привыкли к этим картинам, никто из стоявших на площади не обращал особого внимания на всю кощунственность этого сочетания, но, признаюсь, нам это показалось удивительно горьким. Именно здесь, возле памятника человеку, ставшему легендой и символом независимости Франции, как ни в чем не бывало катили автомашины чужих воинских соединений, по существу, оккупировавших французскую землю! Память Жанны д'Арк приминалась рубчатыми покрышками американских автомашин. Дело Жанны д'Арк было предано.

Выбираясь из Орлеана, на набережной Луары, а затем на многих улицах, в предместьях и в маленьких городках, на обочинах дорог в поле мы встречали машины, машины, машины. Временами казалось, что наш маленький автобус вдруг попал в прифронтовую полосу, где шла кипучая деятельность вторых эшелонов, готовивших армию к наступлению. В одном месте, у обочины, возле машины, стояла группа молодых американских солдат, с удивлением воззрившихся в объектив моего фотоаппарата. Что они делали здесь, среди мирных французских полей, окаймленных рядами невысоких деревьев? Что им здесь было надо?

Автобус подходил к Фонтенбло. Дорога шла густым лесом; изредка попадались плакаты с надписью «Осторожно, олени!». И невольно подумалось о том, что тем, кто смотрит за охотничьими угодьями, следовало бы повесить в этих местах, где среди старых буков и дубов разбиты сейчас ла-

Вдова Пенсо и ее брат.

Пьер Табель — «сам себе рабочий и фабрикант».

геря иноземных войск, плакаты: «Осторожно, американцы!».

...Уже совсем к вечеру, когда за Эйфелевой башней догорал закат, мы въехали в Париж. Столица Франции была украшена флагами Федеративной Республики Германии. В Париж с визитом прилетел президент ФРГ Любке. Это был канун двадцатилетия начала второй мировой войны...

Красные розы Парижа

Месье Тома выполнил обещание и вызвал из Гавра в Париж свою жену. Таким образом, мы имели возможность познакомиться с Мадлен, тронутой легкой сединой, удивительно симпатичной и простой женщиной. Мы отметили этот событие дружеским обедом в ресторане «Золотой шар» в маленьком, тихом городке Версаль.

Мы снова любовались Парижем, берегами Сены, широкими и красивыми площадями. Так уж повелось, что Парижем любуются и восторгаются люди всего мира. И не только те, кто приезжает в Париж с иностранными паспортами, но и свои, провинциалы, не так уж часто бывающие в Париже. Скажем прямо, не все парижане так же относятся к своим провинциалам. Как-то вечером наш автобус с трудом продирался по запруженным улицам Монмартра, мимо шумных, сверкающих электрическим светом ресторанчиков. И вдруг раздались голоса: «Кальвадос, кальвадос!». Месье Тома вздрогнул: кальвадос! Название немудреного и малоприятного питья, производящегося в Нормандии, здесь, в Париже, обращено в насмешку над нормандцами. Улыбнулись и мы, но над теми из наших соотечественников, кто, начитавшись Ремарка, выдает себя за знатоков Запада и носителей истинной «западной культуры» только потому, что стал после «Триумфальной арки» врастяжку произносить слово «кальвадос».

Но Париж — это не только Монмартр, Елисейские Поля, Лувр и Булонский лес. Париж — это рабочие окраины, это запыленные блузы, это сотни тысяч тех, кто становится к станкам, кто создает прекрасную современную технику, кто борется за права трудящихся, кто стоит на страже мира. И не видеть и не знать этого Парижа — веселого и решительного, радушного и мужественного, доброжелательного и нежного — это значит не узнать и не познать французского народа, не почувствовать, откуда, из каких родников струится любовь и дружба трудового народа Франции к советским людям, к делу, ради которого мы живем и которое мы защищаем.

Наши друзья пожелали показать нам и этот Париж. Так мы оказались на улице Шаран, в одном из районов Парижа. Нас сопровождал муниципальный советник Морис Борлемон. Мы обошли несколько кварталов. Облезлые, старые дома. Опасные для жизни жилища. Вошли в мебельную мастерскую. Познакомились с Боларом Анри, ее хозяином. Семидесятилетний, старый человек стоял среди пыльной, забитой стружками, без лучика солнечного света мастерской.

— Мы делаем здесь мебель любой эпохи... Людовика, ампир, рококо — любую. Снабжаем ею магазины Парижа. Есть любители старой мебели... Мы и делаем ее такой, чтоб она казалась прошедшей через десятилетия. Только трудно работать. Я столярничаю с тринадцати лет. Молодые идут с неохотой...

На пороге маленькой, темной мастерской мы встретили пожилого человека с очками на лбу.

Мастерская, как темная кладовая, заставлена железом, какими-то приспособлениями.

Пьер Табель делает свинцовые болванки для пломб.

— Я алхимик,— посмеиваясь, говорит он.— Кустарь-одиночка. Сам себе рабочий и фабрикант.

— Как вы живете?

Пьер Табель указал рукой на мастерскую:

— Как работаем, так и живем. Хотел бы я поехать в вашу страну, в Россию, посмотреть ее. Многие вас еще и не знают как следует.

Вместе с Пьером мы поднялись по узкой лестнице в комнату под чердачной крышей, где живет маляр Жак Кордье. Самого хозяина дома не было. В комнате находилась Жаклина — жена хозяина. На кровати сидела маленькая дочь. Троим в комнате повернуться было негде. На улице шел дождь. Потолок протекал.

— Извините,— сказала Жаклина,— посадить не могу. Много лет не можем выбраться из этой конуры.

— Как живете?

— Перебиваемся кое-как. Как может жить семья маляра?

Мы попрощались. Когда вышли на лестницу, услышали голос Жаклины:

— Спускайся на пол, доченька. Теперь можно.

Мы стояли во дворе старого дома, на воротах было написано: «Не ходить. Опасно для жизни». Морис говорил:

— Здесь уже не живут. Жильцы выселены. Тут жили ремесленники. Все они разорились. Когда в Париже рушатся дома, жильцов расселяют в разные далекие районы. Жилищная проблема — это политическая проблема. Власти стараются этот горючий материал, в политическом, конечно, смысле, расселить так, чтобы он растворился. Старый дом будет срыт, построят новый, но никто из здешних не поселится. Квартиры очень дорогие.

Накануне нашего отъезда друзья повезли нас на завод «Испано-Сюиза». У входа ожидали члены заводского комитета. Здесь были представители разных партий.

Нас тепло, дружески встретили.

— Что нас тревожит?—говорили рабочие.— Многое. Тревожит политика нашего правительства, которое проводит такие новые законы, что наши завоевания в области социального страхования, добытые в результате победы над фашизмом в послевоенные годы, находятся под угрозой. Все урезки идут за наш счет, за счет рабочих. Здесь и медицинское обслуживание и пособия по болезни, по увечьям, инвалидности...

Нас пригласили пообедать в рабочую столовую. По радио объявили:

«Впервые на нашем заводе находятся советские журналисты!»

Мы сидели за столом вместе с заместителем секретаря заводского комитета Жоржем Шойню, на руке которого еще синел номер узника Бухенвальда. Постепенно нас окружили рабочие. Пожимали руки. Целовали. Хлопали по плечу. Каждый хотел сказать хоть несколько слов.

— Я жил в Германии. Знаю немцев. Правильно, что существуют две Германии. Не поддавайтесь угрозам. Ваша сила — опора нашей борьбы,—говорил старый рабочий.

— Передайте поцелуй Гагарину,— говорила голубоглазая работница, целуя нас.

— Привет вашей молодежи. Мы любим Советский Союз,— пожимал нам руки русоголовый парнишка.

— Я католик. Я не разделяю все ваши убеждения. Но с двадцать четвертого года я борюсь за наши права вместе с коммунистами. Я во всем поддерживаю ваши позиции. Передайте привет товарищу Хрущеву. Он ведет правильную борьбу.

Если бы можно было запомнить все добрые слова, которые мы услышали в этот короткий обеденный час в рабочей столовой завода «Испано-Сюиза»!..

Последняя короткая встреча была с руководством коммунистической организации завода.

— Товарищи,—говорили нам,— мы вместе с вами в вашей борьбе за мир. Передайте в Советском Союзе, что рабочий класс Франции, коммунисты Франции выполнят до конца свой долг, какие бы испытания нас ни ждали!

Юные пионеры поднесли нам букеты красных роз.

С этими красными розами мы покинули завод и улетели в Москву.

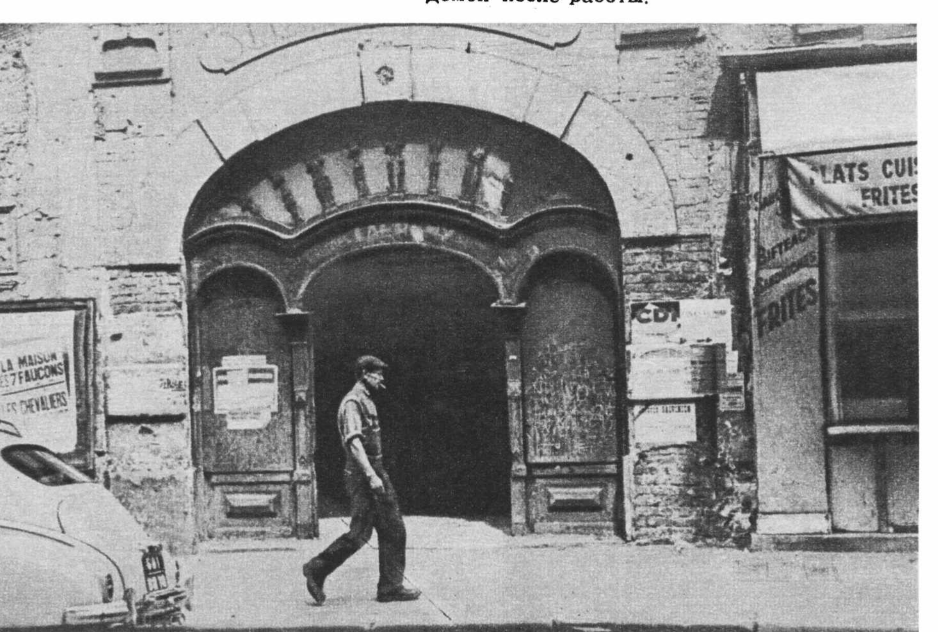
* * *

Так закончилось наше трехнедельное путешествие по Франции. Сложные и разнообразные впечатления остались в памяти об этих днях. С одной стороны, мы почувствовали дружбу и любовь к нашей стране. Этому свидетельством—многие, отнюдь не подготовленные кем-то встречи. И одновременно мы видели своими глазами, что земли Франции заполняются американской военщиной. Заполняются до такой степени, что скрыть это уже невозможно. Французская реакционная печать, трубадуры американских магнатов типа мистера Картье сеют клевету и раздувают военную истерию, пытаясь одурманить французский народ. Но жизнь идет своим ходом. Народ Франции не хочет войны. Он не хочет снова видеть руины на месте своих городов, бесконечные ряды крестов, как на высотах Вердена. Не хочет! Но впереди борьба — суровая, решительная, непреклонная борьба за мир, за право людей каждой страны спокойно встречать утро встающего дня. Франция имеет достаточно сил для этой святой и благородной борьбы.

Париж. Улица Шаран. Здесь делают мебель любой эпохи.

Домой после работы.

Г. КОРОБКОВ,
заслуженный тренер СССР

В ноябре прошлого года мне пришлось побывать в Афинах на одном из конгрессов европейского комитета Международной легкоатлетической федерации. В один из свободных от заседаний дней мы, участники конгресса, сели в автобусы и совершили увлекательную поездку по Пелопоннесу — полуострову, лежащему за знаменитым Коринфским каналом.

Свернув влево по пыльному проселку, мы вскоре остановились вблизи нищей греческой деревушки. Организаторы поездки приготовили нам сюрприз: мы были первыми специалистами в области спорта, посетившими недавно начатые раскопки самого древнего из известных археологам стадионов.

Великолепие мраморных руин составляло резкий контраст с современными домишками, окружавшими место раскопок.

Стадион был построен задолго до того, как 2 737 лет тому назад

Олимпийский стадион в Риме.
Фото Ассошиэйтед Пресс.

Спорт №1

состоялись первые из документально зафиксированных Олимпийских игр. Все отлично сохранилось: древние «стартовые колодки» бегунов, выдолбленные в плитах знаменитого белого мрамора; место стартера, который в те годы не возвышался над спортсменами, а, наоборот, сидел в углублении; прямые прорези в мраморе, по которым проходили шнуры к деревянным воротам, преграждавшим на старте путь каждому из бегунов.

Шнуры эти, как кучер вожжи, держал в руках стартер. Когда он бросал их, все ворота открывались одновременно, путь был свободен, и бегуны брали старт. Так древние греки уже в те годы хитроумно применяли технику, исключающую фальстарты!

Это ли не вещественные, живые доказательства того, что легкая атлетика — самый древний на земле вид спорта!

☆ ☆ ☆

Легкая атлетика. Древние греки, вероятно, и не предполагали, что через много сотен лет название это зазвучит насмешкой. В наше время вряд ли кто-нибудь назвал бы «легким» вид спорта, требующий от спортсмена быстроты и мощности тигра, выносливости иноходца, ловкости обезьяны.

Мало кто знает, что перед тем, как установить мировой рекорд в беге на 10 тысяч метров — 28 минут 18,8 секунды,— Петр Болотников пробежал за годы тренировок на беговых дорожках и лесных тропах около 30 тысяч километров.

Валерий Брумель перепрыгнул через планку, установленную на высоте 2 метра 25 сантиметров, когда ему еще не исполнилось 19 лет. Но для того, чтобы прыгнуть на 40 сантиметров выше собственного роста, ему понадобилось около шести лет упорных тренировок. За эти годы мощность его толчка и его ловкость достигли пределов, недавно казавшихся фантастическими.

Как же звучит сейчас пророчество главного тренера легкоатлетов США на XV Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки Брутуса Гамильтона, выступившего в свое время с нашумевшей таблицей предела человеческих возможностей в беге, прыжках и метаниях? Американский тренер утверждал, что люди никогда не смогут толкать ядро дальше 17 метров 40 сантиметров (мировой рекорд сейчас равен 20 метрам 6 сантиметрам), бегать 400 метров быстрее 46 секунд (американец О. Дэвис недавно пробежал дистанцию за 44,9 секунды), прыгать выше 2 метров 10 сантиметров (вспомним Валерия Брумеля!) и т. д. и т. п.

Да, в наши дни перевелись любители предсказывать «пределы» и «потолки» рекордов. Из 33 основных рекордов мира в беге, ходьбе, прыжках и метаниях 28 установлены в 1960—1961 годах.

Наступление на рекорды началось с особой силой в 1954 году, после выступления советской команды в Швейцарии на первенстве Европы. На мировую арену вышла новая сила. Спокойная жизнь для легкоатлетов США, которые десятки лет доминировали в этом виде спорта, кончилась.

Начиная с I Олимпийских игр 1896 года в течение 60 лет продолжалась гегемония атлетов США. Достаточно сказать, что американцы на всех Олимпиадах, включая мельбурнскую, завоевали 182 золотых медали по легкой атлетике, в то время как все остальные страны, взятые вместе, смогли получить лишь 177.

Последний триумфальный итог выступления команды США по легкой атлетике был подведен в Мельбурне в 1956 году — 210 очков и 16 золотых медалей. Но уже тогда второй была команда СССР: 144,5 очка и 5 золотых медалей. А после Мельбурна началось быстрое изменение в соотношении сил в мировой легкой атлетике.

«Если все пойдет в соответствии с русским планом, то легкоатлеты США не позже чем в 1960 году потерпят поражение на Олимпийских играх»,— заявил, вернувшись из Швейцарии с первенства Европы 1954 года, известный американский тренер Дон Кэннам. Главный тренер Мичиганского университета оказался пророком: в 1960 году, на XVII Олимпийских играх в Риме, впервые в истории американская команда потерпела поражение от команды СССР...

☆ ☆ ☆

Чем же объяснить такой поворот в истории мировой легкой атлетики?

Об этом еще в 1957 году на страницах журнала «Спортс иллюстрэйтед» очень точно сказал известный американский ученый-физиолог и тренер доктор Ричард Ганзлен: «...В будущем ждите из России еще немало сенсационных достижений в легкой атлетике. Перед лицом противника, имеющего неограниченные условия для развития спорта, с населением в 200 миллионов человек для выбора атлетов, тренируемых на научных основах, Соединенным Штатам не удастся сохранить свое ведущее положение».

Прошло несколько лет. И вот действительно легкая атлетика уже не является монополией одной нации — теперь она принадлежит всем. Выдающиеся атлеты готовятся сейчас не только в США, но и в СССР, в Польше, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Румынии, КНДР.

Но эта простая и ясная истина все еще никак не может дойти до сознания некоторых спортивных руководителей за океаном. Вот почему кое-кто из них так болезненно воспринял итоги состязаний легкоатлетов на римской Олимпиаде.

☆ ☆ ☆

Сегодня для успеха в любом виде легкой атлетики недостаточно одних блестящих физических данных. Нужна наука. Нужно творчество.

Прошли те времена, когда на вопрос о том, как стать великим тренером, Ларри Снайдер — главный тренер США в Риме — полушутя, полусерьезно мог ответить: «Почаще ходить в церковь и молиться, чтобы вам попался такой ученик, как Джесси Оуэнс».

В наше время тренер Брумеля Владимир Дьячков пишет книгу о прыжках в высоту объемом в 300 страниц, раскрывая методику подготовки прыгуна на основе данных физиологии, психологии, биомеханики, педагогики и многих других наук. Когда в Риме один из французских журналистов спросил в то время мирового рекордсмена по прыжкам в высоту американца Джона Томаса, читал ли он эту книгу, последний ответил: «Не понимаю, что можно на-

Австралиец Эллиот выигрывает бег на 1 500 метров в Риме.

писать о прыжках на 300 страницах — ведь прыгать так просто!» Не скрыта ли в этом ответе одна из причин его поражения?

☆ ☆ ☆

Но всего этого не хотят понять некоторые заокеанские знатоки. Об этом говорит письмо некоего Роберта Д. Барнеса. Прочитав в газете «Нью-Йорк таймс» перевод статьи, помещенной в журнале «Огонек», в которой подводились итоги XVII Олимпийских игр и давалась оценка американской легкой атлетике, Барнес не согласился с нашими утверждениями о причинах поражений легкоатлетов. «Нет, господин Коробков, вам придется подыскать лучшие доводы, чем те, которые вы приводите,— писал Барнес.— Все они являются просто дымовой завесой, чтобы скрыть вашу зависть к нашим природным спортивным способностям»,— так писал Роберт Д. Барнес.

Да, американский народ и особенно негритянская его часть дают большое число талантливых спортсменов — бегунов, прыгунов, метателей. В этом двух мнений быть не может, и мы не завидуем, а приветствуем замечательных атлетов США. Но то, что мировые рекорды американских атлетов находятся в резком контрасте с физической подготовкой и здоровьем нации,— это факт. И это факт не случайный, а закономерный, вытекающий из самого существа «американского образа жизни».

Я не собираюсь спорить с Барнесом и его сторонниками сам, а предоставлю слово человеку, более для них авторитетному, который высказался по этому поводу на страницах одного из самых популярных спортивных журналов США, «Спортс иллюстрэйтед». Этот человек — нынешний президент США Джон Кеннеди. Вот что он писал: «Та истина, что физическая подготовка гражданина является важной основой для энергии и жизнеспособности нации в любой отрасли деятельности, стара, как сама западная цивилизация. Но это та истина, которая сегодня в Америке грозит быть забытой.

Первый раз мы убедились в падении физической силы и способности молодых американцев во время войны в Корее. Второй раз — когда были опубликованы данные о том, что каждый второй молодой американец признается негодным к несению воинской службы как умственно, морально и физически неподготовленный.

Но наиболее пугающей демонстрацией общего физического упадка американской молодежи было обнародование результатов 15-летней исследовательской работы доктора Ганса Крауса и доктора Сони Вебера, которую они вели в клинике нью-йоркского пресвитерианского госпиталя — результаты обследования физической подготовки 4 264 американских и 2 870 австрийских, итальянских и швейцарских детей. Эти исследования показывают, что американская молодежь далеко отстает от европейской в своей физической подготовке.

Были даны шесть тестов мышечной силы и подвижности, 57,9% американцев не смогли их выполнить в то время, как среди европейцев их было лишь 8,7%...»

Таково состояние американской молодежи, по свидетельству президента США Кеннеди. Что можно добавить к этому? Скажем лишь, что наш путь другой. Это путь массовой легкой атлетики, массового спортивного мастерства. Наши рекорды — это результат здоровья народа, его постоянно растущей физической подготовки.

Наши возможности кроются в нашем советском образе жизни, в нашей социалистической системе. Не случайно в проекте Программы КПСС записано: «Физкультура и спорт прочно войдут в повседневный быт людей». И именно в этом — залог наших будущих успехов.

☆ ☆ ☆

В последние годы советские легкоатлеты встречались с самыми сильными противниками — представителями всех континентов земли. Помимо встреч с американцами на Олимпиаде, мы состязались с ними в трех товарищеских матчах и неизменно добивались успеха. Мы не боимся этих соревнований. Наоборот, мы ищем их.

Для нас соревнования с самыми сильными в мире — лучшая проба сил.

У всех еще в памяти последний товарищеский матч СССР—США, состоявшийся 15—16 июля в Москве. Советским спортсменам удалось в упорной борьбе опередить противников на 16 очков, выиграв 17 из 32 видов легкой атлетики. Но это не дает нам никакого права почить на лаврах. Тревожат 13 поражений у мужчин. Если счет очков по женской программе был 68 : 39 в нашу пользу, то у мужчин он был в пользу США — 124 : 111.

В чем же причины отставания наших спринтеров, барьеристов и средневиков? Прежде всего в нашем неумении отбирать способных спортсменов. Мы всколыхнули огромные массы молодежи. На стадионы вышли сотни тысяч юношей и девушек. Но, подняв эту массу, мы до сих пор не научились отбирать из нее тот «человеческий материал», который так нужен нашей сборной команде страны. Сотни талантов проходят пока что мимо нас, остаются нераскрытыми или раскрываются слишком поздно. Ведь не определишь же по цвету глаз и даже по длине ног будущих членов Олимпийской команды СССР. Кто знает, какие результаты показали бы в беге на короткие дистанции Юрий Коновалов и Владимир Сухарев, если бы они были «найдены» не в 20 и 22 года, а на 7—8 лет раньше! Ведь итальянец Ливио Беррути и спортсмен из ФРГ Армин Хари к двадцати годам уже были всемирно известными спринтерами.

☆ ☆ ☆

Огромное значение приобретает в легкой атлетике методика спортивной тренировки. Тут большое поле деятельности для наших тренеров, спортсменов, врачей, ученых. Сколько здесь нерешенных вопросов! Например, до сих пор не ясно, правильно ли тренируются многие наши спринтеры. Ведь результат бегуна на короткие дистанции зависит от комплексного развития его быстроты, силы, выносливости и спортивной техники. Правильно ли делают многие из наших тренеров и спортсменов, уделяя львиную долю своего тренировочного времени попыткам развития быстроты спортсмена? Можно ли вообще значительно увеличить быстроту, когда человеку уже исполнилось 17—18 лет?

Почему в тренировке таких спринтеров, как олимпийские чемпионы Армин Хари, Ливио Беррути, и многих других, главное внимание уделяется развитию специальной выносливости, совершенствованию техники и специальной силовой подготовке и совсем незаметна работа, непосредственно направленная на «развитие быстроты»?

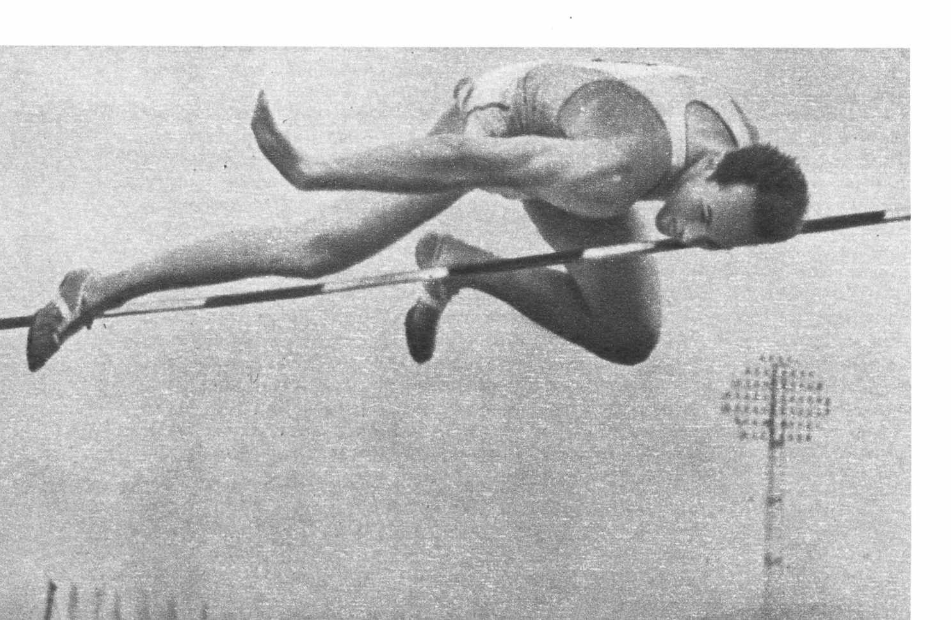
Физиология говорит нам, что быстрота, как качество нервной системы, раньше других двигательных качеств человека достигает того уровня, с которым он будет жить потом долгие годы. Сила и выносливость приходят позже. Развитие быстроты и освоение техники должны идти в ранние годы. Пытаться в 18—19 лет продолжать развивать быстроту — дело почти бесполезное.

Бег на 1 500 метров все еще остается нашей «ахиллесовой пятой». В чем дело? Что же главное в подготовке средневика? Правильно ли делают те тренеры и специалисты, которые идут к этой дистанции от быстроты, от спринта? Или правы те, кто идет от общей выносливости и работоспособности, от более длинных отрезков дистанции?

В самом деле, видим ли мы среди сильнейших бегунов на 1 500 метров спортсменов, показывающих выдающиеся секунды в беге на короткие дистанции — от 100 до 400 метров? Почему олимпийский чемпион Герберт Эллиот в своей тренировке не ставил задачи поднять потолок своей скорости в беге на 400 метров и не бегал эту дистанцию резвее 50 секунд? Почему почти все лучшие бегуны на 1 500 метров имеют, однако, выдающиеся результаты на более длинных дистанциях — в беге на 3 тысячи и даже 5 тысяч метров?

Впереди 1962 год. Для нас это год первенства Европы в Белграде и год IV традиционного матча СССР—США в Стэнфорде. А там и до XVIII Олимпийских игр в Токио рукой подать. Нам нельзя терять ни одной секунды.

Феноменально! Валерий Брумель в Софии на Всемирных студенческих играх совершает «космический» прыжок. Высота 2 метра 25 сантиметров взята — новый мировой рекорд.

Мировой рекордсмен в беге на 10 тысяч метров П. Болотников.

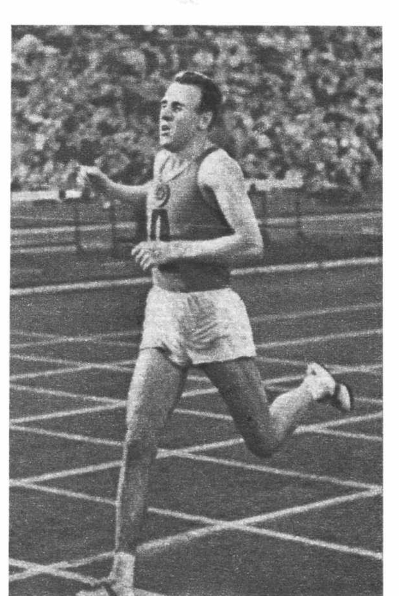

Фото А. Бочинина и В. Савостьянова (ТАСС).

Борис ЕГОРОВ

Нейлоновая обезьянка

ариса и Вадим поженились, и у них появился мальчик, и ему дали имя, которое было припасено на случай «мужского варианта»,— Сережа.

Жили они в небольшой комнате. Но на тесноту не жаловались. Во-первых, они были очень счастливы, а во-вторых, знали, что до новоселья недалеко.

И это было действительно так. Завод, где работал молодой супруг, достраивал новый дом. Талантливому инженеру и члену общественного конструкторского бюро квартира была обеспечена. Вадим знал даже номер. И не только номер.

Вечером, когда Сережа уже спал, Вадим в тысячный раз сообщал Ларисе:

— Третий этаж, две комнаты, кухня, балкон, окна на восток, потолок — два восемьдесят.

Лариса мечтательно качала головой:

— Вот это жизнь!

Потом «третий этаж, две комнаты...» из области мечты перешли в реальность.

На новоселье товарищи подарили Вадиму радиоприемник, а Ларисе ее подруги — закройщицы ателье—преподнесли чайный сервиз.

В общем, в этой семье все было так, как и в тысячах других. И можно было бы сказать, что Вадим и Лариса стали еще более счастливы, если бы в само понятие «счастье» они не внесли своего, несколько своеобразного толкования.

Когда первые радости новоселов приостыли, на лицах супругов появилась тоскливая озабоченность.

— Знаешь, Вадя, а эти шкафы у нас дрянь,— заметила Лариса.— Я сегодня была у Белугиных, видела такой гарнитур! Остолбенеть можно. Спросила, где достали,— не говорят. Виляют. Но я тихонько разведала у их домработницы...

Разведка оказалась точной, и через две недели мебельный гарнитур, абсолютная копия белугинского, занял свое место в квартире.

Вадим погладил рукой полированные бока серванта и восторженно произнес:

— Вот это вещь!

У него было очень хорошее настроение. И не только потому, что приобретен «белугинский гарнитур». Два часа назад он узнал приятную весть: техническим советом одобрено его изобретение.

— Ты у меня молодец,— сказала Лариса, чмокнув супруга в щеку.— А деньги тебе за это полагаются?

— Конечно.

— Так вот. Я уже знаю, куда их потратить. Вчера мы всем ателье ходили смотреть один французский фильм. Ну, скажу тебе, я видела в нем такие бра и торшеры — остолбенеть можно! Представляешь, если все это будет у нас, мы приглашаем Белугиных. Вот они завоют!

Вадим очень любил свою супругу и не возражал.

— Ларочка,— сказал он.— В нашем старом доме живет один пенсионер. Он всю жизнь работал по осветительной части. И сейчас, кажется, тихонько продолжает...

— Прекрасно! — перебила супруга.— Мы покупаем ему билет в кино. Он смотрит фильм и все воспроизводит в натуре...

Квартира Вадима и Ларисы украсилась торшерами и бра, старичок не подвел.

Белугины «завыли». Спрашивали Ларису, откуда у нее это диво-освещение, но она неопределенно пожимала плечами:

— Так, случайно досталось...

Следующий удар по Белугиным был нанесен книжными полками. Двадцать уникальных полок, сделанных по эскизам одного архитектора-книголюба! Архитектор умер, и вдова распродавала имущество, собираясь переехать на жительство к сыну в другой город.

— Полки — остолбенеть! — восторгалась Лариса.

— Тут, правда, маленькая неувязка выходит,— озабоченно говорил супруг.— Книг-то у нас почти нет. Кроме моих, технических. Ну, полки на три натянуть можно. А дальше?

— А дальше надо покупать. Только чтобы по размеру подходили... Какие-нибудь собрания сочинений.

— Но ведь на них подписка...

— Возьмем те, которые без подписки. Если полки будут пустовать, неприлично. Вдруг к нам приедут... А вообще все полки заполнять книгами не обязательно. Посуду кое-какую поставим. Мелочи разные — глину, керамику, фарфор...

Лариса не договорила: маленький Сережа подошел к одной из полок и пытался открыть ее.

— Сережа, отойди от полки!

Сережа с обиженным видом побрел в другую комнату.

— Сережа, туда не ходить!

В соседней комнате стояли кресла «белугинского гарнитура». Мальчику строжайше запрещалось приближаться к ним. Но именно сюда его и тянуло. Видимо, только потому, что это было под запретом. Если Сережа замечал, что за ним не следят, он моментально влезал на одно из кресел и располагался в нем с торжествующим видом.

Узрев нарушение порядка, мать разводила руками: «Ну что за ужасный мальчишка! Все кресла попортит. Придется между ручками веревки натягивать, как в музеях...»

Разговор о новых приобретениях окончился минорно.

— Да, на все это деньги нужны...— раздумчиво заметил Вадим.

— Ты опять о деньгах? Вечно их не хватает. И так уж стараемся экономить. В театр не ходим...

— Ох, уж эта твоя экономия! — вздохнул муж.— Мне даже газету не выписала.

— Хватит тебе о газете. На работе почитаешь. И вообще, какие ко мне претензии? Претензии могут быть у меня.— Лариса перевела дух.— У других мужья! А мой готов целыми вечерами бесплатно работать.

— Но это же общественное конструкторское бюро...

— Ах, оставь! Какое это бюро, если денег не платят! Да что там говорить! Положение должна спасать я. Уйду из ателье, буду шить дома, для знакомых. Это выгоднее... Сережа, марш от серванта!

— Черт знает, не жизнь, а какая-то проза! Действительно, что-то надо делать...

— Да, радости мало, если учесть, что Иванниковы купили импортный магнитофон, а у нас — простой.

— Зато у нас хороший радиоприемник, подарок товарищей.

— Ха! Тоже придумали твои товарищи! Вот если бы телевизор, тогда в кино не надо ходить...

Через некоторое время в доме появились часы. Они призваны были заменить проверенный и испытанный будильник. Но этого не произошло.

Часы в красивой деревянной оправе были настолько хороши, что стояли всегда в чехле. Чехол снимали только тогда, когда приходили гости.

— Вещь надо уважать,— говорила Лариса.

Фантазия молодой хозяйки продолжала работать. Однажды Лариса сказала мужу:

— Ты знаешь, Вадик, что я сегодня купила? Сколько ни ломай голову, не догадаешься.

С этими словами Лариса достала из сумки маленькую игрушечную обезьянку.

Рисунок Ю. Черепанова.

— Нейлоновая обезьянка! — восторженно пояснила она.— Ты видел у кого-нибудь такую? И не увидишь. Я за ней специально охотилась. Один человек привез то ли из Швеции, то ли из Греции.

— Это вещь! — согласился супруг.

— А знаешь, для чего она? Вообрази, мы едем на собственной машине, а около ветрового стекла болтается вот это чудо...

Она благоговейно посмотрела на мартышку из нейлона. В ее глазах эта обезьянка была символом счастья.

Из мечтательно-гипнотического состояния Ларису вывел супруг:

— Подожди, какая машина? Я ничего не знаю...

— Ах, я не сказала тебе: я же записалась на очередь... Ты удивляешься? Мы что, хуже других?

— Нет, не хуже,— ответил Вадим.— А пока машины еще нет, дай-ка я подвешу обезьянку к люстре.

Он встал на Сережкину скамейку и начал завязывать узелок.

— Ну, пора спать. Наш сынуля не дождался и улегся сам.

Вадим и Лариса ходили по комнате, доставали из шкафа простыни и подушки, а над ними под люстрой качалась на ниточке нейлоновая обезьянка. Нитка закручивалась и раскручивалась, и обезьянка поворачивалась, словно оглядывая свои владения. Да, это были ее владения. Главной тут была она.

«Таинственная записка»

Таково название документальной повести Героя Советского Союза, генерал-майора А. САБУРОВА, которую со следующего номера начинает печатать журнал «Огонек».

Близнецы

Киностудия «Мосфильм»
ПРИГЛАШАЕТ
для участия в съемках фильма «ПАВЛУХА» двух похожих мальчиков-близнецов 8—10 лет.
Справки по тел. Г 1-00-20, доб. 3-41, 2-92, ежедневно с 10 до 13 часов.
Проезд: метро ст. «Киевская», тролл. № 7, до проходной, корпус 1, 1-й этаж, комната 160.

И. ВЕРШИНИНА,
А. УЗЛЯН

В эту прозаическую минуту, когда представитель киногруппы сдавал текст объявления в редакцию «Вечерней Москвы», он меньше всего думал о своем сходстве с Алладином, выпустившим дух из бутылки. Если им и владели сомнения, то лишь в том, даст ли анонс нужный результат. Лето, ребята в лагерях, в деревне, на даче, да и сколько близнецов-мальчишек, к тому же определенного возраста, может проживать в Москве?

Это был последний спокойный день в жизни киностудии «Мосфильм». В коридорах и павильонах мелькали лица известных киноактеров, в проходной звучали знакомые фамилии. Размеренные, красивые, поставленные голоса вызывали по коммутатору «Суд сумасшедших», просили дать им «Взрослых детей», «День молодого человека», «Войну и мир»... И если такие просьбы могли бы озадачить телефонисток другого учреждения, то здесь они воспринимались спокойно: обычные деловые звонки в съемочные группы.

Наутро после опубликования все изменилось. По всем проводам студии детские голоса, словно заклинание, кричали: «Павлуха!», «Дайте «Павлуху»!.. Не отставали и родители.

Вскоре пассажиры троллейбусов, идущих на Потылиху, с испугом констатировали, что у них в глазах двоится — ну, где же встретишь сразу 6, 8, 10 близнецов?

Вахтер «Мосфильма» тоже принял это за оптический обман, когда в его окошечке появилось несколько пар совершенно одинаковых детских рожиц.

А близнецы все прибывали. Маленькие и большие, беленькие и темненькие, похожие и вовсе не похожие, они стекались к киностудии.

Начался отбор. Ребята пели, читали стихи, рассказывали, разыгрывали несложные сценки — этюды, заданные режиссером, застывали перед фотообъективом, а потом... Потом начиналось приобщение к таинству, именуемому киносъемкой. Но она уже была уделом немногих.

...Когда поздно вечером геолог Суббота пришел домой с работы, ему бросилась в глаза лежащая на столе большая пачка газет. Развернув, он увидел, что все это сегодняшняя «Вечерка». На последней странице каждого экземпляра — цветным карандашом, чернилами, ногтем, даже красками — отмечено было объявление. Видно, не один человек здесь, в Раменском, вспомнил о его ребятах, читая анонс.

Так оно и было. Газету приносили знакомые и незнакомые, друзья по работе, соседи по улице и просто чужие, но хорошие, заботливые люди.

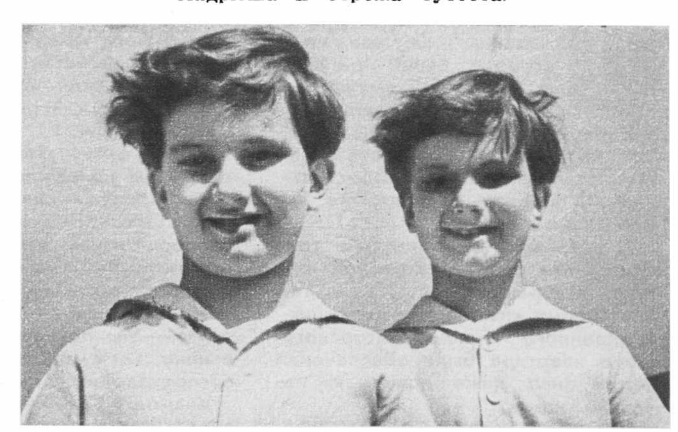
И если вначале у мамы были всякие сомнения, то за вечер решение созрело. С коллективным мнением у нас принято считаться.

Так в группе «Павлуха» появились мальчики со странной фамилией Суббота. По смешному повелению случая произошло это в субботу.

Они были немного застенчивы, но общительны. Дуэтом, привычно перебивая и дополняя друг друга, они рассказывали о себе. Живут в поселке Раменском, учатся в 3-м классе и еще в музыкальной школе, очень любят бегать по полям ловить бабочек. И хотя последнее обстоятельство не так уж было необходимо для создания образов 8-летних близнецов Коськи и Васьки —

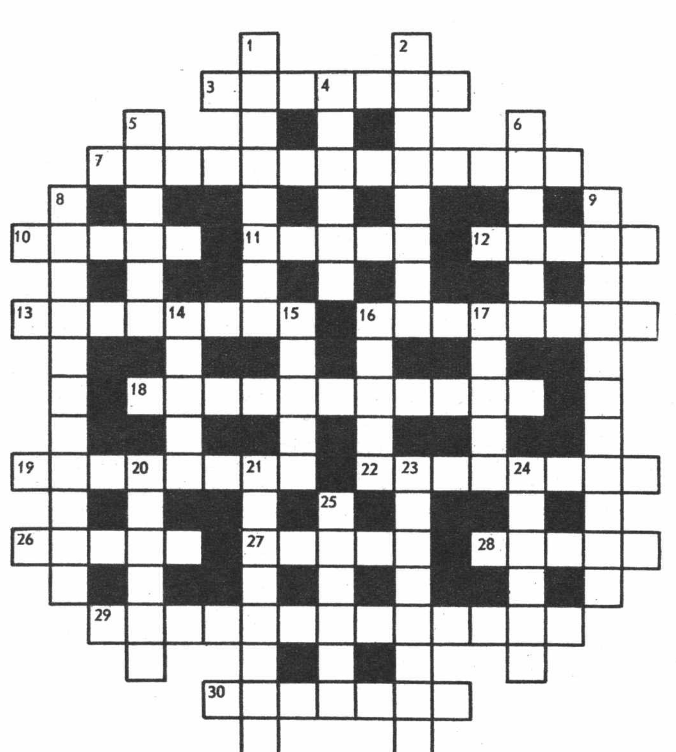

Андрюша и Сережа Суббота.

Шура и Володя Соколовы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Мыльный камень. 7. Сельскохозяйственная машина. 10. Спортсмен. 11. Бухта моря Лаптевых. 12. Работа на корабле всей командой. 13. Вокальный номер в опере. 16. Прадед А. С. Пушкина. 18. Основное население одной из автономных республик. 19. Танцовщица. 22. Город на Дону. 26. Советский космонавт. 27. Мучное изделие. 28. Штат на юге США. 29. Вдохновение, душевный подъем. 30. Отрасль медицинских знаний.

По вертикали:

1. Французский баснописец. 2. Многогранник. 4. Польская писательница. 5. Река на Балканском полуострове. 6. Заболоченные поймы рек. 8. Замена ручного труда машинами. 9. Русская народная плясовая песня. 14. Вид искусства. 15. Столица Ганы. 16. Бег лошади. 17. Степень нагрева. 20. Русский архитектор XVIII—XIX веков, ученик М. Ф. Казакова. 21. Искусственный химический элемент. 23. Организатор первой женской бригады трактористов. 24. Герой оперы П. И. Чайковского. 25. Советский физиолог.

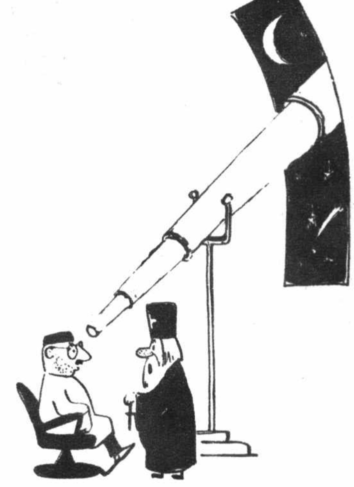
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

6. Прокопьевск. 7. Палеонтология. 10. Сайра. 13. Навои. 15. Каракал. 17. Форш. 18. Трек. 19. Конденсатор. 20. Баку. 21. Агат. 22. «Охотник». 25. Фильм. 27. Файер. 28. Преподаватель. 30. Силосорезка.

По вертикали:

1. Грелка. 2. Окрошка. 3. Япет. 4. Ветлуга. 5. Усагин. 8. Дарование. 9. Померанец. 11. Рашкуль. 12. Магнето. 14. Антраша. 15. Канио. 16. Леток. 23. Хоровод. 24. Изразец. 26. Мнение. 27. Фреска. 29. Азот.

После полета Гагарина и Титова:

— Профессор, есть ли бог хотя бы на других планетах?

Рисунок Г. и В. Караваевых.

На первой странице обложки: В иллюминаторе планета Земля. За линией горизонта простирается черное небо. На нем немигающе яркие звезды.
На последней странице обложки: Через иллюминатор оптического устройства «Взор» видны море и часть суши, над которыми плывут кучевые облака.

Снимки летчика-космонавта Германа ТИТОВА.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

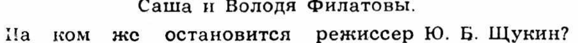
Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00325. Подписано к печати 6/IX 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1277. Заказ 2197.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Саша и Володя Филатовы.

На ком же остановится режиссер Ю. Б. Щукин?

Кажется, мои мальчики понравились!..

— Ну, сейчас ты на меня не похож.

Киносъемка началась.

жителей северного рабочего поселка, тем не менее оно сыграло немаловажную роль.

Дело в том, что Андрея от Сережи отличала только ссадина на коленке — след самоотверженной погони за бабочками. И когда на репетиции у режиссера возникали трудности, вытекающие из «особенностей производства», и он, как ни бился, не мог различить своих артистов, стоило взглянуть на коленку — и становилось ясно, что перед ним Андрей.

Наконец наступил момент кинопробы.

Вся киногруппа во главе с постановщиками Ю. Б. Щукиным и С. И. Тумановым заняла свои места у киноаппарата.

— Можно начинать? — поделовому, серьезно спросил режиссер у мальчуганов, которые, тесно прижавшись друг к другу, стояли за декорацией.

— Можно!..

Метнулась перед объективом дощечка с надписью «Павлуха».

— Мотор! — скомандовал оператор.

...Незадолго до выхода журнала мы позвонили на «Мосфильм» и попросили соединить нас с «Павлухой».

— Ну как? — спросили мы.— Удалось ли вам точно установить, сколько в Москве близнецов от восьми до десяти лет?

— Увы, кажется, на это потребуется счетная машина,— последовал ответ.— Ведь близнецы все еще идут.

Цена номера 30 коп.